

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**
2026. Том XXIX. № 3

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2026**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2026. Volume XXIX. No 3**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2026**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д.филос.н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д.филос.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (д.соц.н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д.соц.н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д.соц.н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к.соц.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к.полит.н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Ильинична Елисеева (д.э.н., профессор, чл.-корр. РАН, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к.соц.н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинкский университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебель (Dg., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д.истор.н., профессор, чл.-корр. РАН, ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dg., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д.соц.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д.соц.н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д.соц.н., профессор, БГУ, Минск, Беларусь)

Жанна Владимировна Чернова (д.соц.н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д.соц.н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

© Интерсоцис, 2026

© Авторы материалов, статей, 2026

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (Dr., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far-East, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Цивилизационный анализ

<i>Масловский М.В.</i> Современная историческая социология и концепция цивилизационной политики	7
--	---

Цифровая социология

<i>Мальцева А.В.</i> Цифровая социология как отрасль социологического знания (критический обзор)	24
---	----

Социология власти

<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Эффективность муниципальной власти в оценках локальных элит	57
--	----

Социология туризма

<i>Ильин В.И.</i> Туристская достопримечательность в экономике впечатлений	90
---	----

Городские исследования

<i>Гугуев Д.К.</i> Социологическое осмысление города в региональных исследованиях раннесоветского периода	119
<i>Вережагин И.Ф., Зашихина И.М., Фефилаьев С.А.</i> Социальные технологии в развитии городской среды: кейс Архангельска	150
<i>Заверткина А.А.</i> «Дома и сараи строили своими руками»: истории присвоения строящегося района промышленного моногорода (Фокино в Брянской области) в 1960–1970-е гг.	179

Методы социологического исследования

<i>Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.</i> Ответы за пределами анкеты: опыт качественной реконструкции нарративов о жизненных трудностях военного времени, высказанных респондентами в массовых политических опросах	212
---	-----

Антропология памяти

<i>Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю.</i> Вышелейские эпифании: концептуальная пересборка случайной этнографии	244
--	-----

Рецензии

<i>Юдина М.А.</i> Рецензия на книгу: Саден Э. (2025) Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта / Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. — 272 с.	275
--	-----

CONTENTS

Civilizational Analysis

- Mikhail Maslovskiy. Contemporary Historical Sociology
and the Concept of Civilizational Politics* 7

Digital Sociology

- Anna Maltseva. Digital Sociology as a Branch of Sociological Knowledge:
A Critical Review* 24

Sociology of Power

- Alla Chirikova, Valeri Ledyayev. The Effectiveness of Municipal Government
as Assessed by Local Elites* 57

Sociology of Tourism

- Vladimir Ilyin. Tourist Attractions in the Experience Economy* 90

Urban Studies

- Daniil Guguev. Sociological Understandings of the City in Regional Studies
of the Early Soviet Period* 119
- Ilya Vereshchagin, Inga Zashikhina, Semyon Fefilatiev. Social Technologies
in Urban Development: The Case of Arkhangelsk* 150
- Albina Zavertkina. "Houses and Sheds Built with Our Own Hands":
Stories of Appropriating a Developing Industrial Monotown
(Fokino, Bryansk Region) in the 1960s–1970s* 179

Sociological Research Methods

- Vladimir Zvonovsky, Alexander Khodykin. Beyond the Questionnaire:
A Qualitative Reconstruction of Respondents' Narratives
of Wartime Hardships in Mass Political Surveys* 212

Anthropology of Memory

- Roman Abramov, Elena Rozhdestvenskaya. Vysheley Epiphanies:
Conceptual Reassembly of Accidental Ethnography* 244

Reviews

- Maria Yudina. Spirited Away. Book review: Sadin E. (2025) *Spectral Life:
Rethinking the Age of the Metaverse and Generative AI*.
Trans. from French by A. Zakharevich. St. Petersburg: Ivan Limbakh
Publishing House. — 272 p.* 275

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Михаил Валентинович Масловский
(maslovski@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. (2026) Современная историческая социология и концепция цивилизационной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 7–23. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.1> EDN: FDDRZZ

Аннотация. Современный цивилизационный анализ представляет собой динамично развивающееся направление исторической социологии. Представители этого направления подчеркивают значение не только цивилизационного, но и имперского наследия в современных обществах. В трудах Й. Арнасона отмечается, что империи во многом зависят от цивилизационных предпосылок. Вместе с тем «имперское воображаемое» могло оказывать влияние на модернизационные процессы. Среди ведущих подходов в исторической социологии империй выделяются концепции М. Манна и К. Кумара. В работах Манна акцент делается на структурных факторах имперской динамики, тогда как Кумар характеризует роль идеологий и представлений об особой миссии империй, что сближает его подход с цивилизационным анализом. В статье рассматривается влияние идей цивилизационного анализа на политическую социологию. Как показывает В. Шпон, различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации. Кроме того, в статье характеризуется концепция «цивилизационной политики» как новый подход к изучению международных отношений. В то же время отмечается ограниченность конструктивистского анализа цивилизационной идентичности и политики. В качестве более продуктивного подхода предлагается сочетание социологического цивилизационного анализа и концепции цивилизационной политики. В заключительной части статьи рассмотрены различные интерпретации роли имперского наследия и оснований цивилизационной политики в России и Китае. В частности, указывается, что в современном Китае конфуцианская традиция дополняет «китаизированный марксизм»; вместе с тем прослеживаются элементы формирования новой цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: историческая социология, империя, цивилизация, модерность, цивилизационная политика, Россия, Китай

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01067-П, <https://rscf.ru/project/23-18-01067-П/>

Цивилизационный анализ как формирующаяся социологическая парадигма представляет собой перспективный теоретический ресурс для изучения интерпретативных рамок развития российского общества. Современный цивилизационный анализ включает разнообразные концепты и модели, совокупность которых позволяет выявлять особенности социокультурных констелляций, складывавшихся в мировой истории, а также их наследие в современных обществах. В центре внимания этого направления — взаимоотношения культуры и власти как двух переплетающихся сфер социальной жизни. Как отмечалось, значительную роль в возрождении цивилизационного анализа сыграла историческая социология империй (Арнасон 2021: 26). Интерес к имперским структурам и идеологиям отражал стремление «вернуть политическую власть» в цивилизационный анализ (Knöbl 2010: 94). Однако при обсуждении этого подхода имперский аспект не всегда учитывался в должной мере.

Понятие цивилизационной политики получило признание в исследованиях международных отношений в 2010-е гг., а к началу 2020-х гг. некоторые зарубежные политологи говорили уже о наступлении «новой волны» в изучении такой политики (Hale, Laruelle 2021). Однако в подобных исследованиях часто не принимался во внимание вклад цивилизационного анализа как направления исторической социологии. Между тем теоретические ресурсы данного направления могут быть адаптированы для изучения различных аспектов цивилизационной политики современных государств. Возможности сочетания подходов исторической социологии с концепцией цивилизационной политики можно продемонстрировать на примере России и Китая. В первой части статьи характеризуются концепции современной социологии империй. Во второй части рассматриваются цивилизационный анализ в политической социологии и концепция цивилизационной политики в исследованиях международных отношений. Третья часть статьи посвящена анализу подходов к изучению роли имперского наследия и процессов формирования цивилизационной политики в России и Китае.

Цивилизационный анализ и историческая социология империй

В 1960–1980-е гг. наступила так называемая вторая волна исторической социологии. Однако на протяжении большей части этого периода социология империй не получила значительного развития, хотя вышедшая в 1963 г. книга Ш. Эйзенштадта «Политические системы империй» рассматривалась как первое со времен классиков масштабное исследование политических структур в сравнительно-исторической перспективе.

Тем не менее существенного влияния на развитие исторической социологии в те годы эта работа не оказала, а ее автора упрекали, в частности, в неспособности увидеть в империях «динамичные и контингентные социальные системы» (Лахман 2016: 96). Вместе с тем имперской тематикой Эйзенштадт занимался до того, как сформулировал свою концепцию цивилизационного анализа. Интерес социологов к истории империй несколько оживился в середине 1980-х гг., когда был опубликован, в частности, первый том книги М. Манна «Источники социальной власти», в которой представлен новый подход к анализу зарождения имперских структур (Манн 2018а).

В исторической социологии обсуждалось соотношение понятий «империя» и «цивилизация». В трудах Ш. Эйзенштадта было продемонстрировано, что «цивилизационные паттерны являлись ключевыми факторами, определявшими форму имперских проектов, традиций и режимов» (Арнасон 2021: 27). Как указывает Й. Арнасон, империи, с одной стороны, во многом зависят от цивилизационных предпосылок. С другой стороны, империя может охватывать несколько цивилизаций. В качестве первого примера рассматривается Римская империя, которая отличалась «греко-римским дуализмом» и в дальнейшем заключила «цивилизационный компромисс» с христианством. Второй пример — империя Цин, объединившая китайскую и центральноазиатскую имперские традиции. Наконец, трансцивилизационная структура была характерна для империй, сложившихся в ходе европейской экспансии, в частности для Британской империи с ее индийскими владениями. В конечном итоге «сравнительная история империй должна отводить соответствующее место их особой мультисоциетальной структуре, не сводимой к структуре цивилизаций, и глобальным притязаниям, которые развиваются по мере их экспансии» (Арнасон 2021: 27). Вместе с тем теоретики цивилизационного анализа признавали необходимость выявления особенностей современных империй с учетом их цивилизационного наследия.

С точки зрения Арнасона, «имперское воображаемое» могло оказывать значительное влияние на модернизационные процессы. Он отмечает роль имперского измерения модернизации, обращаясь в том числе к истории дореволюционной России. По его оценке, стратегия индустриализации, проводившаяся российским государством с 1860-х гг., была во многом обусловлена имперскими амбициями и стремлением восстановить статус великой державы (Arnason 1993: 76). Подобным же образом Й. Терборн использует понятие «реактивной модернизации», обсуждая трансформационные процессы, ставшие ответом ряда государств на внешнюю угрозу со стороны Запада. Такой путь был характерен прежде всего для незапад-

ных империй. Основным примером успешной реактивной модернизации выступает в данном случае Япония после реставрации Мэйдзи, тогда как в Османской империи и империи Цин попытки начать такого рода трансформацию не привели к желаемому результату (Терборн 2015: 96).

С 2000-х гг. имперской тематике стало уделяться больше внимания, что было отчасти связано с ростом влияния глобальной истории. Например, понятие империи занимает значительное место в фундаментальном труде немецкого историка Ю. Остерхаммеля «Преображение мира», посвященном глобальным трансформационным процессам в XIX столетии (Остерхаммель 2024: 139–274). В ряде исторических исследований отмечается, что строительство наций не может быть понято без учета имперского контекста. Это относится не только к периферии, но и к ядру империй. Такой подход рассматривается как совместимый с концепцией множественных модерностей (Berger, Miller 2015: 11).

Важной вехой в становлении социологии империй стала публикация третьего тома книги М. Манна «Источники социальной власти». Этот том охватывает период с 1890 по 1945 г., который характеризуется как «глобализация, раздробленная империями». Опираясь на свою концепцию, Манн сравнивает Британскую, Американскую и Японскую империи (Манн 2018б: 24–178). Как указывает Манн, в конце XIX в. создание империи стало нормальным явлением как для старых промышленных держав, так и для таких восходящих держав, как Япония и США. В целом в своем анализе современных империй он выделяет главным образом роль экономической и военной власти, уделяя больше внимания структурным компонентам имперского правления, чем имперским идеологиям. В анализе Британской империи характеристика идеологической власти фактически ограничивается обсуждением «подъема расизма» (Манн 2018б: 72–76). Кроме того, в другой своей работе Манн использовал концепцию источников социальной власти для характеристики имперских тенденций в политике США в начале 2000-х гг. (Mann 2003). При этом он стремился показать, что «превосходство Америки в сфере военной власти не подкреплено соответствующим потенциалом в других формах власти» (Лакман 2016: 104–106).

Имперские идеологии рассматриваются в работах К. Кумара, посвященных теоретическому анализу соотношения понятий «нация-государство» и «империя». Согласно Кумару, эти понятия обозначают не просто различные идеальные типы, но и две крайние точки на определенном континууме. Реальные государства сочетают в себе элементы обоих идеальных типов, в большей степени приближаясь к одному из них. Вместе с тем империя и нация-государство выступают как различные формы

«политического воображаемого» и как альтернативные возможности, которые открывались перед политическими элитами в зависимости от исторических обстоятельств. В центре внимания при этом оказываются правители империй. В его исследовании выделяется роль имперской традиции, предполагающей ориентацию на предшествующие образцы имперского правления, хотя каждая империя, как правило, претендует на собственную уникальность и исключительность. В конечном итоге Кумар подчеркивает, что империи являлись частью современного мира не в меньшей степени, чем нации-государства. Нет оснований утверждать, что «век империй» сменился «веком наций-государств», а национализм пришел на смену империализму (Kumar 2017: 35).

Для подробного анализа Кумар выбрал пять кейсов: Османскую империю, империю Габсбургов (в двух ее версиях — Испанию с заморскими колониями и центральноевропейскую монархию австрийских Габсбургов), Российскую империю, включая советский период, а также Британскую и Французскую империи. Обращаясь к истории этих государств, Кумар уделяет особое внимание идеологиям и способам саморепрезентации империй, часто основанным на представлении об особой миссии, оправдывавшей их экспансию (Kumar 2017: 6). Такая миссия могла иметь религиозное обоснование, как в случае ислама. В современных империях она приобретала секулярную форму. В частности, Британская и Французская империи ориентировались на глобальные цели, претендуя на осуществление «цивилизаторской миссии». Идея глобальной миссии лежала и в основе советского проекта альтернативной модерности. Акцент на имперских традициях и идеологиях, по-видимому, сближает подход Кумара с цивилизационным анализом в современной исторической социологии.

В целом интерес к теме империи в исторической науке, политологии и социологии существенно возрос в последние два десятилетия. Характерно, что А.И. Миллер, ведущий российский специалист по проблемам имперской истории, предлагает «реабилитировать» понятие империи как инструмент политологического анализа (Миллер 2024а: 82–86). Отмечалось также, что история империй может дать некоторое представление о том, как будет выглядеть «пост-глобальный» или «де-глобализированный» мир (Kumar 2025: 38). В то же время историческая социология раскрывает не только особенности имперских структур, существовавших в прошлые эпохи, но и роль наследия империй в современных обществах. Однако требуется более детальное обсуждение соотношения имперского наследия и цивилизационного фактора в политической жизни современных государств.

Цивилизационный анализ в политической социологии и концепция цивилизационной политики

Современный цивилизационный анализ развивает традицию изучения исторических процессов, восходящую к трудам классиков социологии. Это направление характеризовалось как «культурно чувствительный и исторически ориентированный подход к социальной реальности, восполняющий дефициты традиционного для социологии структурно-институционального способа анализа “модерных” или “модернизирующихся” обществ» (Браславский, Козловский 2021: 151). Опирающаяся на цивилизационный анализ теория множественных модерностей подчеркивает контингентный, противоречивый и даже антиномичный характер современных социальных трансформаций. В то же время, как отмечает ведущий теоретик этого направления Й. Арнасон, в сегодняшнем мире нет «целостных цивилизаций того типа, о котором говорят те, кто предсказывает столкновение между ними или призывает к диалогу, чтобы предотвратить эту угрозу. Но цивилизации в плюралистическом, а не тотальном смысле продолжают жить и после своей смерти, и хотя эта вторая жизнь не такова, как их домодерная траектория, она реальна по своим историческим последствиям» (Арнасон 2021: 83).

В публикациях ряда исследователей обсуждалось значение идей, выдвинутых теоретиками цивилизационного анализа, для политической социологии. Наиболее систематически эти вопросы рассмотрены в работах немецкого социолога В. Шпона, определившего место парадигмы цивилизационного анализа среди направлений политической социологии (Spohn 2010). Как отмечает Шпон, он следует преимущественно версии цивилизационного анализа, предложенной Ш. Эйзенштадтом. Этим во многом обусловлено его повышенное внимание к влиянию религии на политическую сферу. Он характеризует концепцию множественных модерностей Эйзенштадта как наиболее значительную альтернативу неомодернистской парадигме и связанным с ней доминирующим подходам к анализу процессов глобализации (Spohn 2001: 499–500).

Выделяя особенности цивилизационного анализа, Шпон отмечает, что этот подход подчеркивает роль конфликтов в процессе политических изменений, сосредоточивая внимание главным образом на культурных противоречиях, а не на столкновении материальных интересов. При этом особое значение придается влиянию традиций, сложившихся в различных империях и цивилизациях. В целом «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации. Империи, мировые

религии и региональные экономики как три основных цивилизационных сферы оказывают решающее воздействие на формирование государств, строительство наций, национальную интеграцию, политические культуры, публичную сферу и коллективные идентичности, тем самым способствуя возникновению различных констелляций и траекторий политической модернизации» (Spohn 2010: 60).

В 2010-е гг. внимание ряда исследователей привлекло понятие цивилизационного государства, отражающее «вызов либерально-демократическому превосходству со стороны стремительно растущего Китая» (Therborn 2021: 233). В дальнейшем высказывалось предположение, что цивилизационное государство может превзойти нацию-государство и даже стать типичной формой государства в XXI столетии. Как отмечает Й. Терборн, границы цивилизаций более размыты, чем границы наций-государств, что позволяет цивилизационным государствам претендовать на региональную гегемонию. С точки зрения этого социолога, одно из различий между нацией и цивилизацией связано с их способностью выступать в качестве политических акторов. Как полагает Терборн, это в большей степени свойственно нациям, тогда как цивилизации представляют собой сообщества с общими ценностями и мировоззрениями, но не обладают агентностью (Therborn 2021: 234). Однако не следует преувеличивать способность наций действовать как единое целое, а в рамках цивилизаций могут формироваться разнообразные акторы.

Примером нового цивилизационного подхода к изучению международных отношений выступает концепция цивилизационной политики, которую сформулировал Г. Беттица. Предложенная им исследовательская программа призвана раскрыть процессы и механизмы, посредством которых носители цивилизационного воображаемого «конструируют цивилизации как наделенные смыслом сущности» (Bettiza 2014: 17). Ключевое значение при этом имеет стремление понять, при каких условиях акторы начинают воспринимать международные отношения как междцивилизационные и как изменяется характер взаимодействия между акторами под влиянием подобных представлений. С точки зрения данной концепции, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия, а также воплощаются в определенных практиках и организационных структурах. В то же время, как отмечает Беттица, цивилизации «социально конструируются», когда люди не только считают себя представителями данной цивилизации, но и получают признание в этом качестве со стороны окружающих (Bettiza 2014: 18–19). Лишь признание со стороны других участников взаимодействия наделяет легитимностью акторов, выступающих от имени какой-либо цивилизации.

Концепция цивилизационной политики предполагает многообразие ее акторов: ими могут быть как государственные, так и негосударственные структуры. В их число входят политические элиты и институты, представляющие страну, в том числе дипломатические ведомства. На наднациональном уровне акторами цивилизационной политики могут выступать международные организации, в которые входят государства, претендующие на общую культурную идентичность. Кроме того, проводниками цивилизационной политики на социетальном уровне могут выступать экономические и культурные элиты, представители которых действуют «в университетах, агентствах новостей, аналитических центрах и фондах, зачастую официально или неофициально связанных с государственными структурами» (Bettiza, Lewis 2020: 566).

С начала 2020-х гг. зарубежные политологи обсуждают так называемую «новую волну» в исследованиях цивилизационной идентичности и политики. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль подчеркивают, что цивилизации «являются изменчивыми и гетерогенными, обладают не статичной, но оспариваемой идентичностью, эволюционируют с течением времени и взаимодействуют между собой» (Hale, Laruelle 2021: 599). Эти исследователи рассматривают цивилизационную идентичность как социально конструируемую и изменчивую. По их мнению, представление об особой цивилизационной идентичности получает достаточно широкий отклик в том случае, когда оно «помогает индивидам (как элитам, так и массам) объяснять окружающий мир, а это происходит, если присутствует некоторая степень его соответствия их другим основным представлениям и опыту» (Hale, Laruelle 2021: 600). Представление об особой цивилизационной идентичности может получить признание в обществе при наличии исторического наследия, которое расценивается как цивилизационное. Однако конструктивистский подход в основном не учитывает такого рода историческое наследие.

Современный цивилизационный анализ в исторической социологии можно рассматривать как подход, занимающий промежуточное положение между эссенциализмом и социальным конструктивизмом (Масловский 2025). С позиций этого направления, с одной стороны, цивилизационные констелляции не должны рассматриваться как «культурные монолиты». С другой стороны, цивилизации не следует сводить к их дискурсивному измерению, поскольку современные общества в той или иной степени опираются на цивилизационные основания, которые являются одним из факторов, обуславливающих многообразие таких обществ. Вместе с тем для современного периода характерно не столько обращение к изначальным традициям, сколько их избирательное использование наряду с изобре-

нием новых традиций. С этих позиций могут рассматриваться роль имперского наследия и особенности цивилизационной политики в современных государствах.

Интерпретации роли имперского наследия и оснований цивилизационной политики в России и Китае

При обсуждении значения имперского наследия в современной России неизменно возникает вопрос о возможности использования понятия империи применительно к советскому государству. Как замечает А.И. Миллер, на Западе преемственность между Российской империей и СССР подчеркивалась уже после Второй мировой войны, а в 1990-е гг. к этой теме обратились историки в постсоциалистических странах Восточной Европы. «В этих интерпретациях Советский Союз выступал как реинкарнация бывшей империи, вынужденной пойти на временные уступки национальным движениям, набравшим силу во время Первой мировой войны и революционного кризиса. В последние годы этот нарратив имперской преемственности вновь набирает популярность» (Миллер 2024б: 342). Тем не менее анализ СССР как «последней империи» сталкивался с определенными ограничениями.

С точки зрения Д.Э. Летнякова, понятие империи не позволяет учитывать тот факт, что в послевоенный период значительная часть населения СССР идентифицировала себя с советским народом как «воображаемым сообществом», а советская идентичность не была лишь пропагандистским мифом. Существенным отличием от классического колониализма был модернизационный посыл советской власти, обращенный к национальным регионам. Советская модернизация не просто навязывалась центральным руководством, но фактически являлась совместным делом центра и окраин (Летняков 2018). Как полагает Летняков, в ряде эпизодов советской истории действительно проявлялись имперские паттерны, однако в других случаях понятие империи скорее препятствует адекватному пониманию советской системы.

Характерно, что при обсуждении советской модернизации Летняков ссылается, в частности, на предложенный Т. Мартином анализ СССР как «империи положительной деятельности» (Мартин 2011). К подходу этого американского историка обращается также А.И. Миллер, который в большей степени склонен признавать применимость понятия империи к изучению не только советской системы, но и постсоветского российского государства. В целом, по его мнению, имперский характер государства «сохранился, хотя и трансформировался, не только в период революционного кризиса 1917–1922 гг., но и в период кризиса 1990-х гг.»

(Миллер 2024б: 349). Опираясь на работы политологов Х. Линца и А. Степана, Миллер выделяет такие понятия, как нация-государство, государство-нация и федерация. Однако он полагает, что ни одно из них не является вполне адекватным для описания российского кейса. Более продуктивной, с его точки зрения, была бы «реабилитация» понятия империи.

В работах политологов, обращавшихся к изучению российской идентичности, использовалась модель цивилизационной политики. Так, О.Ю. Малинова проводит разграничение между национальным и цивилизационным, а также между национальным и имперским видением российской идентичности. Она выделяет два аспекта исторической традиции, обусловивших привлекательность понятия цивилизации для российской политической элиты. Во-первых, имперское наследие предоставляет символические ресурсы для выхода за рамки нации-государства. Во-вторых, традиция формирования российской идентичности в противостоянии Европе содержит широкий репертуар идей и символов, позволяющих конструировать идентичность в цивилизационных терминах (Malinova 2020: 29). Как показывают Г. Беттица и Д. Льюис, использование цивилизационного дискурса позволяет политическим элитам артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» (Bettiza, Lewis 2020: 569). Это дает возможность легитимировать широкий круг внутри- и внешнеполитических действий.

С 2010-х гг. тезис о России как особой цивилизации занимает значительное место в дискурсе российской политической элиты. Отмечалось, что в таком дискурсе понятие цивилизации, как правило, оказывается многозначным. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универсалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский нарратив в духе Хантингтона» (Hale, Laruelle 2020: 591). При этом использование представителями политической элиты цивилизационного дискурса расценивалось рядом авторов как преимущественно инструментальное (Turoma, Mjør 2020). В исследованиях российского «цивилизационизма» рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Вместе с тем исследовательская программа цивилизационной политики практически не применялась для изучения акторов, не принадлежащих к политической элите.

Влияние цивилизационного наследия на Китай неизменно признается исследователями. Однако вопрос об имперских чертах в политической

жизни этой страны остается дискуссионным. Хотя Китай фактически являлся империей на протяжении двух тысячелетий, термин «империя» стал использоваться для самообозначения китайского государства лишь в самом конце XIX в. В дальнейшем многие исследователи подчеркивали особый, во многом уникальный характер Китая и ставили под сомнение возможность его сопоставления с другими, прежде всего западными, империями. Тем не менее, как показывает К. Кумар, при всех особенностях его исторической траектории Китай может рассматриваться в сравнительно-исторической перспективе в ряду других имперских государств (Kumar 2025: 39). Й. Арнасон выделяет три отличия СССР от коммунистического Китая, характеризуя имперские аспекты их истории. Во-первых, у Китая не было внешней периферии в виде других социалистических государств. Во-вторых, китайская версия альтернативной модерности соединяла собственный имперский опыт с опытом советской модели. В-третьих, Китай «более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их» (Титаренко 2022: 86). При этом в Китае был накоплен значительный опыт «экспериментирования с различными идеями и выявления их преимуществ и недостатков в практической политической жизни» (Pines 2025: 132).

С точки зрения Кумара, историю китайского государства как империи следует учитывать в том числе при рассмотрении выдвинутой руководством Китая в 2013 г. инициативы «Пояс и путь». В связи с этим он ссылается на «данническую систему», в соответствии с которой строились взаимоотношения императорского Китая с соседними государствами. Кумар использует, в частности, понятие «точечного колониализма» для характеристики китайских инвестиций в странах Африки (Kumar 2022: 750). Как признает исследователь, пока сложно оценить, к каким глобальным последствиям приведет «Пояс и путь», хотя ему представляются достаточно очевидными «имперские устремления» Китая. По его мнению, в поисках нового места в мире «имеет смысл опираться на двухтысячелетнюю традицию, когда Китай действительно видел себя Поднебесной империей и обладал ресурсами, позволяющими добиться того, чтобы это было не просто фантазией» (Kumar 2022: 756). В целом, как полагает Кумар, «реабилитация конфуцианства и других традиционных учений, по-видимому, указывает на сближение с имперской традицией Китая» (Kumar 2017: 473–474).

Современные исследователи характеризуют возрождение конфуцианства как сложный процесс, участники которого различаются «своей идеологической и политической повесткой и своим пониманием конфуцианства и его сегодняшнего значения» (Pines 2025: 131). Кроме того, следует

учитывать, что конфуцианская традиция пересекается и конкурирует «с альтернативными традициями даосизма, буддизма, ислама, христианства, народной религиозности, атеизма и секуляризма» (Katzenstein 2012: 10). В целом, как показывает Й. Арнасон, «китайские интерпретаторы конфуцианства расходятся в том, какое значение ему следует придавать и какие темы выделять, а зарубежные аналитики обсуждают проблему подлинной преемственности либо искусственного заимствования, но вопрос о конфуцианстве в любом случае остается на повестке дня» (Arnason 2020: 145). Однако ряд исследователей указывает, что в современном Китае наблюдается тенденция к избирательному использованию отдельных идей и понятий, заимствованных из классических философских учений, применительно к текущей политической ситуации. Публикации китайских авторов, например, о конфуцианстве и принципе гармонии «часто основаны на селективном прочтении, которое упрощает и деконтекстуализирует ранние тексты и, что особенно заметно, игнорирует идеи, которые не вписываются в текущую политическую повестку» (Pines 2025: 132). В любом случае классическая традиция выступает лишь одним из элементов нового идеологического нарратива.

В идеологии Коммунистической партии Китая (КПК) используется понятие «социализм с китайской спецификой». Используется также понятие «китаизация марксизма», которое встречалось в сочинениях Мао Цзэдуна, но затем долгое время не получало широкого распространения (Лукин 2023: 73). Более детально разработанная концепция китаизации марксизма была выдвинута на XX съезде КПК в 2022 г. С точки зрения А.В. Лукина, прославление традиционной культуры на съезде отражает стремление предложить альтернативу как западному, так и советскому опыту. «Развитие по пути, основанном на китаизированном марксизме, представлялось теперь более эффективным для применения к китайской реальности, чем эти два пути, и, возможно, даже и для мирового развития в целом» (Лукин 2023: 79). Этому предшествовало выдвижение концепции новой формы человеческой цивилизации, в соответствии с которой китайский народ под руководством КПК открыл собственный путь модернизации и создал новую форму цивилизации. Идея о том, что новый тип китайской цивилизации является наиболее совершенным, «оставляет место для желания популяризировать его и за рубежом, по крайней мере, путем усиленной пропаганды» (Лукин 2023: 92). С позиций социологического цивилизационного анализа также отмечалось усиление тенденции «противопоставлять успехи Китая упадку Запада и указывать на китайский путь как на образец для развивающихся стран» (Арнасон 2022: 105). В целом цивилизационная политика КПК опирается как

на традиционные философские учения, так и на переосмысление марксизма в цивилизационных терминах.

Заключение

Современный цивилизационный анализ подчеркивает роль имперского и цивилизационного наследия в современных обществах. В осмысление этого наследия вносят вклад историческая социология империй и сравнительно-исторический анализ различных цивилизационных констелляций. В настоящее время в исторической социологии империй можно выделить несколько перспективных подходов. Концепции множественных модерностей задают общую теоретическую рамку изучения исторической динамики империй и последствий их распада. Структурные черты современных империй раскрывает модель источников социальной власти М. Манна, а их идеологические особенности — историческая социология К. Кумара. Подходы этих социологов могут дополнять изучение имперских структур и идеологий с позиций современного цивилизационного анализа.

В 2010-е гг. наметился рост интереса к изучению цивилизационной политики, прежде всего в исследованиях международных отношений. В настоящее время в этой области получил распространение конструктивистский подход, который не учитывает в полной мере влияние исторического наследия на формирование политики современных государств. Для преодоления этого ограничения, по-видимому, продуктивно сочетать социологический цивилизационный анализ с концепцией цивилизационной политики. В целом глубоко укорененное цивилизационное наследие может использоваться для разработки государственной политики, но конструирование цивилизационной идентичности требует опоры на такие культурные ресурсы.

В числе современных государств, активно проводящих цивилизационную политику, нередко выделяют Россию и Китай. В обоих случаях имперское и цивилизационное наследие играют существенную роль в формировании такой политики. При этом в России особенно выражено имперское наследие, в том числе советского периода, тогда как Китай, где также сохраняется имперская традиция, обладает более мощным слоем цивилизационного наследия. Тем не менее в современном Китае конфуцианская традиция дополняет «китаизированный марксизм»; при этом наблюдается тенденция к избирательному использованию идей и понятий, заимствованных из классических философских учений. В результате в Китае прослеживаются элементы конструирования новой цивилизационной идентичности.

Литература / References

- Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Arnason J. (2021) *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Арнасон Й. (2022) Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века. *Неприкосновенный запас*, 1: 105–130.
- Arnason J. (2022) The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the Twentieth Century. *Neprikosnovenny Zapas*, 1: 105–130 (in Russian).
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2021) Цивилизационное измерение структурирования обществ. *Социологическое обозрение*, 20(1): 148–175.
- Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2021) The Civilizational Dimension of the Structurating of Societies. *Russian Sociological Review*, 20(1): 148–175 (in Russian).
- Лахман Р. (2016) *Что такое историческая социология?* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Lachmann R. (2016) *What is Historical Sociology?* Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Летняков Д.Э. (2018) Советское как имперское: попытка проблематизации. *Политика и общество*, 1: 62–71.
- Letnyakov D.E. (2018) Soviet as Imperial: An Attempt of Problematisation. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 1: 62–71 (in Russian).
- Лукин А.В. (2023) Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. *Российское китаеведение*, 2(1): 71–99.
- Lukin A.V. (2023) The Concepts of "Sinification of Marxism", a "New Form of Human Civilization" and "Civilization State" in Modern Chinese Ideological Discourse. *Rossiiskoe kitaevedenie* [Russian China Studies], 2(1): 71–99 (in Russian).
- Манн М. (2018a) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Mann M. (2018a) *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Манн М. (2018б) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Mann M. (2018b) *The Sources of Social Power. Vol. 3. Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhIGS (in Russian).
- Мартин Т. (2011) *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939.* М.: РОССПЭН.
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Масловский М.В. (2025) Спор о цивилизационном подходе: эссенциализм, конструктивизм и современная историческая социология. *Социологические исследования*, 5: 80–89.

Maslovskiy M.V. (2025) The Debate on the Civilizational Approach: Essentialism, Constructivism and Contemporary Historical Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 80–89 (in Russian).

Миллер А.И. (2024а) Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи. *Россия в глобальной политике*, 22(6): 74–86.

Miller A.I. (2024a) The Problems of Russian Federalism and “Rehabilitation” of Empire. *Rossiya v global’noi politike* [Russia in Global Politics], 22(6): 74–86 (in Russian).

Миллер А. (2024b) Российская империя и Советский Союз — диалектика разрыва и преемственности. *Quaestio Rossica*, 12(1): 339–352.

Miller A. (2024b) The Russian Empire and the USSR — Dialectics of Rupture and Continuity. *Quaestio Rossica*, 12(1): 339–352 (in Russian).

Остерхаммель Ю. (2024) *Преображение мира. История XIX столетия. Т. II: Формы господства*. М.: Новое литературное обозрение.

Osterhammel J. (2024) *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Vol. 2. Forms of Domination*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Терборн Й. (2015) *Мир: руководство для начинающих*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Therborn G. (2015) *The World: Beginners’ Guide*. Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russian).

Титаренко Л.Г. (2022) Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(2): 80–95.

Titarenko L.G. (2022) Eastern Asian modern in the civilizational concept of Johann Arnason. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(2): 80–95 (in Russian).

Arnason J.P. (1993) *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge.

Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.

Berger S., Miller A. (2015) Introduction: Building Nations in and with Empires — a Reassessment. In: Berger S., Miller A. (eds.) *Nationalizing Empires*. Budapest: CEU Press: 1–30.

Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.

Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.

Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2012) China's Rise: Rupture, Return or Recombination? In: Katzenstein P. (ed.) *Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West*. New York: Routledge: 1–38.

Knöbl W. (2010) Path Dependency and Civilizational Analysis: Methodological Challenges and Theoretical Tasks. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 83–97.

Kumar K. (2017) *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton: Princeton University Press.

Kumar K. (2022) What Can the Chinese Experience of Empire Tell Us about the Belt and Road Initiative? *Theory and Society*, 51(5): 729–760.

Kumar K. (2025) The Chinese Empire in Comparative Perspective. *Russian Sociological Review*, 24(4): 37–61.

Malinova O. (2020) “Nation” and “Civilization” as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media, and Academia*. Abingdon: Routledge: 27–46.

Mann M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.

Pines Y. (2025) The Preconceived Empire: China's Imperial Experience and Its Current Relevance. In: Dunaj L., Sigurðsson G. (eds.) *Imaginary Worlds and Imperial Power: The Case of China*. Albany: State University of New York Press: 119–144.

Spohn W. (2001) Eisenstadt on Civilizations and Multiple Modernity. Review Essay. *European Journal of Social Theory*, 4(4): 499–508.

Spohn W. (2010) Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 49–66.

Therborn G. (2021) States, Nations and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14(2): 225–242.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.

CONTEMPORARY HISTORICAL SOCIOLOGY AND THE CONCEPT OF CIVILIZATIONAL POLITICS

Mikhail V. Maslovskiy (maslovski@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M. (2026) Contemporary historical sociology and the concept of civilizational politics. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 7–23 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.1> EDN: FDDRZZ

Abstract. Contemporary civilizational analysis is a dynamically developing approach in historical sociology. This perspective emphasizes the importance of both civilizational and imperial legacies in contemporary societies. Johann Arnason points out that empires depend to a considerable extent on civilizational premises. At the same time, imperial imaginaries can influence processes of modernization. The article examines leading approaches in the historical sociology of empires, focusing on the ideas of Michael Mann and Krishan Kumar. Whereas Mann emphasizes the structural factors shaping imperial dynamics, Kumar explores the role of ideologies and notions of a distinctive imperial mission, bringing his approach closer to civilizational analysis. The article also examines the influence of civilizational analysis on political sociology. As Willfried Spohn shows, different civilizational foundations and frameworks give rise to diverse programs of political modernity and processes of political modernization. The concept of “civilizational politics” is discussed as a new approach to the study of international relations. The article identifies limitations of constructivist approaches to civilizational identity and politics and proposes combining sociological civilizational analysis with the concept of civilizational politics as a more productive approach. The final section reviews different interpretations of the role of imperial legacies and the foundations of civilizational politics in Russia and China. In particular, it notes that the Confucian tradition in contemporary China complements “Sinicized Marxism”, while elements of a new civilizational identity are also taking shape.

Keywords: historical sociology, empire, civilization, modernity, civilizational politics, Russia, China

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-01067-P, <https://rscf.ru/project/23-18-01067-P/>.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)¹

Анна Васильевна Мальцева (a.maltseva@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Мальцева А.В. (2026) Цифровая социология как отрасль социологического знания (критический обзор). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 24–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.2> EDN: FERKZJ

Аннотация. Исследуется развитие цифровой социологии как отрасли социологического знания и научной дисциплины на пересечении технологий и социологии, изучающей социальные изменения, происходящие под влиянием цифровизации, с помощью цифровых методов и данных. В статье показаны основные этапы развития отрасли: 1) предыстория (1990–2009) как период развития методов и накопления кейсов, итогом которого стал термин «Цифровая социология» (англ. «Digital Sociology»); 2) зарождение дисциплины (2009–2015), когда цифровая социология получила международное признание и вопрос о ее существовании преобразился в вопрос о дальнейших направлениях развития отрасли; 3) этап теоретизации (2015–2018) как переход к аналитическому, методологическому и критическому переосмыслению отрасли; 4) этап институционализации дисциплины (2018–2025), когда происходит синтез выработанных теоретических подходов, получают признание методические разработки, дисциплина интегрируется в программы профессиональной подготовки социологов, развиваются междисциплинарные исследования, отрасль получает глобальное географическое, национальное и научное распространение; 5) этап разработки парадигмы цифровой социологии, который развивается с 2025 г. и включает теоретизацию, стандартизацию обращения с данными и этическую консолидацию дисциплины, выход цифровой социологии за рамки описания технологий к вопросам социальных и политических последствий цифровизации. Исследуя предметную область и методологические разногласия отрасли, автор фиксирует риски современного этапа развития цифровой социологии — это дисбаланс между высокой скоростью развития цифровой эмпирики и замедленной социологической рефлексией, в то время как усиление инженерного вмешательства в социальные процессы, базирую-

¹ Статья подготовлена в продолжение темы пленарного доклада «Цифровая социология: от новых типов данных к расширению эвристического потенциала социологии», представленного автором на Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения «Социология новой современности: проблемы, теория, методы» 13 ноября 2025 года.

щегося на глобальном сборе данных, требует не запаздывающей, а опережающей исследовательской социологической оценки. В итоге автор говорит о необходимости приоритета социологического над технологическим в развитии отрасли, который предотвратит редуцирование цифровой социологии к технологиям сбора и технического анализа данных и направит ее по пути решения общественных проблем.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровые технологии, гипотезопорождающее исследование, анализ данных, большие данные, цифровые методы, рунет

Введение

Цифровая социология (digital sociology) является сегодня важнейшей составляющей социологической науки, отраслью социологии, научной дисциплиной, генезис которой является следствием экспансивного внедрения цифровизации в жизнь общества. За чрезвычайно краткий период цифровая социология охватила диапазон от количественного анализа больших данных до качественно новых подходов к анализу общества. Развитие отрасли достигло такого уровня, когда можно говорить о систематических методологических и методических достижениях и начале формирования разных школ цифровой социологии, определяющих разнонаправленные вероятные тренды развития дисциплины. Постоянное расширение пространства актуальных тематик, потенциал продвижения исследований в новые сферы реальности, а также внутренние противоречия дисциплины являются двигателем интенсивного развития цифровой социологии.

Проблемы доступности респондентов для «бумажных» опросов (Мальцева 2017; Оберемко 2015; Рогозин 2015) цифровая социология пыталась решить проведением опросов онлайн и анализом доступных цифровых данных, что, однако, не стало панацеей от информационных искажений (Василькова 2019) и привело социологов к разочарованию в увлечении различными техниками скачивания цифровых данных и осознанию того, что наращивание объема данных без должного методологического обоснования не обеспечивает прироста знания, а только усиливает этические риски как для науки, так и для общества. Таким путем социология пришла к необходимости взвешенной оценки цифровых технологий как измерительного инструмента, необходимости теоретизации и институционализации цифровых методов и данных, что стало основой внутренней логики цифровой социологии, определяющей разные направления ее развития.

Цель обзорной статьи — анализ и систематизация достижений цифровой социологии, критический анализ разных взглядов на ее пред-

назначение с 2009 года и определение вероятных направлений развития отрасли.

Материалы — данные о публикациях были получены из открытых библиометрических баз данных: Crossref (Crossref 2026) и OpenAlex (Priem, Piwowar, Orr 2022) за период с 1 января 2009 по 30 апреля 2026 г.¹ Корпус публикаций собран по поисковому запросу «digital sociology». После удаления записей без года публикации, дубликатов по DOI и исключения типов документов, не относящихся к оригинальным исследовательским публикациям (editorial, letter, erratum, other), итоговый корпус составил 1 156 126 записей. Для построения тематической структуры использованы предметные рубрики (subject-поля) и концептуальные теги (concepts-поля). Обработка терминов включала приведение к нижнему регистру; удаление стоп-слов — общеупотребительных лексем, не несущих тематической нагрузки; нормализацию синонимичных и вариантных форм с объединением дефисных и раздельных написаний и унификацией терминологических вариантов. Многословные термины сохранялись как единые смысловые единицы. Стемминг не применялся с целью сохранения семантической целостности составных терминов.

Ограничения: динамическое обновление метаданных в Crossref и OpenAlex может обусловить вариативность при повторной выгрузке. Поисковый запрос «digital sociology» исключил часть релевантных междисциплинарных работ со смежной терминологией. Временной лаг индексации и специфика издательских рубрик ограничивают абсолютную полноту картины.

Метод — критический анализ текстов, отражающих этапы развития отрасли.

Полученные данные представлены в статье по тематическим направлениям, обнаруженным пробелам и внутренним противоречиям и ограничениям, влияющим на развитие дисциплины.

Автор придерживается хронологии описания событий. Однако нужно иметь в виду, что переход цифровой социологии к каждому последующему этапу не отвергает методических решений начальных этапов развития, которые в своем первоначальном или усовершенствованном виде применяются в современной исследовательской практике.

Раскрытые в статье наиболее важные идеи, представляющие особую ценность для дисциплины, могут вдохновить читателя на собственные исследования.

¹ Все процедуры экспорта данных из Crossref и OpenAlex выполнены с соблюдением их этических требований (rate limits, указание email, API-ключ, лицензия CC0).

Майнинг данных, гипотезопорождающее исследование и цифровой поворот

Предыстория развития дисциплины относится к 1990–2009 гг. и представляет собой фрагментарные исследования, в которых выделяются три важных для современности тренда — это Data Mining, гипотезопорождающие исследования и прогнозы последствий цифровой экспансии для человека и общества.

Итак, интерес к цифровым данным стал закономерным шагом в развитии эмпирической социологии в условиях цифровизации общества. Первоначально, с начала 90-х, эти исследования были объединены в рамках киберсоциологии, изучающей киберпространства (Barth 1997; Cherny 1999; Donath 1998; Jones 1998; Kollock 1999; Rheingold 1993), затем социологии интернета о влиянии WWW на общество (Castells 1996, 2001; DiMaggio 2001; van Dijk 2005; Turkle 1995; Wellman 2002, 2003), социологии онлайн-сообществ, изучающей форумы, чаты, MUD'ы¹ (Baym 2000; Boellstorff 2008; Boyd 2008; Hine 2011; Kendall 2002; Kozinets 2010; Preece 2000), потом появилась социология социальных медиа (Baym 2004; Beer 2008, 2009; Boyd 2006; Boyd, Ellison 2007), социология киберкультуры, в центре внимания которой цифровое искусство, хакеры, тролли (англ. digital art, hackers, trolls) (Lovink 2008). В этот период не было сформировано единого поля цифровой социологии, однако накопилась исследовательская база — методы, концепции, кейсы для будущего развития дисциплины. В методическом плане социологов привлекла возможность извлечения (англ. Mining) и применения в социологических исследованиях больших объемов данных (англ. Big Data). Новая исследовательская парадигма Data Mining (глубокий анализ данных) ставила своей целью визуализировать данные в виде, четко отражающем динамику, а также строить модели для принятия управленческих решений. В то же время появились аналитические платформы, позволяющие реализовывать возможности «Data Mining» в рамках процесса «Извлечение знаний из баз данных» (англ. «Knowledge Discovery in Databases»), преимуществом которых была адаптивность к быстрым изменениям в данных и возможность наблюдать за процессами буквально в режиме реального времени.

¹ Multi-User Dungeon. Это многопользовательская, обычно текстовая виртуальная среда реального времени, где участники перемещаются по описываемому текстом миру, вводят команды, взаимодействуют друг с другом, с объектами и с персонажами. Исторически MUD'ы возникли как смесь ролевой игры, интерактивной литературы (interactive fiction) и чата; они стали предшественниками более поздних виртуальных миров и MMORPG.

Этот действенный количественный инструмент исследования социальных, экономических и других процессов, описываемых большим числом характеристик, немедленно стал применяться в прикладных исследованиях в кризисных производственных ситуациях, требующих быстрой обработки больших объемов данных. Опыт такого исследования на рынке труда позднее был описан А.В. Мальцевой и соавт. (Мальцева 2016).

Извлечение знаний из баз данных стало применяться для гипотезопорождающих исследований в стиле разведочного анализа. Такие исследования позволяют структурировать неизвестное и превращать вопросы в гипотезы. В отличие от гипотезопрверяющих, гипотезопорождающие исследования планируются в условиях острого дефицита времени и знаний для определения стратегии реагирования на быстро меняющуюся социальную и экономическую реальность. При сочетании онтологической и гносеологической неопределенности с дефицитом времени, когда необходима быстрая социальная диагностика, исследователь может прибегнуть к возможностям Data Mining и гипотезопорождающего исследования. Методологический фундамент гипотезопорождающих исследований выстраивался лингвистическим поворотом — философским движением XX в., которое стало рассматривать язык ключевым инструментом понимания мира. Общественный и научный интерес к такого рода исследованиям был вызван социальным контекстом конца 60-х гг.: в это время получил развитие постструктурализм, отказавшийся от рациональной логики и универсальных закономерностей структурализма в пользу иррациональности и множественности интерпретаций. Социологи, объясняя человеческую деятельность, стали принимать во внимание собственные интерпретации людьми своего поведения. Сегодня, благодаря цифровой социологии, стали разрабатываться методы отслеживания этих интерпретаций в цифровых данных.

В концептуальных макрообобщениях социологи до периода развития цифровой социологии пришли к идее цифровой экспансии от частично пересекающихся виртуальных сообществ (Wellman 2005) и социальных сетей (Rheingold 2000) к единому сетевому обществу (Castells 1996), а затем к новой онлайн-идентичности и постчеловеку (Hayles 1999).

Итогом предыстории в 2009 г. стал термин «Цифровая социология» (англ. «Digital Sociology»), который появился в названии работы Джона-тана Р. Уинна (Wynn 2009) и сегодня стал названием научной дисциплины, отрасли социологического знания, а также учебной дисциплины на пересечении технологий и социологии.

Определение понятия и уточнение методологии цифровой социологии

Определение цифровой социологии складывалось поэтапно и отражало как расширение предметного поля дисциплины, так и усложнение ее методологии.

Одним из базовых остается определение Д. Лаптон, где цифровая социология понимается как область, позволяющая исследовать, анализировать и понимать развитие, использование и социальные последствия цифровых технологий, а также их интеграцию в социальные миры, институты, самость и воплощенность (Lupton 2015). Высказывая оптимистически-критическое отношение к цифровизации, М. Майкл и Д. Лаптон придерживаются мнения, что исследовательская рефлексия способна предотвратить большинство потенциальных проблем (Michael, Lupton 2015).

Существенный эпистемологический сдвиг предлагает Н. Маррес. Цифровая социология интерпретируется не как частный случай анализа данных, а как переосмысление самого социального исследования в условиях, когда новые способы познания общества возникают на стыке понятий — компьютеры, медиа, социальные исследования, общественная жизнь (Marres 2017).

Глобализирующий поворот представлен в работах Ю. Чжао и М. Ванг, рассматривающих дисциплину как поле множественных национальных и региональных траекторий развития. Здесь уделяется особое внимание влиянию цифровых технологий на поведение человека и общества, рассматриваются механизмы взаимодействия цифровых технологий и социальной среды и формирование «информационных коконов», способствующих поляризации социума (Zhao, Wang 2023: 1).

Новые методологические акценты особенно заметны в работах 2024–2025 гг.

Мэтью Ханчард показывает, что цифровые технологии важно исследовать через их участие в формировании, стабилизации и воспроизводстве повседневных практик (Hanchard 2024). Объединяя концепции цифровой географии, экспериментальной психологии, интернет-исследований, практико-ориентированная цифровая социология фокусируется на том, как новые практики формируются и стабилизируются, а технологии влияют на конструирование социальной жизни. Взгляд М. Ханчарда объясняет, почему теория практики является подходящей основой для изучения социальных последствий цифровых медиа, изучения того, как формируются,

закрепляются новые практики и как новые технологии интегрируются в повседневную жизнь. Ключевое значение определения М. Ханчарда состоит в том, что вводится понятие «методологический синтез» — объединение теории и практики социологии с цифровой социологией для понимания того, как цифровые технологии становятся частью повседневной жизни. Практико-ориентированная цифровая социология изучает материальность технологических практик, отвечая на такие вопросы, как структурирование поведения алгоритмами; распределение агентности между людьми и технологиями; формирование, стабилизация и трансформация социальных сетей (трассирование сетей) и проч. (Hanchard 2024).

В том же 2024 г. трансдисциплинарное определение обосновывает Береника Дычек (Dyszek 2024), говоря о том, что цифровая социология требует интеграции социальных наук и инженерно-технических дисциплин. Обоснование Б. Дычек необходимости синтеза социальных наук и инженерии является ключевым для трансдисциплинарной парадигмы цифровой социологии. Однако слишком техноцентрично звучит ее главный аргумент о неспособности традиционной социологии анализировать современные социальные явления без инженерных цифровых инструментов.

Контекстуализированный, незападный вариант определения предлагает Р. Упадхьяй, трактуя цифровую социологию как подотрасль социологии, изучающую влияние цифровых медиа и технологий на повседневную жизнь, социальные отношения и социальные изменения в специфических условиях развивающихся обществ. Примером такого влияния является Индийский парадокс, суть которого состоит в том, что в Индии, как и в других развивающихся странах, цифровизация происходит быстрее, чем традиционная модернизация, создавая уникальные социальные явления (Upadhyay 2024). В этой связи исследователей интересуют такие методы, как контекстуализированный анализ и участие технологий в преодолении географической изоляции нации; вовлеченность в технологии разных классов, каст, регионов; участие технологий в воспроизводстве традиционных неравенств и связанные с этим этические вопросы взаимодействия человека с технологиями. По определению Р. Упадхьяй (Upadhyay 2024) цифровая социология — это подотрасль социологии, изучающая влияние цифровых медиа на повседневную жизнь. В поле зрения цифровой социологии изучение цифровых средств технологического прогресса, цифрового поведения населения (использование социальных сетей, цифровых финансовых активов, цифрового обучения, онлайн-общения и проч.) и влияния всех этих факторов на общество

и социальные изменения. Определение Р. Упадхья показывает, что цифровая социология должна быть контекстуализирована применительно к обществам развивающихся стран, где цифровизация происходит иначе, чем на Западе, что в целом является предпосылкой преодоления западного геополитического центризма в развитии отрасли.

В совокупности эти подходы показывают, что в 2026 г. цифровая социология — это дисциплина, которая одновременно аналитична, критична, интегративна, глобальна и локальна, практико-ориентирована, трансдисциплинарна и рефлексивна.

Этапы развития цифровой социологии

Этап зарождения дисциплины начинается в 2009 г. с официальной артикуляции термина «Digital Sociology» в одноименной статье Джонатана Р. Уинна, длится по 2015 г. и имеет следующую хронологию развития.

В 2010 г. Р. Нил посвящает свою работу развитию концепции цифровой социологии как научной дисциплины (Neal 2010). Д. Лаптон в 2013 г. приводит первое полное изложение концепции (Lupton 2013). В том же 2013 г. увидел свет редакторский сборник К. Ортон-Джонсон и Н. Прайора с системным описанием дисциплины (Orton-Johnson 2013).

В 2015 г. в Нью-Йорке состоялась Первая международная конференция по цифровой социологии¹, на которой была представлена концепция цифровой жизни (англ. Life is Digital) и одно из ее следствий — цифровая идентичность (англ. Cyberself), идея существования которой стала реконструкцией идеи онлайн-идентичности Шерри Теркл (Turkle 1995).

Завершается период монографией Д. Лаптон, ключевыми идеями которой можно назвать выделение четырех компонентов цифровой социологии — данные (англ. data), методы (англ. methods), оптика (англ. lens) и прикладной ракурс (англ. lens for practice) (Lupton 2015).

Первоначальные взгляды в дальнейшем эволюционировали под влиянием как технологических, так и социально-этических обновлений, о чем пойдет речь далее, однако цифровая социология как научная дисциплина в этот период получила международное признание и вопрос о ее существовании преобразился в вопрос о дальнейших направлениях развития отрасли.

Этап теоретизации и критики 2015–2018 гг. включает ряд важных событий.

¹ The First Digital Sociology Conference — Mini-Conference on Digital Sociology (2015) New York, February 26 – March 1, Eastern Sociological Society; organizers: Jessie Daniels, Karen Gregory, Tressie McMillan Cottom. New York.

В 2015 г. Н. Маррес и К. Герлиц вводят концепт «публичная цифровая социология» и обозначают недопустимость редукции цифровой социологии к анализу данных (англ. data analytics) (Marres 2015). В 2017 г. Н. Маррес предложила радикальную переоценку дисциплины — утверждение интерфейсных методов исследования (interface methods) в качестве ее центральной концептуальной рамки (Marres 2017).

В этот же период усиливается институционализация направления. Заметной площадкой становится исследовательская группа Британской социологической ассоциации «Digital Sociology Study Group»¹, сооснованная Марком Карриганом в 2012 г. — первая формальная институция в социологии, которая к 2020 г. включала уже более 500 членов.

Теоретическим итогом этапа становится переход от первоначальной номинации и описания цифровой социологии к ее аналитическому, методологическому и критическому переосмыслению.

Этап институционализации цифровой социологии начинается с 2018 г. и характеризуется закреплением дисциплины в специализированных журналах, образовательных программах, методологических руководствах и крупных коллективных изданиях. В России важным событием стало появление в 2018 г. электронного научного журнала «Цифровая социология».

Среди наиболее цитируемых российских работ, опубликованных в этот период, следует назвать статьи О.В. Крыштановской «Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху» (Крыштановская 2018); В.Ф. Ницевича «Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания» (Ницевич 2018); Д.Е. Добринской «Цифровое общество в социологической перспективе» (Добринская 2019).

В мире в это время получают признание инструменты, адаптированные цифровой социологией — это программное обеспечение для качественного анализа данных с помощью компьютера (NVivo, Atlas.ti, MAXQDA); машинное обучение (англ. machine learning) на языках Python, R для анализа текстов (англ. text analysis); технологии обработки больших данных (Hadoop, Spark, NoSQL databases); автоматизированные методы анализа эмоций, анализа социальных сетей (англ. sentiment analysis, network analysis). Согласно определению Нила Селвина, выделяется 4 ключевых фрагмента анализа общества в контексте цифровой социологии: сети (англ. networks), данные (англ. data), алгоритмы (англ. algorithms) и платформы (англ. platforms) (Selwyn 2019). Появляются справочники и тематические обзоры (Rohlinger 2020), что свидетельствует о закрепле-

¹ <https://britsoc.co.uk/groups/study-groups/digital-sociology-study-group/>

нии цифровой социологии в академическом мейнстриме с актуализированным набором средств работы с данными.

В России начинается подготовка по направлению цифровой социологии в вузах — это курс «Цифровая социология» в МГУ им. М.В. Ломоносова; магистратура «Цифровая социология» в Санкт-Петербургском университете. Подготовка ведется и в других вузах. Формируются междисциплинарные связи цифровой социологии с информатикой в рамках исследования больших данных (англ. *big data*), машинного обучения (англ. *machine learning*), алгоритмов (англ. *algorithms*); а также связи с психологией в изучении поведения в интернете, идентичности и проч.; с экономикой в разделе временной, внештатной или дистанционной работы; с политологией в изучении цифрового управления и электронной демократии (англ. *digital governance*, *e-democracy*); с философией в части онтологии, этики технологий; с антропологией в направлении антропологии интернета.

Итогом периода можно назвать следующие показатели институционализации цифровой социологии:

- сформирована профессиональная исследовательская ассоциация, включающая активно публикующихся авторов и сетевые исследовательские группы, которой проводятся ежегодные семинары и конференции, имеющие широкую географию;
- издаются периодические специализированные научные журналы по цифровой социологии, учебная и справочная литература, популярность и география которых растут;
- можно говорить о достижении определенной теоретической зрелости, проявляющейся в синтезе сформированных подходов;
- достигнуты признанные инструментальные результаты;
- происходит интенсивная интеграция дисциплины в программы профессиональной подготовки высшего образования;
- цифровая социология развивает междисциплинарные исследования и получает признание в смежных дисциплинах;
- цифровая социология получает глобальное распространение в географическом, национальном и научном смысле.

Однако несмотря на все достижения этапа институционализации, современное развитие цифровой социологии сопровождается критическими проблемами.

Прежде всего речь идет о дисбалансе между высокой скоростью технологического развития ее инструментального аппарата и замедленным теоретическим осмыслением социальных последствий цифровизации. А.А. Ахтырский фиксирует рост и специфику цифровых методов в совре-

менной социологии (Ахтырский 2022). Это противоречие представляет собой разрыв между «сущим» цифровой эмпирики и «должным» социологической рефлексии. Так, Е.В. Андрианова фиксирует пространство напряжения между компьютерно-научной и собственно социологической логикой исследования (Андрианова 2024), а Д.Е. Добринская подчеркивает, что цифровая социология должна не только использовать новые данные и методы, но и критически осмысливать социальные перспективы (Добринская 2021). Таким образом, проблема состоит не в недостатке инструментов, а в том, что скорость методического расширения опережает развитие понятийного аппарата, способного интерпретировать результаты. Поэтому сохраняет актуальность высказанная чуть ранее идея необходимости заново обращаться к фундаментальным социологическим вопросам (Marres 2017). В противном случае тренд на технологическое опережение приведет к редуцированию социологии к технике обработки данных. Именно против техноцентризма выступает Ноортье Маррес, трактуя цифровую социологию как переосмысление самого социального исследования, а не как разновидность анализа данных. В российской традиции сходную позицию занимает Д.Е. Добринская, для которой цифровая социология важна прежде всего как инструмент анализа цифрового общества, а не новые вариации вычислительных процедур (Добринская 2021).

Другая проблема современного этапа связана с политическими и экономическими аспектами цифровизации. Это вопросы цифрового неравенства, власти, контроля и свободы, влияющие на жизнь всех слоев общества и каждого отдельного человека. Развитие платформ, алгоритмического управления и масштабного извлечения данных (колониализм данных/рента данных) требует не запаздывающей реактивной, а опережающей проактивной исследовательской и нормативной позиции. В этом отношении показательна рецензия Сорая Хонгладарома на книгу Шошаны Зубофф, рассматривающей цифровую инфраструктуру как источник беспрецедентной власти вне должного контроля (Hongladarom 2019), а также исследования Д.Е. Добринской, подчеркивающие необходимость анализа социальных последствий платформизации и алгоритмизации (Добринская 2021). В этих работах справедливо подчеркивается, что цифровая социология должна выходить за рамки описания технологий и ставить вопросы социальных и политических последствий цифровизации.

Заметное отставание пока еще наблюдается в выработке этических оценок процессов и явлений, основанных на цифровизации. Разработка алгоритмов и технологий цифрового влияния на социальные процессы и системы происходит быстрее, чем в обществе формируются устойчивые нормы цифровой этики. Поэтому современная цифровая социология все

отчетливее нуждается в этической оценке цифрового поворота, которая включала бы оценку рисков платформизации, датафикации, колониализма данных, надзорного капитализма, автоматизации социального управления и прочих форм инженерного вмешательства в социальные процессы.

Эти критические проблемы не могут быть решены в рамках отдельных теорий и требуют разработки новой парадигмы, определяющей философию дальнейшего развития цифровизации общества.

Этап разработки парадигмы цифровой социологии развивается с 2025 г. и включает углубленную теоретизацию, стандартизацию обращения с данными и этическую консолидацию дисциплины для осмысления как социальных выгод, так и рисков цифровизации и минимизации негативных последствий. Задачами современного этапа, предназначенного для разрешения названных выше проблем и дисбалансов, должны стать следующие:

- расширение исследовательского сообщества, в том числе за счет более активного включения стран Глобального Юга;
- усиление образовательной инфраструктуры и переход к подготовке специалистов, владеющих не только цифровыми методами, но и социальной теорией;
- расширение прикладного использования результатов цифровой социологии для решения реальных общественных проблем;
- разработка системного этического кодекса цифровых исследований, применимого к анализу данных, платформ, алгоритмов и социотехнических комплексов.

На этом этапе цифровая социология должна двигаться в направлении от технологического энтузиазма к рефлексии и социальной ответственности использования цифровых возможностей.

Предметная область цифровой социологии

Предметная область цифровой социологии реконструируется на основе облака тегов по корпусу публикаций. Порог включения термина в облако тегов определялся как минимальная частота, при которой термин встречается не менее чем в 0,01% записей.

По полученным данным в центре лексического поля публикаций на каждом языке фиксируются 1–3 ключевых тега, в эпицентре которых тег «цифровая социология»:

- на русском языке — «обучение», «применение», «эффективность»;
- на английском языке — «маркетинг», «экономика», «бизнес»;
- на арабском языке — «отношения», «обучение», «школа»;
- на языке африкаанс — «навыки», «приложения», «изготовление»;
- на голландском языке — «школа», «фреймворк», «студенты»;

на индонезийском языке — «*деятельность*», «*бизнес*», «*обучение*»;
на испанском языке — «*компетенции*», «*преподавание*», «*вопросы*»;
на итальянском языке — «*приложение*», «*фантазии*», «*бизнес*»;
на каталанском языке — «*игра*», «*видео*», «*электроника*»;
на немецком языке — «*система*», «*бизнес*», «*эра*»;
на португальском языке — «*игра*», «*инклюзия*», «*культура*»;
на румынском языке — «*эволюция*», «*использование*», «*опыт*»;
на тагальском языке — «*увлекательный*»;
на турецком языке — «*использование*»;
на французском языке — «*менеджмент*», «*проект*», «*наука*».

Названные теги позволяют говорить об особом внимании в исследовательской повестке цифровой социологии к некоторым сферам науки и практики — это прежде всего образование, управление и бизнес.

В то же время в предметной области цифровой социологии обнаруживаются некоторые противоречия, которые можно рассматривать как дополнительные возможности и направления исследований.

Анализ частотности показывает определенное преобладание тега «социология» (англ. *sociology*) над тегом «технология» (англ. *technology*). Опираясь на этот показатель с необходимой осторожностью, можно предположить, что исследуемое поле тяготеет к самоопределению в рамках социологического знания. Однако этот вывод носит вероятностный характер и ставит встречный вопрос: какой должна быть пропорция аналитической рефлексии и технологий?

Также следует говорить о противоречии, которое можно обозначить как «платформы без власти». Тег «платформы» (англ. *platforms*) получает второе больше упоминаний, чем тег «власть» (англ. *power*)/ «властные отношения» (англ. *power relations*). Парадокс состоит в том, что авторы пишут о платформах чаще, чем анализируют их влияние. Также часто встречается тег «platform studies», связанный с описанием и анализом платформ, но без анализа власти в платформах. Очевиден «наивный платформенный анализ», то есть некритичное описание платформы без учета ее влияния на субъектность пользователей. Между тем современная литература о платформенном и надзорном капитализме показывает, что платформы следует рассматривать не только как технические среды взаимодействия, но и как механизмы распределения видимости, контроля, включения и исключения. В этом смысле распределение тегов указывает на необходимость усиления критической ориентации цифровой социологии.

Еще одна заметная тенденция в корпусе текстов выглядит как указание на проблему неравенства без ее решения. Тег «неравенство» (англ. *inequality*) и его словоформы встречаются значительно чаще, чем теги

«справедливость» (*justice*), «честность» (англ. *fairness*) и «равноправие» (англ. *equity*). Этот лексический дисбаланс может указывать на дефицит работ в контексте оценки влияния платформ, вариантов оценки этичности алгоритмов.

«Белые пятна» в предметной области цифровой социологии

Некоторые критически важные теги отсутствуют либо появляются крайне редко. Перечислим эти «белые пятна» цифровой социологии или то, о чем дисциплина «забыла».

Наиболее заметным «белым пятном» выглядит экологическое измерение цифровизации. В корпусе почти отсутствуют такие теги, как «окружающая среда» (англ. *environment*), «климат» (англ. *climate*), «устойчивое развитие» (англ. *sustainability*). При этом материальная инфраструктура цифрового мира имеет выраженный экологический след. По прогнозу IEA, в 2026–2030 гг. спрос на электроэнергию в США будет расти в среднем почти на 2 % в год. Примерно половина общего прироста годового потребления к 2030 г. относительно уровня 2025 г. будет приходиться на центры обработки данных (IEA 2026: 9, 18). С другой стороны, Международный союз электросвязи (ITU) и Институт ООН по обучению и исследованиям (UNITAR) сообщают, что объем электронных отходов растет в пять раз быстрее, чем объем их документально подтвержденного сбора и переработки (ITU, UNITAR 2024). На этом фоне слабая представленность экологической проблематики в цифровой социологии указывает на необходимость более явного соединения цифровой социологии с исследованиями материальности цифровой инфраструктуры.

Недостаточно представленной выглядит также проблематика «сопротивление» (англ. *resistance*), «альтернатива» (англ. *alternative*), «активизм» (англ. *activism*). Это может означать, что цифровая социология чаще описывает механизмы контроля и асимметрии власти, чем коллективные формы критики, институциональные альтернативы и проектирование иных цифровых инфраструктур. Следовательно, одним из перспективных направлений развития становятся исследования альтернативных, децентрализованных и некоммерческих платформ, а также практик организованного цифрового сопротивления.

Также пробел обнаруживается в тегах «эмоция» (англ. *emotion*), «аффект» (англ. *affect*), «тональность» (англ. *sentiment*), что показывает, насколько мало исследований цифровой социологии о том, какие эмоции переживают люди, когда за ними наблюдают, манипулируют ими, когда общение ограничено онлайн, то есть недостаточно информации об эмоциональной жизни в цифровых пространствах (цифровое выгорание,

переживание одиночества, уязвимость, аффективная вовлеченность). Для восполнения этого пробела дисциплине необходим более выраженный поворот к человеку-ориентированной цифровой социологии.

В целом специфика названных «белых пятен» цифровой социологии говорит о том, что каждый из имеющихся пробелов является вызовом и одновременно возможностью для исследователя начать изучать цифровой след в новых малоизученных средах. Следовательно, обнаруженные пробелы следует рассматривать не как слабость дисциплины, а как точки ее дальнейшего роста.

Механизмы расширения эвристического потенциала цифровой социологии

Один из ключевых механизмов расширения эвристического потенциала цифровой социологии связан с масштабированием данных — переходом от выборок и опросов к нереактивным данным и популяционным массивам цифровых следов. В современной цифровой социологии именно цифровые следы позволяют выходить за пределы классических опросных выборок и работать с более широкими массивами данных. Однако такой переход не гарантирует автоматического повышения достоверности исследования. Цифровые данные не являются нейтральным зеркалом социальной реальности, поскольку они платформенно опосредованы, алгоритмически отсортированы и нуждаются в социологической интерпретации. Поэтому масштабирование может рассматриваться как эвристически продуктивный механизм лишь при условии критической оценки репрезентативности данных, условий их возникновения и ограничений платформенной среды (Мальцева 2025).

Второй механизм состоит в совершенствовании различения кажущегося и реально существующего поведения в цифровой среде. Исследование сетевых практик, мнений и взаимодействий требует постоянного повышения чувствительности к проблеме аутентичности — цифровая активность может быть сгенерирована не только людьми, но и ботами, фейковыми аккаунтами, координированными сетями распространения контента или иными искусственными агентами (Васькова 2021). Поэтому проверка подлинности цифрового поведения должна рассматриваться как не факультативный технический шаг, а как обязательная часть методологии цифровой социологии. Это означает необходимость интерпретативного отношения к данным на всех этапах работы с ними — от сбора до анализа и выводов, поскольку именно на этом уровне преодолевается разрыв между видимостью цифровой активности и ее действительным социологическим смыслом.

Третий механизм связан с выявлением латентного влияния, координации и неочевидных паттернов сетевого взаимодействия. Исследователь должен учитывать, что алгоритм демонстрирует не полную картину социальных связей, а лишь ту ее часть, которая стала видимой в пределах конкретной цифровой платформы. Поэтому сетевой анализ требует учета специфики платформы, а именно формата контента, режимов видимости, срока жизни сообщений, особенностей аудитории, логики вовлечения и правил модерации. Поэтому подчеркивается необходимость соединения цифровых инструментов анализа с социологической интерпретацией данных (Duczek 2024).

Наконец, четвертый механизм можно определить как переход от темпоральной точности к диагностике тенденций. Цифровая среда предоставляет исследователю почти поминутную детализацию событий, что создает соблазн редуцировать исследование к непрерывному мониторингу изменений в реальном времени. Однако избыточная детализация процесса может скрывать от исследователя видение общих направлений и тенденций (Duczek 2024). В этой связи необходима контекстуализация на макроуровне, обеспечивающая репрезентативность не только поминутно фиксируемых данных, но и извлеченного из них знания. Только такой подход позволяет перейти от фиксации динамики к целостному объяснению социальных процессов. В этом аспекте эвристический потенциал цифровой социологии раскрывается не в накоплении максимального числа временных точек, а в способности соотнести высокочастотные цифровые данные с более широким социальным контекстом и извлечь из них знание не о событиях, а о тенденциях.

В целом следует говорить о том, что расширение эвристического потенциала цифровой социологии достигается не простым наращиванием объема данных или скорости их обработки, а развитием критической методологии интерпретации, которая включает проверку репрезентативности, валидности и аутентичности данных и проч. Иначе говоря, цифровая социология становится эвристически сильной не за счет самого сбора цифровых следов, а благодаря умению превращать цифровые данные в социологическое знание.

Современная проблематика цифровой социологии, новые объекты исследования и исследовательская тематика 2025–2026 гг.

С 2025 г. повестка цифровой социологии заметно смещается в сторону социальности, опосредованной искусственным интеллектом (англ. AI-mediated sociality), психоэмоциональных последствий платформенного

потребления, социального VR, платформизированного труда, датафицированной интимности (англ. *datafied intimacy*), системной дезинформации и цифрового насилия.

Одним из быстро растущих направлений становится анализ психоэмоциональных последствий цифрового потребления. В российской литературе эта линия представлена исследованием психоэмоциональных проблем, таких как компульсивный просмотр цифрового контента, психосоматические расстройства, вызванные интернетом (Дьякович 2025). В международной литературе тот же сдвиг подтверждает фиксация связи скроллинга с тревогой, депрессией, стрессом и снижением устойчивости (Sharpe 2026), а также связи киберхондрии (англ. *cyberchondria*) и других эмоциональных проблем с использованием интернета (Jungmann 2025). На этом основании можно говорить о формировании цифровой социологии здоровья как самостоятельного и быстро растущего направления.

Второе крупное направление связано с размыванием границ виртуального и физического миров. Исследования социальной виртуальной реальности (англ. *social virtual reality*) показывают, что виртуальные среды все чаще переживаются как пространства с собственной социальной реальностью, чувством присутствия и непрерывностью опыта (Erofeeva 2026). В работе Флориана Шмидбауэра и Маттиаса Вёльфеля социальная виртуальная реальность анализируется как среда, создающая присутствие и связанность (Schmidbauer 2025). В этой логике темы виртуальной реальности, дополненной реальности, реальной виртуальности и цифрового воплощения становятся не периферийными, а центральными объектами цифровой социологии.

Третья линия — это поворот в отношениях машины и человека (англ. *human-machine relations*), в рамках которого ИИ и чат-боты анализируются не просто как инструменты, а как участники социального взаимодействия. Этот поворот особенно хорошо выражен в статье Майка Зайко «Социология без людей: искусственный интеллект как угроза человечеству и реакция социологии», где ставится под вопрос традиционная антропоцентричность социологии (Zajko 2026), а также в работе Селесты Кампос-Кастильо и соавт. «Перспективы того, как социология может продвинуть теорию взаимодействия человека и чат-бота и разработать чат-ботов для общественного блага», где предлагается использовать социологические теории для анализа взаимодействия человека с чат-ботом и чат-боты для социального развития (Campos-Castillo 2025). Поэтому новым объектом цифровой социологии становится не просто «использование ИИ», а социальные отношения между людьми и ИИ-системами, включая вопросы

агентности, доверия, эмоциональной зависимости, делегирования решений и нормативных границ машинного участия в социальной жизни.

Еще одна важная проблема в новейшей литературе обозначена как противостояние технически правильного и социально действительного (англ. *the proper vs the actual*). В обзоре Е.В. Андриановой и соавт. «Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее» эта оппозиция используется для обозначения разрыва между тем, как цифровые системы должны работать по технической логике, и тем, какой социальный смысл они фактически производят в реальной среде использования (Андрианова 2025). Примером является алгоритм рекомендаций. Техническим эффектом действия этого алгоритма является удержание внимания, но социальным эффектом становятся поляризация, аффективная перегрузка, информационные пузыри и дезинформация. Именно поэтому модели интерпретации смыслов (англ. *meaning-making*) становятся необходимым мостом между техническим (англ. *computational functioning*) и социальным (англ. *lived social consequences*).

Вновь возникающие и воспроизводимые проблемы приводят цифровую социологию к формированию новых тематик и исследованию обозначенных ранее, но не утративших современного звучания, среди которых следует назвать ключевые тематики начала 2026 г.:

1) вирусные явления, мемы и экономика создателя (англ. *creator economy*) (Lee 2026), новая парасоциальность, где подчеркивается концентрация платформенной власти и новые формы эксплуатации (Boyd 2026);

2) микроагрессия, цифровое насилие и онлайн-харассмент; сексуальное насилие, совершаемое с помощью технологий, рассматривается как структурная, а не эпизодическая форма цифрового насилия, генеративный ИИ усиливает цифровое гендерное насилие (Quinlan 2026);

3) формирование мнений и убеждений с помощью ИИ в реальном времени (англ. *AI-mediated persuasion*), где ключевой можно назвать работу Даниэля Т. Шрёдера и соавт., посвященную анализу имитации социального консенсуса и искажения публичной сферы «Как вредоносные стаи ИИ могут угрожать демократии» (Schroeder 2026);

4) по теме возникновения и трансформации цифровых сообществ появилась работа Тамэра Байрака «Гибридная культура поколения Z: цифровая идентичность и создание сообществ с помощью TikTok, Discord и Twitch» (Bayrak 2026), которая раскрывает, как новые платформы участвуют в построении идентичности и общности;

5) чрезвычайно актуальная тема — распространение дезинформации и когнитивной манипуляции; среди наиболее заметных можно назвать

следующие работы: обзор С. Пак и С. Нань «Генеративный ИИ и дезинформация: общий обзор роли генеративного ИИ в генерировании, обнаружении, смягчении и воздействии дезинформации», который посвящен роли генеративного ИИ в производстве синтетических медиа (англ. *synthetic media*) и дезинформации (Park 2026); работа Джузеппе Ла Сельва и соавт. «Подготовительные мероприятия по борьбе с дезинформацией о климате» (La Selva et al. 2026), которая поднимает вопрос превентивных мероприятий в борьбе с платформенной дезинформацией; и, наконец, работа Моники Уитти и соавт. «Повышение эффективности обнаружения ложных сообщений и дезинформации» (Whitty 2025), которая содержит не только теоретические подходы, но и методы детекции;

6) быстрорастущее направление телемедицины и цифрового здоровья в 2026 г. усилено работами, связывающими цифровой поиск медицинской информации с тревожностью Дэниеля Миза и соавт. «Распространенность киберхондрии и связанные с ней факторы» (Miezah 2026) и Кси Ло и соавт. «Беспокойство о здоровье и поиск информации в эпоху цифровых технологий» (Luo 2026);

7) продолжающаяся тема онлайн-знакомств, получившая новое звучание в теме знакомств с помощью искусственного интеллекта (англ. *AI dating*) и товаризации/приватизации интимности, где следует назвать работу 2022 г., идеи которой активно используются в исследованиях 2026 г. — это базовая книга по теме приватности и интимности онлайн Мари Бергстрём «Новые законы любви: Онлайн-знакомства и приватизация интимной жизни» (Bergström 2022); а также работа Лусианы Р. Родригес, раскрывающая практики *AI dating* «Новая эра онлайн-знакомств? Анализ применения искусственного интеллекта в приложениях для знакомств» (Rodrigues 2026);

8) гиг-экономика, платформизация труда и сопротивление работников, в которой работы 2026 г. развивают тему сопротивления, поднятую в 2025 г. Практики Дасгуптой в работе «Социальные отношения и сопротивление работников в платформенной экономике» (Dasgupta 2025), следует назвать работу Анке Штрювер «Платформенный домашний труд, выходящий за рамки технологий: “Безразличие...”» (Strüver 2026), в которой описан платформенный домашний труд как инфраструктурный и социальный порядок, а не только как приложение, а также работу Липин Лю и соавт. «Платформа gig оценивает условия труда и представления работников о достойном труде» (Liu 2026), в которой Л. Лю и соавт. связывают алгоритмический контроль (англ. *algorithmic control*), пол, часы работы и достойный труд (англ. *decent work*); и снова в 2026 г. Ананьи Бхардвадж поднимает вопросы трудовой миграции в глобальной экономике (Bhardwaj 2026);

9) всегда актуальная тема фан-культуры, платформизации творчества и цифрового труда фанатов в работе Шань Юя «Механизм трансформации рабочей силы и отчуждения фанатской культуры в платформенном обществе» (Yu 2026) раскрывается трансформация культуры участия в цифровую рабочую силу; а работа Паскаля Штегманна «Формирование поведения вовлеченных фанатов с помощью функций цифровой платформы» (Stegmann 2026) связывает платформенные возможности (англ. *affordances*) и социальный капитал фанатских сообществ;

10) наконец, тема человеческого в работе Сэма Иллингворта и соавт. «ИИ как социальный агент и социология, выходящая за рамки человеческого» (Illingworth et al. 2026), о том, как агенты ИИ воспроизводят социальную динамику человека за считанные дни, относится к публикациям о вопросе антропоцентричности социологии.

Ключевые дебаты и разногласия в цифровой социологии

Динамика развития научной отрасли сопряжена с дебатами и разногласиями внутри дисциплины. Между авторами существуют существенные разногласия, понимание которых позволяет проследить динамику идей.

Прежде всего следует говорить о сложившемся противостоянии *big data* и критической герменевтики. Проблема состоит в разных взглядах на решение вопроса о том, как следует исследовать цифровое общество — через количественный анализ больших данных или через критическую интерпретацию. Позиция Д. Лаптон состоит в интеграции *big data*, позволяющих видеть масштабы явления, и качественных методов, обеспечивающих понимание смыслов (Lupton 2015). Благодаря их комбинации мы можем получить и объем данных, и глубину интерпретации. Ноортье Маррес придерживается критической герменевтики (Marres 2017). По мнению Н. Маррес, *big data* часто наивны и позитивистичны, а большие числа просто воспроизводят платформную логику, а не логику исследователя, поэтому нужна не комбинация методов, а критическая оценка полученных *big data*. В российской литературе близкую рефлексивную позицию развивают А.В. Мальцева и М.С. Матвеев, суть которой состоит в том, что исследовательская практика должна использовать *big data*, осознавая вместе с тем закономерные ограничения, задаваемые платформенной логикой (Мальцева 2025). Тем самым вопрос стоит не в приоритете данных или смыслов, а в приоритете позитивистского или рефлексивно-интерпретативного подхода к работе с *big data*. Исследователь может придерживаться любой из существующих позиций, осознавая ограниченную правоту каждой.

Вторым источником дебатов в цифровой социологии является вопрос о том, может ли платформенный капитализм быть реформирован или он

представляет собой системную проблему цифрового общества? М. Карриган, отвечая на этот вопрос, предлагает косметически улучшать уже имеющееся, то есть критически работать с платформизмом как с данностью, как с уже сложившейся средой и реформировать его через развитие практик публичного знания и осмысления (Carrigan 2025). Для Д. Лаптон платформенная среда — это источник новых форм власти над человеком и его жизнью (Lupton 2015). Е. Андрианова и соавт., критикуя платформенный капитализм, полагают, что это системная проблема, существование которой запланировано ради извлечения прибыли и потому требуется не реформенное, а альтернативное решение (Андрианова 2025). Обобщая эту дискуссию, полагаю, что рассматривать данные позиции нужно не как взаимоисключающие, а как разноуровневые элементы единой стратегии. Компромисс мнений можно найти в построении долгосрочной стратегии, когда в ближайшей перспективе необходимы регуляторные меры, включая GDPR, а долгосрочно следует выбирать альтернативы платформенному капитализму — децентрализацию и открытые системы. Таким образом, краткосрочные меры регулирования могут сочетаться с долгосрочным поиском альтернатив платформенному капитализму.

Третье противостояние внутри цифровой социологии касается ответа на вопрос, являются ли платформы инструментами контроля или нейтральными инструментами, зависящими от практики и контекста использования. Критический ответ предлагают Н. Маррес (Marres 2017) и Б. Дычек (Dyszek 2024). Они придерживаются мнения, что платформы встроены в системы управления в самом широком смысле и являются по сути орудиями контроля над людьми, которые невозможно использовать во благо, а следовательно, необходимо избегать. Другой, более контекстуальный и практико-ориентированный ответ предлагает М. Ханчард — практико-ориентированное прочтение платформизма (англ. *practise-oriented reading platforms/technologies*) состоит в том, что повседневные технологии не полностью детерминируют поведение, но значительно упрощают решение повседневных бытовых задач, адаптируя социально-экономическую среду к потребностям человека (Hanchard 2024). В том же направлении размышляет Р. Упадхьяй. По его мнению, важно контекстуальное понимание цифровых технологий. То есть платформы — это нейтральные инструменты, результат использования которых зависит от социальных практик (Upadhyay 2024). Таким образом, следует говорить не об оценке платформизма, а о практиках использования платформ разными обществами.

Еще один нерешенный вопрос касается приоритетности этико-ориентированных или методолого-ориентированных исследований. Одни

авторы ориентированы на справедливый цифровой мир, ставя целью развития цифровой социологии *улучшение мира*. Установка на гуманистическую и нормативную рамку цифровой социологии присутствует в современных дискуссиях, где подчеркиваются риски неравенства, манипуляции, алгоритмизации и потери человеческой автономии, в частности, у Д.Е. Добринской (Добринская 2019), А.В. Мальцевой и М.С. Матвеева (Мальцева 2025). Для других авторов ближе методолого-ориентированная позиция, в которой этика является следствием хорошей методологии, а целью развития цифровой социологии является *познание мира*. В фокусе второго подхода находятся методологические вопросы: как цифровые методы меняют социальные исследования, как соотносить онлайн-методы с другими методами сбора данных, как работать с данными платформ, в частности, работы Н. Маррес и К. Герлиц (Marres 2015), Д. Лаптон (Lupton 2015). Синтез обеих позиций — это интегрированная позиция, методологически строгая и этически ориентированная, в которой методология без этики — это технократия, а этика без методологии — наивная утопия.

Наконец, заметен спор между практико-ориентированным и критико-ориентированным подходами в цифровой социологии. Первого направления придерживается М. Ханчард (Hanchard 2024), который говорит о том, что фокус цифровой социологии должен быть направлен на то, как люди действуют онлайн, как технологии интегрируются в повседневную жизнь, каковы смыслы и возможности цифровизации, в чем состоит стабилизация и нормализация цифровой среды. Сторонники второго, критико-ориентированного направления, Н. Маррес (Marres 2017), Б. Дычек (Dyczek 2024), Д. Лаптон (Lupton 2015) фокусируются на скрытых механизмах влияния, власти, контроля, дестабилизации, неравенства. Здесь, как и в других дебатах, необходим исследовательский синтез, усиливающий оба направления развития. Цифровая социология одновременно нуждается как в анализе повседневного, так и в критике влияния и дестабилизации.

Таким образом, мы можем говорить о том, что цифровая социология сегодня — это живой теоретико-методологический диалог, иногда даже спор между разными взглядами на развитие дисциплины. Это говорит о большом количестве открытых вопросов, требующих разных подходов к их решению, а в целом об интенсивном развитии и актуальности отрасли.

Особенности русскоязычного цифрового пространства

Русскоязычное интернет-пространство — это креативная среда с активной сетью блогеров и их подписчиков по разным тематикам. Рунет адаптирован к русскому языку и культурным ценностям. Это проявляется

не только в использовании русского языка, но и в специфических культурных кодах — постсоветской ностальгии, меметической культуре, особых стилях речи и сетевом юморе. Примерами являются специфические феномены русского интернета — «олбанский язык» и «падонковская» интернет-субкультура¹, суть которых состоит в намеренном искажении орфографии как формы групповой идентичности «для тех, кто понимает» и языкового сопротивления норме (Костикова 2023; Кудинова 2010). В России активны семейные и родственные сети; в цифровой коммуникации участвуют РПЦ и другие традиционные религиозные институты, что характеризует взаимодействие между традиционными общественными структурами и новыми цифровыми практиками в России.

Для России характерны некоторые особенности цифровых платформ. Это доминирование российских платформ: ВКонтакте — крупнейшая русскоязычная социальная сеть; Яндекс — преобладающая поисковая система в России и рунете; 2ГИС — уникальная российская платформа навигации и справок; а также Одноклассники, Авито, Яндекс.Маркет, Mail.ru и другие сервисы, ориентированные на русскоязычную аудиторию. Вследствие государственного регулирования интернета происходит замена глобальных платформ и мессенджеров уникальной российской экосистемой, включающей Rutube, Дзен, интегрированный в ВКонтакте VK Messenger, мессенджер Мах и проч. Важным каналом коммуникации остается SMS. Все это делает русскоязычное цифровое пространство более автономным и платформенно локализованным внутри глобального платформенного капитализма, что, впрочем, характерно для большинства стран.

Вызовом для цифровой социологии является адаптация цифровых методов к языковым особенностям русского языка. С одной стороны, речь идет о настройках распознавания кириллицы, с другой — о распознавании морфологии русского языка для NLP. Несмотря на высокий исследовательский интерес, нерешенной задачей распознавания текстов на русском языке остается автоматизация различения значимых и незначимых текстовых признаков среди синонимов и омонимов, фразеологизмов, множественных толкований, переносных смыслов, каламбуров, пародий, шуток, иронических высказываний и пр. Существующий дефицит и несовершенство методик анализа как текстовых, так и других признаков и их сочетаний пока не преодолен. Необходимо совершенствовать способы различения вариантов представления и определения конкретного смысла многозначных лексем.

¹ В настоящее время проект Udaff.com завершил свое существование.

В целом современное русскоязычное цифровое пространство можно рассматривать как особый вариант цифровой коммуникации, где глобальные технологические формы сочетаются с локальными культурными особенностями, государственным регулированием и национальной практикой сетевой коммуникации.

Некоторые перспективы для русскоязычной аудитории

Развитие Рунета создало особую экосистему, существующую наравне с англоязычной сетью Интернет. Благодаря этому явлению русскоязычные социологи получили дополнительные возможности развития, а именно — не только адаптировать зарубежные концепции, но и развивать собственные, восполняющие пробелы западного методологического и методного доминирования, релевантные уникальному российскому и постсоветскому контексту, учитывающие особенности русского языка и культуры, а также языковые и культурные особенности всех традиционных национальных групп России.

Источниками данных для концептуального развития отрасли являются сеть ВКонтакте, мессенджер Мах и Рунет как особый культурный и политический феномен; они позволяют проводить специфические исследования цифровых практик в российском контексте.

Исследовательское пространство Рунета для русскоязычной цифровой социологии может включать критический анализ геополитических измерений цифровых технологий, а именно — характера государственного управления¹, информационных войн и пропаганды, «цифрового» сопротивления и альтернативных способов использования интернета.

Кроме того, для цифровой социологии необходимо документировать уникальные формы онлайн-культуры и сообществ в России, сохранять память об интернет-культуре (мемы, субкультуры, речь), исследовать региональное разнообразие цифровых практик, участвовать в архивировании исчезающих интернет-пространств.

Ключевой задачей развития цифровой социологии в России является сбережение ее важнейших аутентичных достижений: критичности, отклоняющей технологический детерминизм; рефлексивного отношения к собственной позиции и ее ограничениям; сенситивности к особенностям русского, российского и постсоветского контекста; этики, защищающей человека как субъекта; открытости диалогу с глобальным научным сообществом и сохранения независимости. Это позволит российской циф-

¹ Особенно важен этот вопрос в контексте data-driven подхода, обозначенного в национальном проекте «Экономика данных».

ровой социологии сохранить свою специфику и значение не как периферии мировой науки, а как ее равноправного участника, партнера с собственным исследовательским пространством и методологическим влиянием.

Заключение

Цифровая социология сейчас — это дисциплина на критическом пересечении технологий и социологии, и ее дальнейшее развитие зависит от того, в каком направлении будет институционализирован цифровой поворот, какой из путей будет выбран отраслью.

Одно из направлений, которое автор данного обзора считает тупиковым для отрасли, — это риск пойти по пути техницизма, чрезмерно увлечься технической стороной вопроса. На этом пути цифровая социология может редуцироваться к бесконечному майнингу данных, в котором все усилия по разработке и обновлению методов сбора и технического анализа данных не приведут к фиксации и решению социальных проблем, в результате чего слово «социология» в названии дисциплины станет излишним.

Второе направление является предпочтительным для отрасли — это объединение возможностей критического реализма и цифровых технологий. На этом пути дисциплина будет развивать не только гипотезопрверяющие, но и гипотезопорождающие исследования, сохраняя эмпирическую ориентированность и критичность, принимая участие в поиске решений общественных проблем и сохраняя научную самостоятельность. Смысл дисциплины на этом пути состоит в получении социологического знания, способствующего решению общественных проблем.

Предпочтительным представляется второй путь, позволяющий сохранить приоритет социологической проблематики и критической рефлексии при использовании цифровых методов.

Источники

Crossref (2026) <https://www.crossref.org/>

International Energy Agency (IEA) (2026) *Electricity 2026: Analysis and Forecast to 2030*. Paris: IEA Publications: 8–9. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/b73798cb-e452-42b9-9d8a-07542de7a041/Electricity_2026.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

International Telecommunication Union (ITU), United Nations Institute for Training and Research (UNITAR) (2024) *The Global E-waste Monitor 2024*. Geneva: ITU; Bonn: UNITAR. URL: <https://ewastemonitor.info/the-global-e-waste-monitor-2024/> (дата обращения: 30.04.2026).

Литература / References

Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. (2024) Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека. Часть I. *Цифровая социология*, 7(4): 63–80.

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Rozmanov A.I. (2024) Modern digital sociology in search of modeling meaning: due and essential. A review of the articles of the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek. Part I. *Digital Sociology*, 7(4): 63–80 (in Russian).

Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. (2025) Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Яна Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть II. *Цифровая социология*, 8(1): 83–100.

Andrianova E., Davydenko V., Rozmanov A. (2025) Contemporary digital sociology in search of meaning-making models: the proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Part II. *Digital Sociology*, 8(1): 83–100 (in Russian).

Ахтырский А.А. (2022) Цифровые методы в социологических исследованиях. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 3: 53–59.

Akhtryrsky A.A. (2022) Digital methods in sociological research. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 3: 53–59 (in Russian).

Василькова В.В., Садчиков Д.И. (2019) Фейки и боты как механизмы информационных искажений в социальных сетях. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 2(37): 24–30.

Vasilkova V.V., Sadchikov D.I. (2019) Fakes and bots as mechanisms of information distortion in social networks. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 2(37): 24–30 (in Russian).

Василькова В.В. (2021) Глобализация лжи или диверсификация правды: информационные искажения в социальных сетях. Фролова М.И. (ред.) *Человек в глобальном мире: риски и перспективы*. Москва: Канон-Плюс: 269–280.

Vasilkova V.V. (2021) The globalization of lies or the diversification of truth: information distortions in social networks. In: Frolova M.I. (ed.) *Man in the global world: risks and prospects*. Moscow: Canon-Plus: 269–280 (in Russian).

Добринская Д.Е. (2019) Цифровое общество в социологической перспективе. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 25(4): 175–192.

Dobrinskaya D.E. (2019) Digital society in a sociological perspective. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 25(4): 175–192 (in Russian).

Добринская Д.Е. (2021) Цифровая социология для изучения цифрового общества. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2: 250–259.

Dobrinskaya D.E. (2021) Digital sociology for the study of digital society. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2: 250–259 (in Russian).

Дьякович М.П. (2025) Особенности цифрового поведения в области сохранения здоровья как предмет изучения цифровой социологии. *Современные технологии и научно-технический прогресс*, 12: 250–251.

Dyakovich M.P. (2025) Features of digital behavior in the field of health preservation as a subject of digital sociology. *Modern Technologies and Scientific and Technological Progress*, 12: 250–251 (in Russian).

Костикова Ю.В., Толкунова М.С. (2023) «Падонки» как феномен интернет-субкультуры России начала 2000-х. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 11–14.

Kostikova Yu.V., Tolkunova M.S. (2023) «Padonki» as a phenomenon of the internet subculture of early Russia in the 2000s. *Social and Humanitarian Knowledge*, 1: 11–14 (in Russian).

Крыштановская О.В. (2018) Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху. *Цифровая социология*, 1: 4–8.

Kryshtanovskaya O.V. (2018) Contactless sociology: new forms of research in the digital Age. *Digital Sociology*, 1: 4–8 (in Russian).

Кудинова Т.А. (2010) Язык Интернет и жаргон падонков. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 12: 336–340.

Kudinova T.A. (2010) Internet language and Padonkov jargon. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 12: 336–340 (in Russian).

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. (2016) Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования. *Социологические исследования*, 3: 35–44.

Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnytkina O.V. (2016) Data mining in sociology: experience and prospects of research. *Sociological research*. 3: 35–44 (in Russian).

Мальцева А.В., Матвеев М.С. (2025) Цифровые следы: от технологической составляющей к эвристическим возможностям социологии в изучении молодежи. Мальцева А.В., Ван С. (ред.) *Цифровое общество в России и Китае*. Сборник статей XXI Российско-Китайской социологической конференции Санкт-Петербург 11–12 апреля 2025 г. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион»: 51–56.

Maltseva A.V., Matveev M.S. (2025) Digital footprints: from the technological component to the heuristic possibilities of sociology in the study of youth. Maltseva A.V., Wang S. (eds.) *Digital Society in Russia and China*. Collection of articles of the XXI Russian-Chinese Sociological Conference St. Petersburg, April 11–12, 2025. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies: 51–56 (in Russian).

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. (2017) Опросы в торгово-развлекательных центрах vs квартирные опросы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 44–58.

Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnytkina O.V. (2017) Surveys in shopping and entertainment centers vs apartment surveys. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3: 44–58 (in Russian).

Ницевич В.Ф. (2018) Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания. *Цифровая социология*, 1: 18–28.

Nicevich V.F. (2018) Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations. *Digital Sociology*, 1: 18–28 (in Russian).

Оберемко О.А. (2015) О фальсификации, фабрикации и мистификации в методике. Рец. на кн.: Рогозин Д.М., Ипатова А.А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 227–236.

Oberemko O.A. (2015) On falsification, fabrication and mystification in techniques. Book review: Rogozin D.M., Ipatova A.A. «Naskolko razumna nasha vera v rezultaty «bumazhnykh» kvartirnykh oprosov?» *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4: 227–236 (in Russian).

Рогозин Д.М. (2015) По(д)делки в «бумажном» поквартирном опросе. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 3–35.

Rogozin D.M. (2015) Fabrication in paper-and-pencil door-to-door survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4: 3–35 (in Russian).

Barth T. (1997) Mark Poster: The Second Media Age. *MEDIENwissenschaft Rezensionen | Reviews*, 1: 109–111.

Baym N. (2000) *Tune in, log on Soaps, Fandom, and Online Community*. Thousand Oaks: New Media.

Baym N., Zhang Y., Lin M. (2004) Social Interactions Across Media. *New Media & Society*, 6(3): 299–318.

Bayrak T. (2026) The Hybrid Culture of Generation Z: Digital Identity and Community Construction through TikTok, Discord, and Twitch. *İçtimaiyat*, 10(1): 17–30.

Beer D. (2008) Social Network(ing) sites...Revisiting the Story So Far: A Response to Danah Boyd & Nicole Ellison. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13: 516–529.

Beer D. (2009) Power Through the Algorithm? Participatory Web Cultures and the Technological Unconscious. *New Media & Society*, 11: 985–1002.

Bergström M. (2022) *The New Laws of Love: Online Dating and the Privatization of Intimacy*. Medford: Polity Press.

Bhardwaj A., DellaPuppa F., Dhar D., Montagna N. (eds.) (2026) *Migrant Labour in the Gig Economy: The Intersection of Migrant Labour, Platform Capitalism, and Resistance*. London: Springer Nature Switzerland AG.

- Boellstorff T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human (REV-Revised)*. Princeton: University Press.
- Boyd D. (2006) Friends, Friendsters, and Top 8: Writing community into being on social network sites. *First Monday*, 11(12). <https://doi.org/10.5210/fm.v11i12.1418>.
- Boyd D. (2008) *Why Youth (Heart) Social Network Sites: The Role of Networked Publics in Teenage Social Life*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Boyd D. (2026) Social Media Is Now Parasocial Media. *Social Media+Society*. Special Issue: Anniversary Issue: 1–5.
- Boyd D., Ellison N. (2007) Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1): 210–230.
- Campos-Castillo C., Kang X., Laestadius L. (2025) Perspectives on How Sociology Can Advance Theorizing About Human-Chatbot Interaction and Developing Chatbots for Social Good. *Computers and Society*, 4.
- Carrigan M. (2025) *Platform and Agency: Becoming Who We Are*. New York: Taylor & Francis.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.
- Castells M. (2001) *The internet galaxy: Reflections on the internet, business and society*. Oxford: Oxford University Press.
- Cherny L. (1999) *Conversation and community: Chat in a virtual world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dasgupta P., Carbery R., McDonnell A., Jooss S. (2025) Social relations and worker resistance in the platform economy: towards a future research agenda. *New Political Economy*, 30(3): 373–387.
- DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W., Robinson J. (2001) Social Implications of the Internet. *Annual Review of Sociology*, 27: 307–336.
- Donath J. (1998) *Identity and Deception in the Virtual Community*. London: Routledge.
- Dyczek B. (2024) On the need for integrating social sciences and engineering – technical disciplines in studying contemporary social phenomena. New directions in digital sociology. *Media i Społeczeństwo*, 20(1/1): 240–256.
- Erofeeva M. (2026) Why Does Social Virtual Reality Feel So Real? A Phenomenological Study of Spatiality, Embodiment, and Continuity Between Digital and Physical Realities. *Human Studies*, 49: 223–245.
- Gallego M. (2017) *Noortje Marres. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Londres: Wiley.
- Hanchard M. (2024) *Towards a Practice-orientated Digital Sociology*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Hayles N.K. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hine C. (2011) *Virtual Ethnography*. London: SAGE Publications.
- Hongladarom S. (2019) *Shoshana Zuboff, The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

Housley W., Edwards A., Beneito-Montagut R., Fitzgerald R. (2023) *The SAGE Handbook of Digital Society*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Illingworth S., Spinner K. (2026) AI agents replicate human social dynamics in days. *Nature*, 652(8110): 828.

Jones S. (1998) *CyberSociety 2.0: Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Jungmann S.M., Dessauer E. (2025) Health-Related Internet Use and Cyberchondria in Adolescents: Population-Based Cross-Sectional Survey. *Journal of Medical Internet Research*, 27: 1–15.

Kendall L. (2002) *Hanging Out in the Virtual Pub: Identity, Masculinities, and Relationships Online*. Los Angeles: University of California Press.

Kollock P., Smith M. (eds.) (1999) *Communities in Cyberspace*. London: Routledge.

Kozinets R. (2010) *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London: SAGE Publications.

La Selva G., Monacis L., van der Linden S. (2026) Prebunking interventions against climate misinformation: A systematic review on effectiveness and implementation. *Journal of Environmental Psychology*, 111: 103029. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2026.103029>

Lee J., Umbach J. (2026) The viral turn: rethinking virality in the creator economy on TikTok. *Continuum*, 40: 1–26.

Liu L., Wang Y., Xiao T., Zhang C. (2026) Platform gig work conditions and workers' perceptions of decent work: a configurational and necessity perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*, 13: 1–13.

Lovink G. (2008) *Zero Comments: Blogging and Critical Internet Culture*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Luo X., Chang J., Cheah J., Lim W., Jean L. (2026) Health anxiety and information-seeking in the digital age: a two-wave study of cyberchondria. *Internet Research*. February 25: 1–26.

Lupton D. (2013) *Introducing digital sociology*. Sydney: University of Sydney.

Lupton D. (2015) *Digital Sociology*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Marres N. (2017) *Digital Sociology: The reinvention of social research*. Malden: Polity Press.

Marres N., Gerlitz C. (2015) Interface Methods: Renegotiating Relations between Digital Social Research, STS and Sociology. *The Sociological Review*, 64(1): 1–32.

Michael M., Lupton D. (2015). Toward a manifesto for the «Public understanding of big data». *Public understanding of science*, 25: 104–116.

Miezah D., Adzaka R., Bani E.M.A., Obeng P. (2026) Prevalence and Associated Factors of Cyberchondria: A Scoping Review. *ScientificWorldJournal*, 1: 1–13.

- Neal R. (2010) *Expanding Sentience: Introducing Digital Sociology*. Raleigh: Lulu.com
- Orton-Johnson K., Prior N. (eds.) (2013) *Digital Sociology: Critical Perspectives*. London: Palgrave Macmillan.
- Park S., Nan X. (2026) Generative AI and misinformation: a scoping review of the role of generative AI in the generation, detection, mitigation, and impact of misinformation. *AI & Society*, 41: 1501–1515.
- Preece J. (2000) *Online communities: designing usability, supporting sociability*. New York: John Wiley.
- Priem J., Piwowar H., Orr R. (2022) OpenAlex: A fully-open index of scholarly works, authors, venues, institutions, and concepts. *26th International Conference on Science, Technology and Innovation Indicators (STI 2022) "From Global Indicators to Local Applications"*, 7–9 September, Granada, Spain.
- Quinlan A., Fogel C. (2026) Digital Violations: Technology-Facilitated Sexual Violence in Canadian Sport. *Violence Against Women*, 32(8): 2074–2094.
- Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading: Addison-Wesley publishing company.
- Rheingold H. (2000) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Cambridge: The MIT Press.
- Rodrigues L.R. (2026). A new era of online dating? An analysis of the application of artificial intelligence in dating apps. *AoIR Selected Papers of Internet Research*. Selected Papers of #AoIR2025: The 26th Annual Conference of the Association of Internet Researchers Niterói, Brazil 15–18 Oct. 2025. DOI: <https://doi.org/10.5210/spir.v2024i0.15301>
- Rohlinger D.A., Sobieraj S. (eds.) (2020) *The Oxford Handbook of Digital Media Sociology*. Oxford: Oxford University Press.
- Schmidbauer F., Wölfel M. (2025) Social virtual reality as learning space: Conceptualising context through spatial and sociotechnological perspectives. *Learning in Context*, 2(1-2): 1–11.
- Schroeder D.T., Cha M., Baronchelli A. et al. (2026) How malicious AI swarms can threaten democracy. *Science*, 391(6783): 354–357.
- Selwyn N. (2019) *What is digital sociology?* Cambridge: Polity Press.
- Sharpe A., Tyndall I., Poulus D., Obine E., Sharpe B. (2026) The Influence of Doomscrolling on Mental Health: A Scoping Review. *Mental Health and Digital Technologies*, 1: 1–99.
- Stegmann P., Ströbel T., O'Reilly N. (2026) Shaping fan engagement behaviour through digital platform features: the role of social capital; an experimental study. *International Journal of Sports Marketing and Sponsorship*, 27(6): 1–15.
- Strüver A., Lentz J., Bellgardt H. (2026) Platformized domestic labor beyond technology: «Uncaring by design»? *Digital Geography and Society*, 10: 1–10.
- Turkle S. (1995) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster.

Upadhyay R. (2024) Digital Sociology: An Emerging Sociological Trend in Digital Era. In: *Multidimensionality of the Concept & Function of Digital*. Jaipur: Apple Books: 20–26.

van Dijk J. (2005) *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Wellman B. (2005) Community: From neighborhood to network. *Communications of the ACM*, 48(10): 53–55.

Wellman B., Haythornthwaite C.A. (eds.) (2002) *The Internet in Everyday Life*. Oxford: Blackwell Publishing.

Wellman B., Quan-Hase A., Boase J., Chen W., Hampton K., Diaz I., Miyata K. (2003) Social Affordances of the Internet for Networked Individualism. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 8(3).

Whitty M., Doherty S. (2025) Enhancing mis- and disinformation detection and understanding its influence: leveraging communication accommodation theory and information manipulation theory. *Behaviour & Information Technology*, 20: 1–20.

Wynn J.R. (2009) Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom. *Sociological Forum*, 24(2): 448–456.

Yu S. (2026) The Labor Transformation and Alienation Mechanism of Fan Culture in the Platform Society. *Communications in Humanities Research*, 105: 210–216.

Zajko M. (2026) A sociology without humans: Artificial intelligence as a threat to humanity, and sociology's response. *Current Sociology*, March.

Zhao Y., Wang M. (2023) Digital sociology: origin, development, and prospects from a global perspective. *The Journal of Chinese Sociology*, 10: 1–21.

DIGITAL SOCIOLOGY AS A BRANCH OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE: A CRITICAL REVIEW

Anna Maltseva (a.maltseva@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Maltseva A. (2026) Digital sociology as a branch of sociological knowledge: A critical review. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 24–56 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.2> EDN: FEPKZJ

Abstract. The article examines the development of digital sociology as a branch of sociological knowledge at the intersection of technology and sociology, which studies social changes taking place under the influence of digitalization using digital methods

and data. The article shows the main stages of DS development: 1) the prehistory of the field's development (1990–2009), the period of development of methods and accumulation of cases, which resulted in the term “Digital Sociology” (DS); 2) the emergence of the discipline (2009–2015), when DS as a scientific discipline gained international recognition and the question of its existence turned into a question of further directions for the development of the field; 3) the stage of theorization (2015–2018) as a transition to an analytical, methodological and critical rethinking of the field; 4) the stage of institutionalization of the discipline (2018–2025), when the synthesis of developed theoretical approaches takes place, methodological developments are recognized, the discipline is integrated into professional training programs of higher education, interdisciplinary research is developing, the field is gaining global geographical, national and scientific dissemination; 5) the stage of development of the digital sociology paradigm, which has been developing since 2025. The author draws readers' attention to the risks of the current stage of the field's development — an imbalance between the high rate of development of digital empiricism and slow sociological reflection, while increased engineering intervention in social processes based on global data collection requires not a delayed, but a proactive research assessment by sociology.

Keywords: digital sociology, digital technologies, hypothesis-generating research, data analysis, big data, digital methods, Runet

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ

*Алла Евгеньевна Чирикова*¹ (chirikova_a@mail.ru),
*Валерий Георгиевич Ледяев*² (vledyaev@hse.ru)

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. (2026) Эффективность муниципальной власти в оценках локальных элит. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 57–89. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.3> EDN: FMLMRM

Аннотация. Статья представляет результаты эмпирического исследования власти и лидерства в четырех малых российских городах Ивановской области, проведенного в два этапа — в 2023 и 2025–2026 гг. Основной метод исследования — глубинные интервью (всего 95) с ключевыми акторами локальной политики. В фокусе исследования была эффективность муниципальной власти в представлениях локальных и региональной элит. Результаты исследования показывают, что спектр представлений городских элит об эффективности власти и управления весьма широк и неоднороден; сильные лидеры ориентируются на достижение целей, слабые — на удовлетворение потребностей жителей. Оценки эффективности власти выстраивались вокруг трех аспектов эффективности — управленческой, экономической и политической. Было выявлено, что, по мнению локальных элит, на успешность деятельности муниципальных властей в наибольшей степени влияет наличие сильного лидера и слаженная работа команды. Сильные лидеры реже ссылались на неблагоприятные обстоятельства, чем слабые лидеры, хотя прекрасно осознавали трудности объективного характера, с которыми сталкиваются муниципалитеты. Все респонденты считают, что залогом успеха муниципальных властей является хорошо налаженное взаимодействие с бизнесом. Оценки роли региональных властей как фактора эффективности муниципального управления оказались менее консолидированными, поскольку не все их действия оказывали позитивное влияние на работу муниципалитетов. Представления об эффективности у представителей бизнеса имеют как совпадения, так и различия с оценками руководителей муниципалитетов. Бизнесмены в большей степени нацелены на перспективу, тогда как руководители муниципалитетов ориентируются в основном на повседневные достижения.

Ключевые слова: городская политика, малые города, власть, эффективность власти и управления

Введение

Эффективность власти и управления — одна из приоритетных тем в политической науке и социологии. Развитие и благосостояние любого социума непосредственно зависят от того, кто и как им управляет. Успешная управленческая деятельность является предпосылкой развития, и наоборот, неэффективное управление, как правило, приводит к стагнации и нарастанию кризисных явлений. Оценки эффективности управленческой деятельности показывают, насколько оптимально выбраны и воплощаются в жизнь стратегия и тактика властвующих элит, требуется ли коррекция политического курса, какие ресурсы необходимы для его оптимизации.

Вызывая не только чисто академический, но и практический интерес, тема стала предметом острых общественных и научных дискуссий. При изучении власти в локальных сообществах повышенное внимание к вопросам эффективности власти и управления обозначилось с 1970-х гг., когда центральный вопрос полемики о власти в городских сообществах «Кто правит?» был преобразован в «Кто правит, где и с какими эффектами?» (Clark 1968). В соответствии с новой установкой началась полоса сравнительных исследований власти в локальных сообществах, в которых в центре внимания были факторы, определяющие различные аспекты власти, в том числе и ее эффективность (Ледяев 2012).

Постепенно эффективность муниципальной власти стала самостоятельным предметом исследования. В последние десятилетия были проведены многочисленные исследования в разных странах, вышло огромное количество работ, специально посвященных различным аспектам эффективности местного самоуправления (Van Den Eeckaut, Tulkens, Jamar 1993; Balaguer-Coll, Prior, Tortosa-Ausina 2007; Loikkanen, Susiluoto 2005; Geys, Heinemann, Kalb 2007; Faria, Farias, Santos, Ferreira, Silva 2012; Carosi, D'Inverno, Ravagli 2014; Yufany 2015; Ferrera, Caro, Fernandes 2017; Ribeiro, Nogueira, Linhares, Da Silva 2020; Avazov 2020; Benito, Conesa-Perez, Parra-Merono 2025). К полемике вокруг эффективности локальной власти подключились и отечественные исследователи (Волкова 2009; Трофимова 2012; Баранов 2015; Фастович, Шитова 2020; Бурцева 2021; Великая, Моисеева 2021; Фугалевич 2024; Сотникова 2024).

В последние годы наблюдается заметное повышение интереса к проблемам эффективности власти в России, который обусловлен растущим дефицитом государственных ресурсов, возросшим спросом граждан на удовлетворение их потребностей, быстрым изменением социальных, экономических и политических контекстов.

Полемика имеет место как по теоретическим и концептуальным аспектам эффективности, так и по оптимизации системы ее показателей и по практическим мерам по ее повышению.

По мнению российских исследователей, «Оптимальная модель управления, способная отвечать на угрозы и вызовы как внешней, так и внутренней среды, предполагает не только организацию взаимодействия между органами местной власти и местным сообществом, но и оценку эффективности органов местной власти. Это позволяет корректировать тактику управленческих усилий и учитывать мнение жителей в разработке стратегии развития города» (Великая, Моисеева 2021: 55-56).

Эффективности деятельности муниципалитетов уделяется особое внимание и в связи с постоянным реформированием системы местного самоуправления. Однако ряд принимаемых законов (например, закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» 2025 г.) привел к тому, что, по мнению некоторых экспертов (Ковалев 2026), эффективность местной власти стала существенно снижаться, поскольку предусмотренная законом реформа «централизовала» местное самоуправление, существенно меняя принципы его территориально-организационного устройства. Реформа, направленная на укрупнение муниципальных образований посредством упразднения поселенческого уровня и перехода к одноуровневой модели МСУ, по факту значительно урезает полномочия местного самоуправления, передавая значительную часть полномочий на усмотрение регионов. В создаваемой на этой основе системе публичной власти реформа местного самоуправления однозначно ведет к формированию дефицита репрезентативности общественных интересов. Это сказывается на эффективности муниципальной власти, снижая возможности для субъектного становления усложняющегося локального социума. Однако процесс развития локального социума продолжается, несмотря на все ограничения. И это имеет свои объяснения — акторы, эффективно действующие в локальном пространстве, нередко оказываются сильнее институтов.

В России при выработке целей, стоящих перед органами местного самоуправления, и определении эффективности их деятельности обычно используется набор показателей, в который входят показатели экономического развития, жилищного строительства и обеспечения граждан жильем, уровня образования, продолжительности жизни, социально-культурного развития, физкультуры и спорта, ЖКХ и организации муниципального управления и т. д. Эти показатели и используются для сравнения эффективности деятельности различных муниципальных образований.

Присутствуют и точки зрения, согласно которым эффективность муниципального управления имеет не только экономическую проекцию: «Для оценки деятельности местного самоуправления нельзя использовать представления об эффективности исключительно в экономическом смысле, нельзя исключать политических и социокультурных аспектов развития местных сообществ, а главное, ориентации на удовлетворение потребностей жителей муниципальных образований» (Трофимова 2012: 55).

В работах других исследователей подчеркивается, что ориентация на формальные количественные показатели, как нам представляется, может привести к серьезному искажению реальной картины эффективности управления. В этом случае часто имеет место их использование главным образом для подтверждения исполнения целевых показателей, а не для анализа механизмов действия социальных технологий при достижении эффективности. Такое смещение акцентов приводит к тому, что сама оценка теряет аналитическую глубину, превращаясь в средство внешнего контроля (Рождественская, Абрамов, Сабля 2024; Сабля 2025).

Кроме того, если ориентироваться исключительно на количественные показатели, достигнутые на разных территориях, то возникают естественные сомнения в справедливости данного подхода в силу различия стартовых условий муниципальных образований и их реальных возможностей. Интуитивно мы уверены, что в слабых в экономическом отношении территориях само по себе управление может быть вполне эффективным, и наоборот, высокие результаты, достигнутые в благополучных и развитых территориях, часто оказываются скорее следствием благоприятных обстоятельств, а не деятельности управленческих структур.

Наконец, некоторые показатели могут в гораздо большей степени зависеть от региональных и федеральных органов власти, а не от муниципальной (Бурцева 2021). При этом всегда будут оставаться серьезные сомнения относительно выбора адекватной конфигурации показателей, о чем свидетельствуют их частые изменения по мере принятия новых нормативных документов.

Поэтому в экспертной и академической среде постепенно усиливается запрос на комплексные подходы, способные учитывать контекст достижения эффективности и субъективные интерпретации участников. При оценке эффективности управления многие исследователи говорят о необходимости перехода от фрагментарных и инструментальных моделей оценки к интегративным, способным сочетать анализ результативности, контекста и оценок акторов локального политического пространства.

В данной статье дается анализ представлений об эффективности муниципальной власти основных акторов локального уровня и тех акторов

регионального уровня, которые включены в городскую политику. Мы считаем, что наряду с традиционными исследованиями эффективности муниципальной власти, опирающимися на набор количественных показателей, большое значение имеет субъективная сторона процесса: как ситуацию видят сами субъекты управления в локальных сообществах. Это не только дополняет набор объективных показателей, но и позволяет понять те аспекты управленческой деятельности, которые не могут быть адекватно отражены с помощью количественных параметров. Имея значительный опыт работы с локальными политическими элитами (Чирикова, Ледяев 2017; 2021; 2023; Ledyayev, Chirikova, Ryabova 2025), мы знаем, что субъективные оценки инсайдеров часто могут сказать гораздо больше, чем набор цифр, который не всегда репрезентативен и часто не учитывает многие обстоятельства, о которых не понаслышке знают наши респонденты.

В ходе исследования нас будет интересовать ряд вопросов, касающихся различных аспектов эффективности муниципальной власти: как понимают эффективность муниципальной власти и ее отдельных аспектов наиболее влиятельные акторы локального и регионального политического пространства? В какой мере их представления соответствуют/не соответствуют понятиям, принятым в академическом дискурсе? В какой мере акторы городского пространства связывают эффективность управления с их собственными внутренними ресурсами или объективными обстоятельствами? Различаются ли понимание и оценки эффективности муниципальной власти у сильных и слабых лидеров муниципалитетов? У лидеров бизнеса и руководителей муниципалитетов? Могут ли муниципальные власти быть эффективными в сложившихся условиях? Какие главные препятствия эффективному управлению они видят?

Данные темы не обсуждались развернуто в наших предыдущих исследованиях. Сюжеты о трех видах эффективности, представленные в данной статье, — управленческой, экономической и политической — описываются нами впервые и являются попыткой проанализировать, осознают ли элиты их важность в повседневной работе и стремятся ли они двигаться в этом направлении, независимо от установок вышестоящих структур власти.

Данные и метод

Исследование проводилось в 4 малых городах Ивановской области в два этапа — в 2023 и 2025–2026 гг. Эти города представляют собой типичные вариации российских малых городов (население от 30 до 80 тысяч человек). Мы ограничились одним регионом для того, чтобы сравнить

эффективность муниципальной власти городов, находящихся в сопоставимых экономических, политических, культурных и управленческих условиях. Наконец, важной причиной выбора этих местных сообществ была их относительная доступность для исследования.

Основной метод сбора информации — глубинные полуструктурированные интервью. Данный метод является главным при изучении власти как способности субъекта навязать волю объекту. Речь идет именно о власти, а не ее последствиях и/или процессах, на которые повлияли властные отношения. Для этого требуется знать, как выстраиваются отношения между ключевыми акторами, каковы их ресурсы, потенциал влияния, мотивация. Представители местной элиты, как правило, несмотря на сложность выстраиваемых между ними отношений, могут реально оценить усилия своих коллег по управлению социумом, их компетентность, знания, опыт, профессионализм и другие персональные ресурсы; они лучше, чем внешние субъекты, представляют, насколько деятельность местных управленческих элит соответствует целям и задачам городских сообществ, способствует или не способствует их успешному развитию.

Метод интервью и выстроенная эмпирическая база позволяют учесть те нюансы в деятельности людей, непосредственно осуществляющих управление локальными сообществами, которые не поддаются статистике и другим методам социологического исследования, в том числе опросам населения.

Всего проведено 95 глубинных интервью: 48 интервью в 2023 г. (города Р, Ш и В.) и 47 интервью в 2025–2026 гг. (города Ш, К, Р). Интервьюируемые были ключевые фигуры городской политики и бизнеса: региональные руководители (2), действующие и бывшие главы городов (11), заместители глав (12), руководители управлений исполнительной власти, включая пресс-секретарей (12), председатели городских дум и советов (8), депутаты (12), бизнесмены и директора предприятий (14), главные редакторы местных газет и телевидения, журналисты (8), лидеры местных партийных организаций (10), эксперты (6).

Материалы интервью подвергались тщательному анализу с использованием принципа «рефлексивной дистанции». Это позволяло «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Тексты интервью разбивались на тематические блоки в зависимости от полученной от респондентов информации и целей исследования. Далее полученные оценки становились предметом концептуальной интерпретации и системного анализа, при котором особое внимание уделялось их противоречивости или непротиворечивости. В ходе интервью мы стремились уходить от социально одобряемых ответов респондентов за счет уточняю-

щих вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить эффект социальных экспектаций.

В процессе интервьюирования был затронут широкий круг аспектов управления городами. Главным предметом нашего внимания была *управленческая эффективность* людей, руководящих городом. Под управленческой эффективностью мы понимаем степень реализации максимально возможного результата в сложившихся условиях. Именно она, на наш взгляд, отражает успешность или неуспешность деятельности местных администраций и legislatures. Чисто объективные показатели могут отнюдь не свидетельствовать о качестве управления, поскольку часто более зависят от объективных условий и обстоятельств, а не от эффективности управленческой деятельности. Финансовые и экономические ресурсы могут нивелировать недостатки управления и наоборот: даже максимально эффективная управленческая деятельность не обязательно ведет к процветанию территории, не обладающей необходимыми ресурсами.

Другой важный аспект эффективности управления, который стал предметом нашего исследования, выражен в понятии «*политическая эффективность*». Политическая эффективность отражает способность субъекта власти обеспечить необходимые политические условия (результаты). Его конкретное содержание может существенно различаться в зависимости от того, какие конкретно политические условия (результаты) субъект считает для себя оптимальными. В странах с устойчивыми демократическими традициями политическая эффективность обычно определяется как субъективная оценка гражданами способности влиять на политические процессы.

Исследователи выделяют внутренний и внешний компоненты политической эффективности: внутренняя эффективность — это вера в то, что человек может разбираться в политике и, следовательно, участвовать в политической жизни. Внешняя эффективность — восприятие того, как правительство реагирует на требования граждан (Craig, Maggiotto 1982; Schulz 2005). Поэтому политическая эффективность может восприниматься как выражение чувств, что политические и социальные изменения возможны и что индивид способен понимать эти изменения и способствовать им. Эти два отдельных, но тесно взаимосвязанных условия составляют элементы, которые способствуют политической эффективности (Lassen, Serritzlew 2011: 239; Levy 2013; Karv, Lindell, Rapeli 2022).

В российском контексте политическая эффективность обычно воспринимается сквозь призму политической стабильности и контроля элитами над политическими процессами. Управление городским сооб-

ществом будет считаться политически эффективным, если в нем отсутствуют серьезные конфликты, местная администрация и легислатура действуют практически как единое целое, отсутствует серьезная оппозиция, а на выборах достигается нужный для властей (местных и региональных) результат. Это вполне соответствует логике выстроенной «вертикали власти», нижнюю часть которой образует муниципальная составляющая.

Наконец, третья составляющая эффективности муниципальной власти, ставшая предметом нашего исследования, — *экономическая эффективность*. Обычно при оценке эффективности (успешности) деятельности города используется набор показателей, чаще всего демонстрирующих уровень экономического развития и/или финансового благосостояния территории. Чаще, однако, в данном показателе учитывается баланс результата и затраченных ресурсов. С этой точки зрения, идея экономической эффективности близка к управленческой эффективности, где также оценивается соотношение достигнутого результата и имеющихся у управленческой элиты возможностей.

Таким образом, наш анализ опирается не на набор традиционных статистических показателей, а на субъективные оценки представителей городской и региональной элит, которые могут лучше понимать, что реально происходит в городах, чем об этом говорят часто безликие цифры.

Опираясь на опыт предыдущих исследований, мы сформулировали следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Представления об эффективности власти и управления различаются у сильных и слабых лидеров: у сильных лидеров представления об эффективности более адекватные и в целом соответствуют пониманию эффективности управления в академическом дискурсе.

Гипотеза 2. Управленческая эффективность в понимании большинства локальных элит обусловлена наличием сильного лидера и слаженной работой команды. Но слабые лидеры чаще ссылаются на внешние обстоятельства (наличие ресурсов, уровень благосостояния, отношения с региональными властями).

Гипотеза 3. Представления об эффективности у представителей бизнеса в малых городах будут иметь совпадения и различия с оценками руководителей муниципалитетов. Представители бизнеса будут в большей степени нацелены на перспективу, тогда как руководители муниципалитетов ориентируются в основном на повседневные достижения.

Гипотеза 4. Политическая эффективность в оценках локальных элит в наибольшей степени зависит от состояния исполнительной власти и ее готовности активно контролировать локальный политический процесс.

В данной статье анализ разворачивается вокруг двух базовых тем: (1) понимание эффективности основными акторами городского политического пространства и (2) оценки ключевых акторов различных аспектов эффективности управления в малых городах.

**Как муниципальные руководители и лидеры бизнеса
формулируют определение эффективности власти и управления
в малых городах?**

Исследование показало, что представления об эффективности у локальных акторов имеют достаточно разнородный, иногда фрагментарный характер; они не всегда актуализированы в сознании руководителей муниципалитетов и членов их команд. В целом понимание эффективности муниципальной власти у наших респондентов во многом совпадает, но прослеживаются и различия.

Можно весьма условно выделить две группы представлений об эффективности у муниципальных элит малых городов: эффективность как удовлетворение потребностей населения и эффективность как достижение поставленных целей. Эмпирический анализ показывает, что сильная власть и сильные главы ориентируются на достижение целей, слабая — на удовлетворение потребностей жителей¹. В городе В у респондентов преобладало представление об эффективности власти как зависящей от внешних условий и ориентированной на удовлетворенность населения. Оценки отличались высоким уровнем стереотипизации: *«Я думаю, что эффективность власти определяется своевременной реакцией всех подведомственных структур на возникающие сложности у населения. Надо удовлетворять запросы населения. Своевременное реагирование для населения — вот что*

¹ Используя понятия «сильный глава города» и «слабый глава города», мы опираемся на комплекс объективных и субъективных характеристик действующих глав. Сильный глава — это глава, под началом которого малый город демонстрирует устойчивые тренды развития, несмотря на дефицит финансовых ресурсов. Как правило, под руководством сильных глав малые города занимают ключевые места в рейтингах по созданию комфортной среды, как, например, в городах Ш и Р. Помимо этого, оценки, даваемые таким главам со стороны кураторов, отличаются высоким уровнем позитивности, как это было в нашем случае с действующими главами городов Ш, Р и К. Слабые главы, как правило, удерживаются у власти не весь срок своих полномочий и снимаются с должности губернатором, так как не могут реализовать поставленные перед ними цели и не пользуются авторитетом у локальных элит и населения.

² В управленческом плане, как показало исследование, это самый слабый из изученных нами городов (слабый глава, который в настоящее время снят, слабая команда; все это очень заметно на фоне слабой ресурсной базы)

важно», — делится своими размышлениями в 2023 году глава города, который был снят с должности в 2025 году.¹ Почему удовлетворенность населения в данном случае оценивается нами как менее предпочтительная? Этому есть простое объяснение: устойчивой удовлетворенности населения трудно достигнуть. Как только удовлетворяются те или иные потребности, уровень ожиданий населения возрастает, и низкий уровень удовлетворенности властью фактически восстанавливается.

В остальных городах респонденты чаще связывали эффективность муниципального управления с достижением поставленных целей и развитием территории. Глава исполнительной власти в Р считает, что об эффективности муниципальной власти можно говорить лишь в случае, *«когда город развивается, его внутренние ресурсы растут, а сформированная команда умеет достигать поставленные перед ней цели»*.

Заместитель главы администрации Ш: *«Эффективность для меня присутствует тогда, когда есть движение к цели, несмотря на возникающие трудности и нехватки ресурсов. Для нас важно достижение целей местного значения. Если мы решаем вопросы, которые возложены на местное самоуправление, значит, власть эффективна. Если не решаем, тогда эффективности нет»*.

Этот подход, разумеется, более реалистичен, поскольку цель должна быть реально достижимой — не заниженной и не завышенной. И с этой точки зрения он приближается к пониманию эффективности муниципальной власти как управленческой эффективности, т. е. интерпретации, принятой в академическом дискурсе.

Данный подход характерен для большинства опрошенных нами респондентов. Хотя они и не использовали непосредственно академический вокабуляр, но понимали, что эффективность управления определяется умениями, мотивацией и слаженностью действий руководителей муниципалитета и членов команды. При этом они полагали, что эффективность не зависит напрямую от количества ресурсов, прежде всего материальных. В богатых ресурсами муниципалитетах управление может быть неэффективным, если лидер и/или управленческая команда слабые.² Высокие

¹ В других городах также были попытки увязать эффективность управления с удовлетворенностью населения, но они не были преобладающими и концентрировались вокруг других показателей (уровень жизни, социальная сфера, экологическая среда и др.); имело место понимание, что стабильно достигать удовлетворенности населения вряд ли возможно, а позитивные действия властей всегда сопровождаются ростом ожиданий и претензий.

² Одна глава муниципалитета рассказала нам об одном из северных городов, где имело место немислимое по ивановским меркам финансовое благополучие,

показатели могут быть достигнуты за счет большого количества ресурсов, но неэффективность управления проявится в том, что результат при данных ресурсах будет не столь высок. И наоборот, умение извлечь максимум в сложившихся (пусть и очень неблагоприятных) обстоятельствах есть показатель эффективности: *«Эффективность власти определяет не наличие денег, а наличие целей, направленных на результат. Цели достигаются, когда у главы есть команда, а он способен выстраивать тесное взаимодействие с бизнесом»*, — убеждена глава города Ш.

Многие руководители считают, что эффективность муниципальной власти многомерна. *«Власть надо рассматривать в комплексе. Учитывать шаги важные не только для региональных руководителей, но действия органов власти внутри. Как работает команда. Не должно быть конфликтов. Чтобы куда-то двигаться и развиваться — все должно быть эргономично. Нужна команда бесконфликтная»*, — считает заместитель главы по финансам в городе и муниципальном районе Р.

В целом все руководители, придерживающиеся такой позиции, объясняли, что эффективность управления обусловлена наличием сильного лидера и хорошо подобранной команды, способных не только решать тактические (повседневные) дела, но и иметь адекватную стратегию и руководствоваться ею в своей деятельности. Заместитель главы города Ш: *«Эффективность и ее достижение — это всегда командная работа. Она достигается опытом ни одного человека... а опытом всех. Это командный спорт. Когда команда сформирована хорошо, тогда каждый человек четко понимает пул своих задач. Он объективно оценивает свои возможности и возможности своих коллег. Вот тогда появляется эффективность. В процессе командной работы»*.

И наоборот, при отсутствии адекватного лидера и команды эффективное управление невозможно, и это, как показывает практика, нередкое явление: *«Кого в последнее время главами назначают? С ним разговариваешь, а он не понимает о чем речь... Какая эффективность, ему бы отчитаться»* (глава города К).

Анализ полученных оценок руководителей муниципалитетов в разных городах позволяет сделать предварительный, но весьма важный вывод на примере изученных нами городов: чем сильнее власть, тем более адекватные представления об эффективности демонстрируют ее ключевые акторы. Данный вывод нуждается в дальнейшей эмпирической проверке на большем числе случаев. Однако интуитивно можно предположить, что

но в силу слабой управленческой эффективности деньги так и не помогли обеспечить нормальное развитие города.

сложившийся образ эффективности у руководителей муниципальной власти в сильной степени зависит от управленческого опыта, а у сильных лидеров, как показывает исследование, он достаточно разносторонен.

Вполне предсказуемо, что в диалоге с исследователем никто из них не сослался на необходимость количественных показателей для оценки эффективности власти. Более того, одна из наших респонденток специально подчеркнула в своем интервью: *«Попытки заменить оценку эффективности действующими в этой сфере людьми, на систему количественных показателей о происходящем в городе, не могут дать нужного результата. Эффективность и ее уровень — это всегда момент. Он зависит от усилий управленцев и ими же он должен определяться. Но не для отчета и вывода, а для понимания того, к чему мы должны стремиться»*.

Тем не менее на вопрос о том, используют ли они понятие эффективности для оценки собственной деятельности или деятельности членов своих команд, ответ был однозначным. Чаще всего при оценке результатов они используют показатели, в том числе качественные, но общей оценки эффективности не производят. Это свидетельствует о том, что пока категория эффективности в сознании руководителей не задействована в повседневной деятельности, что, скорее всего, свидетельствует о том, что рациональность в принятии тех или иных решений не является ключевой, а доминирует, скорее всего, ориентация на достижение сиюминутных результатов, спущенных с верхних этажей региональной власти.

Представления об эффективности управления лидеров местного бизнеса оказались более консолидированными. Во многом они совпадают с мнением муниципалов; но отличия все же прослеживаются. Бизнесмены не склонны рассматривать эффективность власти в контексте удовлетворения потребностей населения. Обычно бизнесмены видят эффективность в способности достигать поставленные цели. При этом они подчеркивают как важность стратегических целей, так и способность управленцев не замыкаться на решении текущих проблем. Самый авторитетный директор крупного частного предприятия в городе К, проработавший несколько лет заместителем главы города, определяет эффективность следующим образом: *«Управленцы и во власти и в бизнесе должны видеть глобальные цели. Декомпозировать стоящие задачи на нижний уровень, не забывая, что самое главное — это конечный результат, достижение основной цели. В бизнесе это понимается лучше, во власти хуже, но от этого мои представления об эффективности не меняются»*.

Генеральный директор крупнейшего градообразующего предприятия в городе Ш убеждена, что бизнес эффективно развивается, если во главу

угла ставится стратегия его развития, а не решаются исключительно тактические задачи: *«Эффективность — это достижение целей. Но они могут быть, краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными. Если ты работаешь и у тебя эффективная модель бизнеса, значит, у тебя есть перспектива. Если нет перспективы — значит, бизнес не эффективен. Здесь необходимо стратегическое мышление. Корабль, который не знает куда плыть, у него никогда не будет попутного ветра. Это путь к победе».*

Депутат и предприниматель в городе К дает свой ответ на вопрос, какой бизнес можно считать эффективным: *«Для меня эффективность бизнеса выражается в том, с каким количеством людей я работаю. Если я прирастаю ежегодно людьми, значит, мой бизнес эффективен. Если нет, значит это не так».*

Для многих бизнесменов эффективность бизнеса заключается в развитии бизнеса и его прибыльности: *«У меня какие критерии эффективности бизнеса — бабки... Увеличение оборота... Рост количества рабочих мест. Как собственники и менеджеры относятся к своему бизнесу. Как они отслеживают производительность труда», —* считает известный предприниматель из города К.

Так или иначе, бизнесмены понимают, что эффективность зависит от их умения выстраивать оптимальные стратегии и адекватно их реализовывать в сложившихся обстоятельствах. Как и руководители муниципалитетов, бизнесмены чаще всего не видят прямой зависимости эффективности от количества денег. Для большинства из них эффективность — это способность достигать поставленные цели, помня о необходимости беречь ресурсы.

Определяя эффективность власти и бизнеса, предприниматели указывают на их сходства и различия. Предприниматель из города К отмечает, что скорость получаемых результатов от предпринятых шагов различается во власти и бизнесе, что делает власть менее привлекательной для ее работников: *«В бизнесе как? Ты сегодня сделал, а оценка завтра. Что касается серого дома (администрация), ты сегодня что-то сделал, лет через десять, это воплотится во что-то. Это долгосрочные истории... Во времени».*

Руководитель крупного бизнеса в городе Р убежден, что отличие эффективности власти и бизнеса есть, и оно обусловлено правилами, по которым они живут: *«Власть слишком загнана в формальные ограничения; бизнес тоже вынужден подчиняться правилам, но он может позволить себе больше риска. Власть осторожнее, поэтому бизнес может быть более эффективен, если не допускает ошибок».* В силу этих ограничений неко-

торые респонденты сомневаются в возможности сравнения эффективности муниципальной власти и бизнеса, поскольку бизнес не ощущает тех правил и ограничений, в которых живет власть: *«Надо власти быстро решать вопросы. Если у бизнеса есть проблемы, в решении которых может помочь власть. Иногда смотришь, власть делает не эффективные и бесполезные вещи. Зачем это делается, для кого, для чего? Я не могу их оценить, потому что я не знаю их возможностей»*, — считает успешный предприниматель в городе Р.

Многие бизнесмены убеждены в том, что эффективность власти и эффективность бизнеса могут быть достигнуты только в том случае, если власть и крупный бизнес способны наладить взаимодействие в интересах друг друга: *«Для эффективного взаимодействия с властью нужна команда и лидер этой команды. Что внутри предприятия, что внутри власти... Если лидер власти не может настроить свою команду, чтобы она эффективно взаимодействовала с бизнесом, ничего не получится»* (исполнительный директор крупного частного бизнеса в городе Р).

Продолжая свои размышления, он вполне аргументированно объясняет необходимость взаимодействия двух ключевых акторов: *«Когда есть хороший крупный бизнес и адекватная власть, любой город можно превратить в город-сад. Это мощнейший рычаг для развития малых городов, где существуют крупные предприятия. Социальных проектов много. На все у государства денег никогда не хватает. Бизнес должен встать рядом. Тогда и будет достигаться эффективность»*.

Проделанный анализ позволяет убедиться в том, что представления об эффективности у локальных акторов имеют достаточно разнородный, иногда фрагментарный характер; они не всегда актуализированы в сознании руководителей муниципалитетов и членов их команд. Однако это не снижает их важности в повседневной работе.

Наряду с общим пониманием эффективности в процессе исследования мы выясняли, как наши респонденты понимают отдельные виды эффективности, в частности управленческую, экономическую и политическую. Управленческая эффективность в сознании представителей локальной элиты, по сути, сливалась с общим пониманием эффективности. Экономическая эффективность понималась либо как достижение высоких показателей, либо, как в академической литературе, — как баланс результата и затраченных ресурсов. Политическая эффективность, как мы и ожидали, в сознании наших респондентов ассоциировалась с высоким уровнем управляемости политическими процессами. Главным они считали отсутствие серьезных конфликтов, отсутствие активной оппозиции, контроль над выборами, лояльность местной легислатуры.

Управленческая, экономическая и политическая эффективность в малых российских городах: оценки руководителей муниципалитетов и лидеров бизнеса

Оценки достигнутой эффективности власти и управления в изученных нами городах, так же, как и понимание эффективности и ее разновидностей, заметно различались.

Управленческая эффективность. Оценки управленческой эффективности в Ш и Р оказались существенно выше, чем в городах В и К. И это не случайно. В основе достигнутой эффективности — лидерские качества глав этих городов. Респонденты из города Ш указывают на стремление главы города двигаться вперед, бесстрашие, личный героизм, а также на наличие хорошо сформированной команды: *«У главы сейчас хорошая команда. Ее мощная личность оказывает влияние и на всех остальных. Они стремятся подтягиваться под нее. Им хуже не хочется выглядеть... Мы к главе относимся уважительно, потому что она героически преодолевает проблемы. Она это молча в себе держит. Это крайне важно»,* — замечает директор лучшей гимназии в городе Ш.

Заместитель главы по социальным вопросам города Ш подтверждает, что работа с командой является значимой целью для главы и требует ежедневной работы: *«Глава руководитель очень сильный. И она, несмотря на все трудности, пытается свою команду улучшить. Держать ее в тонусе. Это делает работу команды результативной... Мы не ориентируемся на дружеские связи, с ними плохо работать. Это улучшает эффективность работы с командой».*

Однако глава города Ш признает, что ей приходится постоянно обновлять команду и пока она не может сказать, что она ею полностью довольна. Ее резюме: *«Муниципальная власть в городе эффективна, но возможности для роста эффективности еще есть».*

Респонденты Р высоко оценивают лидерский потенциал главы Р, хотя она молода и находится в этой должности только полгода. Ранее она проработала в администрации в должности начальника отдела, а потом и в должности заместителя главы по экономике, что дало ей солидный управленческий опыт. Все заместители в своих оценках подчеркнули ее лидерские качества, дающие надежды на перспективу. *«Мы только начинаем движение. Глава — безусловно, лидер, за которой хочется идти, она четко знает, чего она хочет достичь. У нее есть лидерский стержень... Благодаря ее работе у нас уже появился пласт работы с промышленностью и производством. Это важно для нашей территории. Это шаг в будущее»* (заместитель главы по социальным вопросам Р).

Одна из наиболее авторитетных фигур в Р, председатель районного совета, убеждена, что новой главе со временем удастся многого добиться: *«Я восхищаюсь тем, как недавно пришедшая глава начала работать. Я вижу, как ей тяжело. Она сейчас создает команду. Ей было тяжело, брать одних, избавляться от других, шишки набивать... Она сказала — я к этому готова. Если бы не было ее, не было бы крупного бизнеса у нас в районе... Управленческой эффективности она обязательно добьется, не сегодня, так завтра».*

Городом К уже 5 лет руководит бывший первый секретарь обкома, сохранивший авторитет с советских времен. Он связывает управленческую эффективность с экономией кредитных средств, которые до его прихода фактически съедали почти весь бюджет. За эти пять лет ему удалось снизить кредитную нагрузку и пустить освободившиеся деньги на городское развитие.

Достаточно высоко работу главы города К на своем посту оценивает заместитель председателя областной думы, бывший мэр областной столицы, человек с большим опытом управления, в настоящее время курирующий ситуацию в городе. Но и он признает: общение с населением — наиболее слабое место у главы: *«Нынешний глава является стабилизирующим фактором для города. Он управленец. Он быстро разобрался в том, что здесь есть. Выбрал правильные действия. Никто до него не управлял городом так эффективно как сейчас, если взглянуть на историю. Бывшие главы практически поставили крест на развитии. Он перестал брать кредиты. Выстроил эффективные траты. Самое главное — перевел коммерческие кредиты на бюджетные. Под 0,1 %. В результате он освободил деньги, чтобы их на что-то другое тратить. Это был его личный подвиг, потому что до него этого никто не делал».*

Однако в целом управленческая эффективность в К оценивается ниже, чем в Ш и Р. Главную причину наши респонденты видят в том, что у главы города нет эффективной команды. Некоторые ее члены не соответствуют требованиям, и в самой команде нет единства. Здесь, очевидно, сказывается недоработка главы города и его готовность работать с теми кадрами, которые ему в свое время достались.

В городе В оценки управленческой эффективности оказались самыми низкими. Ранее уже отмечалось, что местная муниципальная элита видит эффективность управления в способности удовлетворить потребности населения. Поэтому низкие оценки эффективности власти по сути были предопределены. *«Про власть в [В] я бы не сказала, что она эффективная. Зарплаты маленькие. Денег у города нет. Перспектив нет. Мужское население все уезжает. В этом не только местная власть виновата. Но и она*

тоже. Команды нет. Я не могу назвать командой людей, которые сейчас работают в администрации. Пока они мало работают. Сильных фигур в команде нет. Прежних людей убрали. И не самых плохих», — считает руководитель организационного отдела. Низкие оценки респонденты относят в основном к периоду деятельности предшествовавшего главы города, поскольку новая глава города назначена совсем недавно и оценки ее персональных и деловых качеств еще не оформились.

В целом главы четырех городов и их заместители не склонны оценивать их управление как безусловно эффективное. Основная причина, на которую указывали наши респонденты во всех городах, — недоформированность команды, сильнейший кадровый дефицит из-за падения авторитета местной власти и низких зарплат муниципальных служащих. Хотя в трех (или, по крайней мере, в двух) городах признается высокий лидерский потенциал глав. Респонденты в целом осторожны в своих оценках, поскольку понимают, что муниципальные власти сегодня находятся в сложном положении и потому им многое не удается. *«Работа глав — это героическая борьба за развитие города, за приятие населением, за милости регионального уровня власти. Это трудно и не всегда получается», —* считает директор гимназии в городе Ш.

Экономическая эффективность. Исследование показало, что ее оценки обычно коррелировали с оценками управленческой эффективности. Это вполне естественно, поскольку экономическая эффективность в представлениях наших респондентов во многом определяла управленческую эффективность в целом. *«Экономическая и управленческая эффективность — две стороны одной медали»* (глава города Ш); *«Эффективность экономической зависит от усилий власти»* (директор гимназии в Ш); *«Эффективное управление невозможно как без экономической, так и управленческой эффективности»* (глава Р).

Чаще всего экономическую эффективность наши респонденты связывали со способностью главы муниципалитета и его команды находить внебюджетные источники и успешно участвовать в грантовых программах. В городе Ш оценки экономической эффективности в целом высокие. *«Наши коллеги очень хорошо научились получать средства вне бюджета. Это гранты, различные призы. Активность администрации, целеустремленность, нацеленность на результат, обеспечивают дополнительные деньги»* (заместитель главы по экономике города Ш).

В аналогичном ключе рассуждают и респонденты Р. *«Если компетентный человек занимается привлечением инвестиций, то это ведет к эффективному решению городских проблем. Для муниципалитета это будет огромным плюсом. Это и есть экономическая и управленческая эффектив-*

ность одновременно» (заместитель главы района по экономике). *«Управленческая эффективность — это умение выстроить свою команду так, чтобы она выполняла стратегические функции. Экономическая эффективность — это наполняемость бюджета. Это экономический ресурс. Это два разные направления, но они дают одинаковый эффект. Они оба нужны. И взаимосвязаны»* (председатель городского совета Р).

Однако наполнение бюджета работает только в том случае, если управленческая эффективность власти достигает определенного уровня. Об этом весьма точно напоминает авторитетный бизнесмен с большим опытом в городе К: *«Если я увижу, что мои деньги используются неэффективно, второй раз из власти ко мне не приходи. Надо уметь деньгами распорядиться. Глава это умеет. Я никогда не считал, что за дверями завода все заканчивается. Важно помогать не только своему заводу, но и людям за забором. Они-то приходят ко мне».*

Помимо умения доставать внебюджетные деньги, экономическая эффективность, по мнению наших респондентов, определяется степенью рационального использования ресурсов, какими бы маленькими они ни были. *«Есть связь между экономической эффективностью и умением расходовать средства. Я бы сказала, что лишних денег никогда не бывает. Всегда денег на что-то не хватает. Поэтому надо все потребности ограничивать возможностями. Всегда есть дилемма выбора: что важнее. Если выбор правильный — экономическая эффективность налицо»* (финансовый директор города Р). *«Экономическая эффективность — это многовариантность расходования средств. Важно балансирование и планирование. Денег всегда мало. Как их распределить так, чтобы хватило, это тоже эффективность. Распределение расходов в соответствии с потребностями города. Для этого надо понимать, где у тебя может быть экономия. И ты должен понимать, куда ты ее положишь. Надо грамотно распределять даже маленькие ресурсы. Путь из точки А в точку В — это не обязательно прямая»* (заместитель главы города по ЖКХ города Ш).

В двух других городах оценки экономической эффективности, как и оценки управленческой эффективности, оказались заметно ниже. В городе В это обусловлено не столько низкой ресурсной базой, сколько отсутствием лидерских качеств главы города и слабой работой команды. В К глава города с момента своего назначения стал активно проводить политику экономии бюджетных средств. Ему, как уже отмечалось ранее, удалось снизить кредитную нагрузку и пустить освободившиеся деньги на городское развитие. Но отсутствие эффективной команды и концентрация усилий на строительстве очистных сооружений (в какой-то мере в ущерб другим направлениям экономической деятельности) сни-

жают оценку экономической эффективности, сделанную нашими респондентами.

Политическая эффективность. Обычно, как уже отмечалось ранее, она отражает уровень развития демократических процедур и участие населения в политическом процессе; она представляет собой субъективную оценку гражданином своей способности влиять на политические процессы (Levy 2013; Karv, Lindell, Rapeli 2022). Однако российский контекст, судя по всему, задает иные параметры политической эффективности. Представители локальных элит в изученных нами городах при оценке уровня политической эффективности, как правило, не ориентируются на субъективную оценку гражданином своей активности, а называют, скорее, в качестве основных уровень развития политических институтов и возможность контроля над политической ситуацией в городе, фактически подменяя понятие политической эффективности понятием «политическая управляемость», основными параметрами которой они называют *наличие/отсутствие деструктивных конфликтов между исполнительной и представительной ветвями власти, отсутствие давления председателя думы на депутатский корпус, открытые и прозрачные выборы, сбалансированный состав представительного института в городе, высокая мотивация депутатов, партийное многообразие в представительном органе власти, активность местных отделений партий, их узнаваемость, работа с населением и уровень протестной активности.*

Эти довольно разные индикаторы политической управляемости, называемые российскими респондентами, существенно отличаются от показателей политической эффективности, принятых в научной литературе.

Результаты исследования показали, что различия между городами по уровню политической управляемости имеют место, но они не столь заметны. Ни в одном из городов мы не обнаружили серьезных, создающих угрозу политической стабильности конфликтов между администрацией и депутатским корпусом. Как и в других российских городах, представительная власть в изученных нами городах обычно является «младшим братом» исполнительной. Тем не менее эти отношения нередко являются партнерскими.

В городе Р и районе присутствуют многие признаки партнерской модели взаимодействия. Однако наши респонденты указывают на пассивность депутатов, отсутствие партийного многообразия и преобладание бюджетников в депутатском корпусе. Глава Р дает следующую оценку модели взаимоотношений между ветвями власти: *«Модель абсолютно партнерская. Мы ни на кого не давим. Депутаты принимают решения, если возникают вопросы, мы стараемся объективно на них отвечать.*

Я всегда в диалоге с депутатами. Мы вместе ездим на объекты, устраиваем депутатский контроль. Они немного не дорабатывают. У них нет самостоятельности. Они должны больше работать с населением. Они у нас по сути ведомые. Они в пассивном ожидании.

Председатель районного совета Р оценивает работу депутатов как успешную и неконфликтную: *«У нас люди работают на неосвобожденной основе. И за пять лет не было такого, что у нас нет кворума... Депутаты поднимают руки, голосуют, но иногда и крик бывает. Но мы умеем находить решения».*

Председатель районного совета не в восторге от того, что в составе депутатского корпуса исключительно представители Единой России. Но она объясняет это объективными обстоятельствами: *«Нужны остальные партии в депутатском корпусе. Уже три года у нас только ЕР. КПРФ — старые, они подбирают таких людей, которые в памперсах сидят. У нас с ними не очень хорошие отношения. Я с ними не контакту. Когда в областную думу от нас прошли коммунисты, я сказала, давайте работать вместе. Народ у нас общий — население... Для людей все будем делать вместе. Но они не захотели и отгородились от нас».*

Преобладание бюджетников в депутатском корпусе наши респонденты считают существенным недостатком, поскольку, в отличие, например, от бизнесменов, они более зависимы от администрации и менее активны. Но и здесь есть объяснение: малый бизнес не стремится получить депутатские мандаты, так как *«у них своих дел много».*

Отличительной чертой политической ситуации в городе и районе Р является наличие протестной активности местных экологов, которых наши респонденты называют «псевдоэкологами». Хотя им не удалось попасть в районную Думу, «псевдоэкологи» стараются активно работать с населением и создают проблемы для местной власти. Основная тема — присутствие в городе крупных предприятий, которые загрязняют окружающую среду. Эти протесты, по мнению большинства опрошенных, напоминают оплаченные акции с целью дестабилизировать ситуацию в регионе. Тем не менее борьбу с ними приходится осуществлять местной власти, и пока ситуация с протестующими не выходит из-под контроля.

В городе Ш отношения между ветвями власти также скорее партнерские, но асимметрия в пользу администрации более заметная, а глава администрации *«может стукнуть кулаком по столу».* *«Мы можем только играть в команду, подруливать, брать на себя часть ответственности. Все равно за все отвечает глава. Результат может быть хороший, но без ошибок и недоразумений все равно не обходится. Может быть, мы и говорим на повышенных тонах, но это рабочие вопросы. Бывают ошибки,*

но это не противостояние Мы все собрались, чтобы работать для города, — убежден местный депутат.

Председатель Думы, в свою очередь, считает, что политическая эффективность — это прежде всего *«хорошо поставленная работа для жителей своих округов»*. При этом он замечает: *«Работу депутатов я могу оценить в целом позитивно. Но сказать, что все происходит на высочайшем уровне, — не могу»*.

В городе Ш депутаты, по нашим оценкам, далеко не всегда способны отстаивать свою позицию: *«Есть депутаты, которые имеют свой стержень. И иногда говорят свою точку зрения, даже если она отличается от точки зрения администрации. Каждый депутат — это человек. Кто-то может свою точку зрения отстоять, а кто-то нет»* (депутат, руководитель местного отделения ЕР в городе Ш). Но в целом, по оценкам наших респондентов, представительная власть в городе работает хорошо, а ее председатель оценивается локальными элитами *«как человек на своем месте»*.

Уровень протестной активности в городе невысок, хотя в сети действуют «диванные критики», которым не нравится ни исполнительная, ни представительная власть; они негативно отзываются о деятельности главы, председателя Думы, считая, что они «слишком засиделись во власти». В целом общий уровень протестной активности имеет скорее фоновый характер, который несколько возрастает в период предвыборных кампаний.

В городе В исполнительная власть — самая слабая по сравнению с другими изученными нами городами. Однако работа депутатского корпуса оценивается в целом позитивно. Это во многом обусловлено тем, что лидер местной представительной власти, с которой мы беседовали еще в 2023 г., в 2025 г. стала главой города. Она подчеркивает, что оценка работы депутатского корпуса в глубоко дотационном городе сложнее, чем в тех городах, где экономическая ситуация не такая плохая: *«Два года назад сократили моего заместителя на постоянной основе.... Чтобы сэкономить бюджетное финансирование.... Сейчас ситуация намного сложнее, чем была раньше. Это все связано с бюджетом, который дотационный. Тем не менее, мы находим пути решения проблем, правда, медленно, не всегда эффективно, но ситуация — сильнее нас»*.

Размышляя о составе депутатского корпуса, где преобладают бюджетники, она тем не менее полагает, что они ведут себя даже более независимо, чем предприниматели, поскольку опытные, а руководящий состав администрации постоянно меняется, что сказывается на ее авторитете: *«У нас власть исполнительная постоянно меняется. Авторитета мало»*.

Тем более у нас бюджетники опытные. А предприниматели — наоборот, более зависимые. У них есть представление: надо городу набрать кредитов, а потом их простят. Не все готовы к политике». В свое время ей удалось привлечь к работе молодых активных людей, за счет которых активность депутатского корпуса находится на приемлемом уровне.

Несколько иное мнение у депутата, руководителя фракции ЕР. Он полагает, что перевес бюджетников в Думе, по сравнению с предпринимателями, снижает политическую эффективность, но не приводит к резкому ухудшению работы представительного органа власти: *«Мышление расходится у предпринимателей и бюджетников. У них разное понимание и разное видение. На фракции иногда приходится прикладывать усилия, чтобы объяснить проект, и какие нужны усилия. Но мы всегда находим общий язык. У нас работа лояльна, мы спорим, не без этого, но все происходит в рабочем режиме».*

Самой главной проблемой и показателем сравнительно низкой политической эффективности в городе В, по мнению респондентов, является неэффективная работа с населением. И дело не в том, что депутаты не работают со своими избирателями. Проблема состоит в том, что у населения преобладают иждивенческие настроения, и оно не хочет, чтобы его город развивался за счет привлечения инвесторов: *«Я считаю, что народ распустился. Какой у нас контингент... бывшие ткачихи... Из среднего возраста — одинокие женщины... которым не к кому прислонить голову. Они все злые... мужчины уезжают в основном на вахту. Там на вахте они расслабляются... Сюда они приезжают, жены их заставляют заниматься делами... Им не хочется, им бы скорее уехать»*, — убеждена главный редактор местной газеты и местного телевидения.

Еще более жестко оценивает население города один из опрошенных нами депутатов: *«Для людей делать все — это глупо. Поможешь, отвернешься, тебе вслед — воры... Нет, надо развивать город. А люди подтянутся... Наша задача — вытянуть из аморального состояния больше людей. У нас есть люди, которые действительно хотят... Но не могут... но есть и те, кто не могут и не хотят. Кто не хочет, а таких большинство, — пусть выплывают сами, помогать им бесполезно».*

Важно отметить, что столь негативный образ населения у локальных элит — сам по себе тревожный сигнал, свидетельствующий как о скрытом конфликте, который присутствует у этих двух групп, так и о стремлении локальной элиты дистанцироваться от населения, которое фактически противостоит изменениям.

В 2025 г. в городе В произошли перемены. Главой города стала довольно авторитетная в местной политической элите женщина, бывший пред-

седатель Думы. И хотя при встрече в 2026 году она посетовала на кадровый голод и трудности в создании работоспособной команды, знакомство с ее перспективными планами развития города дает основание предполагать, что в ближайшие годы ситуация в городе может измениться.

Город К — самый крупный в пуле изученных нами городов и обладает достаточно развитой индустриальной базой. Но у местной власти плохая история. Многие главы разных лет оказались за решеткой в связи с коррупцией. Те, кто занимал лидирующие позиции во власти, быстро сменялись, не справившись с управлением. Действующий сегодня глава возглавил город 5 лет назад и был оставлен губернатором в должности на следующий срок, несмотря на свой солидный возраст. Опыт секретаря обкома позволил главе переломить ситуацию в городе. Как уже отмечалось ранее, ему удалось снизить высочайшую кредитную нагрузку, которая накапливалась годами: прежние главы жили в долг. Новый глава города сумел договориться с местной элитой и тем самым снизил конфликтный фон. Мобилизовав все возможные ресурсы, он смог привести в порядок очистные сооружения, без которых промышленность города реально развиваться не может. По отдельным направлениям его деятельность представляется весьма эффективной. Однако увлеченность масштабными инфраструктурными проектами не позволила главе города столь же эффективно работать с командой, населением и даже с депутатским корпусом. Он и сам это признает: *«Население в голове у меня есть. Но оно у меня на втором плане. Население ничего не хочет делать даже для себя. Оно недовольно, даже если ты делаешь для них то, что они хотят. Только сделаешь — они уже хотят большего. Никогда не хвалят, но если до большего дойдет, они все равно защищают власть. Значит, не все потеряно».*

Резко негативно работу главы с населением и депутатским корпусом оценивает уходящий в отставку председатель городской думы в городе К: *«Власть эффективна тогда, когда она умеет работать с людьми. Нужно честное и порядочное общение. Надо знать город. Надо появляться в каждом районе и интересоваться жизнью жителей. В моем округе главы не было. Это огромный район. Не знает он ничего в районе. Кто как напоеет, ту дорогу и делают. Исполнительная власть мало слушает депутатов, а у них есть свое мнение».*

Причину, по которой глава не общается с людьми, достаточно четко обозначил авторитетный директор крупного предприятия в городе К: *«Почему он не общается с людьми? У него столько времени отняли заботы по очистным сооружениям... И эта задача, которая не решалась десятилетиями. И конечно он видит проблемы, связанные с отношениями, понимает, что людям надо уделять больше внимание. Но есть точки,*

без которых эти разговоры будут носить схоластический характер. Его затрепала очистная система. Без очистных все его разговоры будут не главными».

Депутатский корпус, по мнению опрошенных депутатов, не является ни самостоятельным, ни авторитетным. Голосования часто не подготовлены, что усугубляет работу депутатского корпуса и делает его не столь влиятельным политическим органом: *«К сожалению, в думе не было момента, когда депутаты между собой договаривались и сложные вопросы подготавливали. Все вопросы они с кандачка пытались решить. Тогда что нами не управлять? Одного на одном крючке держат, другого на другом... Влияние депутатов на ситуацию в городе есть только у авторитетных людей».*

Тем не менее по его мнению, влиятельность депутатов находится под вопросом: *«Не могу сказать, что давление исполнительной власти на нас было явным. Исполнительная власть действовала как команда, а мы были поодиночке. Это не сильная позиция, разрозненная, поэтому и влияния большого у депутатов никогда не было».*

Согласен с высказанной точкой зрения и куратор города: *«Расценивать депутатов как опору для власти и для формирования политического климата нельзя. Не надо заблуждаться».*

Не является авторитетной в городе и партия ЕР, которая, по мнению ее секретаря, представляет собой скорее формальный, а не работающий орган, перегруженный ненужными заданиями и формальной отчетностью: *«Не могу сказать, что работа партии ЕР в городе эффективна. Среди членов много неработающих, формальных людей. Это определенный балласт. Они не уходят из партии, но и никак себя не проявляют. Я когда стала секретарем, решила почистить состав. Пусть у нас будет меньше первичных отделений, но работающих реально. Но мне отказали — этого делать нельзя. Я не могу сказать, что работа партии эффективна».*

Протестную активность в городе нельзя назвать высокой и даже средней. Есть диванные критики, но реальных людей, активно протестующих, в городе нет. Еще несколько лет назад в городе активными участниками протеста были коммунисты, но сегодня исполнительная власть с помощью различных манипуляций смогла вывести КППРФ из активного противостояния, а других активных носителей протеста в городе просто нет.

В своей работе с коммунистами заместитель главы по организационным вопросам опирается на официальные документы и знает, как отказать без последствий: *«У нас есть хороший помощник — указ губернатора об ограничительных мерах. В условиях СВО введен режим повышенной готовности. Раньше был ковид. По официальным документам провести меро-*

приятие можно, но его надо включить в план городских мероприятий. А город уже предпринимает меры безопасности. И нам легко парировать — у нас аналогичное мероприятие уже есть».

Данное высказывание наглядно демонстрирует тот факт, что в борьбе с оппозицией власти используют силу официальных документов не совсем корректно. Удивительно, что представители власти говорят об этом открыто, хорошо понимая, что используемые методы не вполне легитимны.

Таким образом, можно сказать, что управленческая и экономическая эффективность управления в городе К в определенном смысле затрудняла достижение политической эффективности. Данный кейс показывает, что достижение политической эффективности в малых городах значительно затруднено даже при высоком лидерском потенциале главы города, если она не становится ключевой целью для лидера. Другой важный вывод заключается в том, что налаженная и бесконфликтная работа депутатского корпуса не обязательно свидетельствует о высоком уровне политической эффективности. В некоторых случаях для достижения необходимого уровня политической эффективности не хватает открытости власти, в других не налажена работа с населением или отсутствует партийная работа. Иногда она носит чисто формальный характер.

Понимание политической эффективности действующими акторами однозначно указывает на то, что количественных показателей для ее оценки явно недостаточно. Можно вполне обоснованно, опираясь на результаты исследования, настаивать на необходимости перехода от фрагментарных и исключительно количественных инструментальных моделей оценки к интегративным, способным сочетать анализ результативности, контекста и восприятия политической ситуации ее участниками за счет качественных оценок.

Трудно оценивать общий уровень политической активности и сравнивать его в разных городах в силу того, что индикаторы политической эффективности, указанные нашими респондентами, весьма разнородны. Но в целом, если считать, что главное для местных элит — это поддержание достаточного уровня управляемости локальными политическими конфликтами и отсутствие серьезных конфликтов, способных подорвать стабильность местной политической системы, то в целом усилия управленческого пула во всех городах вполне удовлетворительные.

Заключение

Результаты исследования в целом совпали с выдвинутыми предположениями (гипотезами). Практически все гипотезы подтвердились, полностью или частично.

Спектр представлений об эффективности власти и управления у городских элит весьма широк и неоднороден. Но различия в представлениях сильных и слабых лидеров имеют место: сильные лидеры ориентируются на достижение целей, слабые — на удовлетворение потребностей жителей. Более адекватные представления сильных лидеров (в данном случае это лидеры Р и Ш) обусловлены, на наш взгляд, их персональным ресурсом и успешным опытом управления. Они интуитивно понимают, что удовлетворение потребностей населения без достижения иных целей не обеспечивает должный уровень развития территории, а главное, оно естественным образом ведет к росту запросов со стороны населения и сохранению неудовлетворенности деятельностью властей даже безотносительно результатов их деятельности. Таким образом, гипотеза 1 подтвердилась.

Подтвердилась и гипотеза 2. Хотя представления об эффективности власти и управления у городских элит различались, они были практически единодушны в том, что она зависит прежде всего от двух составляющих — наличия сильного лидера и работоспособной команды. Различие между сильными и слабыми лидерами проявлялось в том, что первые были менее склонны ссылаться на неблагоприятные обстоятельства, хотя прекрасно осознавали трудности объективного характера, с которыми сталкиваются муниципалитеты. Слабые власти часто оправдывали свою неэффективность внешними факторами. Они оказались неспособными выстроить взаимовыгодные отношения с бизнесом, не обладали должными навыками привлечения внебюджетных средств за счет грантовых программ, не имели должного авторитета у губернатора и наработанных связей в областной администрации. Сильные руководители фокусировали внимание на собственной деятельности, видя именно в ней потенциал развития. Они понимали, что нужно добиваться целей в любых, в том числе явно неблагоприятных, обстоятельствах, и надеялись на то, что могут переломить негативные тенденции или, по крайней мере, смягчить их настолько, насколько это возможно.

Гипотеза 3 также полностью подтвердилась, хотя однозначно утверждать, что представители бизнеса всегда ориентированы на перспективу, а муниципальные руководители — на «сегодняшний день», все же нельзя: нужны более масштабные исследования. Не исключено, что перевес тактических подходов над перспективными у муниципальных руководителей определяется неопределенностью сроков их нахождения на своем посту. В этом случае выработка стратегии ограничивается пятилетним сроком, зависимостью от региональной и федеральной ветвей власти, качеством сформированной команды, в которой может быть малое число людей, ориентированных на перспективу.

Анализ разных видов представлений об эффективности у представителей власти и бизнеса показал, что наибольшие различия в сознании и повседневной деятельности респондентов касаются представлений и оценок политической эффективности. Бизнес, как правило, не хочет размышлять о политике и даже о населении, предполагая, что любые действия, осуществляемые властями в этом направлении, не являются эффективными в любом случае.

Гипотеза 4 подтвердилась частично. Мы вместе с нашими респондентами убеждены, что именно лидеры исполнительной власти обладают наибольшими ресурсами влияния и потому именно от них, прежде всего, зависит эффективность управления. В целом ситуация в изученных городах это подтвердила. В городах (в данном случае в Ш и Р) сильные лидеры исполнительной власти вполне успешно контролировали политические процессы. В одном из городов (город К) глава города уделял этой стороне деятельности недостаточное внимание, и именно поэтому какие-то аспекты политики выпали из-под контроля властей (а именно контроль над политическими процессами рассматривается локальными элитами в качестве главного индикатора политической эффективности). В другом городе, с откровенно слабой административной элитой (город В), ее слабость в какой-то мере компенсировалась довольно активной позицией легислатуры, которая обеспечивала определенный уровень контроля.

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов общего характера. Как и ожидалось, мы получили очень фрагментированный набор как представлений об эффективности власти и управления в малом городе, так и оценок эффективности ее форм и достигнутого уровня. Разброс в понимании эффективности во многом предопределил и различия в оценках эффективности управления в городах. Сравнительно консолидированными оказались объяснения источников и факторов, определяющих управленческую эффективность муниципальных властей. Практически все респонденты увязали эффективность управления с лидерством. В этом нет ничего удивительного, учитывая особую, часто решающую роль персонального фактора в российской политике, в том числе локальной. Опыт проведенных нами эмпирических исследований (Chirikova, Ledyayev 2025) показывает, что часто именно лидерство (или его отсутствие) делает разницу. С этой точки зрения суждения наших респондентов вполне адекватны.

Попытка проанализировать, осознают ли элиты важность понятия эффективности в повседневной работе, стремятся ли они двигаться в этом направлении, независимо от установок вышестоящих структур власти, дала результат, который был вполне ожидаем: при оценке своей деятель-

ности и деятельности своих команд они скорее ориентировались на показатели, которые им было необходимо достичь, нежели на эффективность своей деятельности в целом. Эта подмена в сознании элит, скорее негативно, нежели позитивно, сказывается на результатах их работы, так как стремление к выполнению отдельных показателей не обязательно свидетельствует о процессе городского развития в целом.

Другой важный фактор, определяющий эффективность муниципального управления, который называли наши респонденты и который нам представляется бесспорным, заключается в успешном взаимодействии муниципальных властей с бизнесом. Сила лидерства, как показало исследование, часто проявляется именно в том, что они могут обеспечить взаимную заинтересованность сторон, участие бизнеса в важных для города программах. Наиболее наглядно это проявилось в Р, где выбор новой главы района был во многом обусловлен тем, что, занимая должность заместителя главы района по экономике, она фактически самостоятельно осуществляла взаимодействие с ключевыми бизнес-акторами в городе, тогда как бывший глава города совершенно не умел устанавливать отношения с бизнесом и не обладал авторитетом в бизнес-сообществе.

В оценке сравнительной эффективности муниципальной власти и бизнеса локальные элиты исходили из того, что достижение эффективного управления существенно различается по многим параметрам и зависит от разных факторов. И муниципалы, и бизнесмены понимают, что результаты в бизнесе обычно достигаются быстрее, чем в управлении городом, и их оценка более очевидна. В бизнесе во главу угла всегда ставится экономическая эффективность, проявляющаяся в размере прибыли, тогда как в социальном управлении приходится учитывать и многие другие показатели. Отчасти поэтому бизнесмены, даже с серьезным персональным ресурсом и политическими амбициями, предпочитают оставаться в бизнесе, понимая, что в иных сферах они могут быть и не столь успешными.

Эти и другие выводы, полученные на основе нашего эмпирического исследования в четырех городах, разумеется, не могут претендовать на универсальность. Тем не менее мы уверены, что во многих других городах России мнения представителей локальных элит будут весьма схожими. Основанием для этого заключения является в первую очередь стремление федеральных властей к унификации управленческих систем и процессов на всех уровнях. Выбранные нами для исследования четыре города весьма разные с точки зрения экономического потенциала и имеющихся ресурсов, персональных качеств глав городов, мотивации и слаженности действий их команд, стабильности во взаимоотношениях с региональными

властями. Практически все гипотезы, опирающиеся на наш опыт эмпирического исследования власти в малых городах, подтвердились. Это позволяет предположить, что полученные результаты могут дополнить общую картину состояния эффективности власти и управления в малых российских городах.

Источники

Эксперты РАН предложили реформу зарплат чиновников в России. Возможно ли повторение «сингапурской» модели? (2025) РБК, 24 января (дата обращения: 06.02.2026).

Литература / References

Баранов М.Б. (2015) Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления. *Молодой ученый*, 13: 485–487.

Baranov M.B. (2015) Evaluation of the Effectiveness of Local Self-Government Bodies. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 13: 485–487 (in Russian).

Бурцева К.О. (2021) К вопросу о действующей системе оценки эффективности муниципального управления в Российской Федерации. *Молодой ученый*, 15: 87–90.

Burtseva K.O. (2021) On the Current System for Evaluating the Effectiveness of Municipal Administration in the Russian Federation. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 15: 87–90 (in Russian).

Великая Н.М., Моисеева А.Н. (2021) Оценки эффективности деятельности органов местной власти: методология и методика. *Вопросы политологии*, 11(1): 55–64. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.65.1.005>

Velikaya N.M., Moiseeva A.N. (2021) Evaluation of the Effectiveness of Local Authorities: Methodology and Methods. *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 11(1): 55–64. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.65.1.005> (in Russian).

Волкова М.А. (2009) Оценка эффективности механизма государственного управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса. *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева*, 2: 438–442.

Volkova M.A. (2009) Evaluation of the Effectiveness of the Mechanism of State Management of the Regional Economy in the Sphere of Small Business Support. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M.F. Reshetneva* [Bulletin of the Siberian State Aerospace University], 2: 438–442 (in Russian).

Ковалев И.П. (2026) Реформа местного самоуправления 2025 года: последствия, сложности и пути решения. *Закон и право*, 1: 50–55.

Kovalev I.P. (2026) The 2025 Local Self-Government Reform: Consequences, Challenges, and Solutions. *Zakon i pravo* [Law and Legislation], 1: 50–55 (in Russian).

Ледяев В.Г. (2012) *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ledyayev V.G. (2012) *Sociology of Power: Theory and Experience of Empirical Research on Power in Urban Communities*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Рождественская Е.Ю., Абрамов Р.Н., Сабля А.А. (2024) Оценка эффективности социальной технологии с точки зрения преимуществ и затрат. *Журнал исследований социальной политики*, 22(4): 583–606. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-583-606>

Rozhdestvenskaya E.Yu., Abramov R.N., Sablya A.A. (2024) Assessing the Effectiveness of Social Technology in Terms of Benefits and Costs. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22(4): 583–606. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-583-606> (in Russian).

Сабля А.А. (2025) *Социологический подход к оценке эффективности социальной технологии работы с проблемными семьями: автореф. дис. ... канд. социол. наук*. М.: НИУ ВШЭ.

Sablya A.A. (2025) *A Sociological Approach to Evaluating the Effectiveness of Social Technology for Working with Troubled Families*. Abstract of Candidate of Sciences Dissertation in Sociology. Moscow: HSE University (in Russian).

Сотникова С.И. (2024) Эффективность деятельности местной администрации: от интегральной оценки к дифференцированной. *Лидерство и менеджмент*, 11(4): 1655–1670.

Sotnikova S.I. (2024) Effectiveness of Local Administration: From Integrated to Differentiated Evaluation. *Liderstvo i menedzhment* [Leadership and Management], 11(4): 1655–1670 (in Russian).

Трофимова И.Н. (2012) Эффективность местного самоуправления в Российской Федерации и проблема гражданского участия. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 1: 55–63.

Trofimova I.N. (2012) Effectiveness of Local Self-Government in the Russian Federation and the Problem of Civic Participation. *Ars Administrandi*, 1: 55–63 (in Russian).

Фастович Г.Г., Шитова Т.В. (2020) К вопросу об эффективности единой системы публичной власти. *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*, 4: 76–88.

Fastovich G.G., Shitova T.V. (2020) On the Effectiveness of a Unified System of Public Authority. *Sotsial'no-ekonomicheskii i humanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Socio-Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk State Agrarian University], 4: 76–88 (in Russian).

Футалевич Е.В. (2024) Оценка эффективности деятельности муниципальных органов власти: кадровый аспект показателей эффективности. В: *Современная наука и практика: закономерности, прорывной характер, возможности и перспективы: сборник научных статей по итогам Международной межву-*

зовской научно-практической конференции. СПб.: СПб Центр Системного Анализа: 200–205.

Fugalevich E.V. (2024) Evaluation of the Effectiveness of Municipal Authorities: The Personnel Aspect of Performance Indicators. In: *Modern Science and Practice: Regularities, Breakthrough Character, Opportunities and Prospects. Proceedings of the International Interuniversity Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg Center for Systems Analysis: 200–205 (in Russian).

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. (2017) *Власть в малом российском городе*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2017) *Power in a Small Russian Town*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. (2021) Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления. *Мир России*, 30(1): 29–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48>

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2021) Heads of Small Russian Towns: Leadership and Governance Effectiveness. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 30(1): 29–48. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48> (in Russian).

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. (2023) Малый российский город: практики взаимодействия муниципальных властей и бизнеса. *Социологические исследования*, 2: 3–15.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2023) Small Russian Town: Practices of Interaction between Municipal Authorities and Business. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 3–15 (in Russian).

Avazov K.H. (2020) Factors of the Effectiveness of Political Power as the Basis of the Sustainability of Society. *Theoretical & Applied Science*, 2(82): 586–589. <https://doi.org/10.15863/TAS.2020.02.82.98>

Balaguer-Coll M.T., Prior D., Tortosa-Ausina E. (2007) On the Determinants of Local Government Performance: A Two-Stage Nonparametric Approach. *European Economic Review*, 51(2): 425–451. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2006.01.007>

Benito B., Conesa-Pérez M.C., Parra-Meroño M.C. (2025) Determinants of Inefficiency in the Provision of Public Parks and Gardens Services. *Cities*, 163: 106031. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.106031>

Carosi L., D'Inverno G., Ravagli L. (2014) *Global Public Spending Efficiency in Tuscan Municipalities*. Discussion Papers 2014/175. Pisa: Department of Economics and Management, University of Pisa.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2025) Power in Small Russian Towns: An Empirical Analysis. *Social Sciences*, 56(3): 18–36. <https://doi.org/10.65240/SSC.114382365>

Clark T.N. (1968) Who Governs, Where, When, and with What Effects? In: Clark T.N. (ed.) *Community Structure and Decision-Making: Comparative Analyses*. San Francisco: Chandler: 15–23.

Craig S.C., Maggiotto M.A. (1982) Measuring Political Efficacy. *Political Methodology*, 8(3): 85–109.

Faria L., Farias E., Santos L., Ferreira M., Silva A. (2012) Fatores determinantes para a eficiência alocativa de recursos públicos, a partir do índice de promoção da qualidade de vida (IPQV) nos municípios mineiros. *Revista Cesumar Ciências Humanas e Sociais Aplicadas*, 17(1): 143–172.

Ferrera C., Caro C., Fernández C. (2017) Measuring Efficiency in Catalan Municipalities Using a Dynamic Conditional Model. *Revista de Economía Aplicada*, 25(75): 29–51.

Geys B., Heinemann F., Kalb A. (2007) *Local Governments in the Wake of Demographic Change: Efficiency and Economies of Scale in German Municipalities*. ZEW Discussion Paper No. 07-036. Mannheim: Centre for European Economic Research (ZEW).

Karv T., Lindell M., Rapeli L. (2022) How Context Matters: The Significance of Political Homogeneity and Language for Political Efficacy. *Scandinavian Political Studies*, 45(1): 46–67. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12215>

Lassen D.D., Serritzlew S. (2011) Jurisdiction Size and Local Democracy: Evidence on Internal Political Efficacy from Large-Scale Municipal Reform. *American Political Science Review*, 105(2): 238–258. <https://doi.org/10.1017/S000305541100013X>

Ledyayev V., Chirikova A., Ryabova O. (2025) Power and Leadership in Small Russian Monotowns. *Journal of Urban Affairs*, 47(2): 702–722. <https://doi.org/10.1080/07352166.2023.2187300>

Levy B.L.M. (2013) An Empirical Exploration of Factors Related to Adolescents' Political Efficacy. *Educational Psychology*, 33(3): 357–390. <https://doi.org/10.1080/01443410.2013.772774>

Loikkanen H.A., Susiluoto I. (2005) Cost Efficiency of Finnish Municipalities in Basic Service Provision 1994–2002. *Urban Public Economics Review*, 4: 39–64.

Ribeiro N., Nogueira S.P., Linhares M.A., da Silva C.L. (2020) Local Governments' Efficiency: Study of Its Determinants. *IBIMA Business Review*, 2020: Article ID 464307, 14 p. <https://doi.org/10.5171/2020.464307>

Schulz W. (2005) *Political Efficacy and Expected Political Participation among Lower and Upper Secondary Students: A Comparative Analysis with Data from the IEA Civic Education Study*. Paper presented at the ECPR General Conference, Budapest, September 8–10.

Vanden Eeckaut P., Tulkens H., Jamar M.-A. (1993) Cost Efficiency in Belgian Municipalities. In: Fried H.O., Lovell C.A.K., Schmidt S.S. (eds.) *The Measurement of Productive Efficiency: Techniques and Applications*. New York: Oxford University Press: 300–334. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195072181.003.0012>

Yusfany A. (2015) The Efficiency of Local Governments and Its Influence Factors. *International Journal of Scientific & Technology Research*, 4(10): 219–241.

THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL GOVERNMENT AS ASSESSED BY LOCAL ELITES

Alla Chirikova¹ (chirikova_a@mail.ru),
Valeri Ledyayev² (vledyaev@hse.ru)

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

²HSE University, Moscow, Russia

Citation: Chirikova A., Ledyayev V. (2026) The effectiveness of municipal government as assessed by local elites. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 57–89 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.3> EDN: FMLMRM

Abstract. This article presents the outcomes of an empirical study of power and leadership in four small Russian towns in the Ivanovo region, conducted in two stages, in 2023 and 2025–2026. The main research method is in-depth interviews (95 in total) with key actors in local politics. The study focused on the effectiveness of municipal government as perceived by local and regional elites. The outcomes of the study show that urban elites' perceptions of the effectiveness of power and governance are broad and varied; strong leaders focus on achieving goals, weak leaders on meeting the needs of residents. Assessments of government effectiveness were built around three aspects of efficiency: managerial, economic, and political. It was found that, according to local elites, the success of municipal governments is most influenced by the presence of a strong leader and well-coordinated teamwork. Strong leaders were less likely than weak leaders to refer to unfavourable circumstances, even though they were well aware of the objective difficulties that municipalities face. All respondents are confident that the key to the success of municipal authorities is well-established cooperation with business. Assessments of the role of regional authorities as a factor in municipal governance effectiveness were less consolidated, as not all of their actions had a positive impact on municipal performance. The perceptions of efficiency among businessmen both coincide with and differ from the assessments of municipal leaders. Businessmen are more long-term oriented, while municipal leaders focus primarily on day-to-day achievements.

Keywords: urban politics, small towns, power, effectiveness of power and government

СОЦИОЛОГИЯ ТУРИЗМА

ТУРИСТСКАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Владимир Иванович Ильин (ivi-2002@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ильин В.И. (2026) Туристская достопримечательность в экономике впечатлений. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 90–118.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.4> EDN: DRULWY

Аннотация. Цель данной статьи — концептуализация категории туризма как отрасли экономики впечатлений. В настоящее время доминирует его бюрократическое понимание в терминах мобильности, вытекающее из удобства управления и статистического учета. В статье туризм определяется как отрасль экономики впечатлений, представляющая собой практики досуговой мобильности, направленные на получение впечатлений от посещения достопримечательностей. Туристское впечатление — это «послевкусие», остающееся от посещения достопримечательного объекта. К достопримечательности возвращаются в памяти после завершения поездки, впечатления материализуются в фотоснимках, видео и сувенирах, о них рассказывают друзьям при личной встрече и делятся с неопределенной аудиторией в блогах. Туристские достопримечательности — это места, которые считаются достойными посещения. Возможна их классификация по различным основаниям. Одно из них — сфера, в которой происходит конструирование: религия, социально-политические и социально-экономические отношения, художественная культура, историческая память, природная среда. Смысл маркетинга состоит в превращении продукта (того, что создано) в товар, который находит покупателя. Достопримечательность становится туристским товаром, когда сила ее притяжения подкрепляется способностью потенциальных потребителей воспользоваться этим предложением. Достопримечательность не является просто природным объектом или памятником прошлого. Это социальный конструкт, создание которого включает несколько этапов: (1) формирование притягательного географического мифа через систему образования, массовую культуру, СМИ, интернет и рекламу; (2) организация транспортной инфраструктуры, делающей объект достижимым (дороги, обслуживание пассажиров); (3) формирование индустрии гостеприимства (гостиницы, кемпинги, кафе и рестораны); (4) подготовка кадров краеведов, фольклористов, экскурсоводов; (5) организация привлекательных событий; (6) производство сувенирной продукции. Конструирование туристских достопримечательностей является формой инвестиций в территориальное развитие и становление постаграрной и постиндустриальной экономики впечатлений.

Ключевые слова: экономика впечатлений, туризм, достопримечательность, мобильность, социальное конструирование достопримечательности, постаграрная и постиндустриальная экономики, постановочная этничность.

Постановка проблемы

В современном мире обозначился кризис туризма. В его основе — противоречие между ростом численности людей, выбирающих в качестве досуга туристские поездки, с одной стороны, и ограниченным числом мест, которые их привлекают, с другой. В сезон отпусков миллионы людей покидают свои дома и направляются к достопримечательностям, включенным в хрестоматийные путеводители. Высокая концентрация туристов в ограниченном числе мест («избыточный туризм») резко снижает качество отдыха туристов, ухудшает условия жизни местного населения и вызывает его недовольство.

В результате массовое посещение снижает качество восприятия даже самого привлекательного места, превращая досуг в испытание характера и тела. Показательный пример — посещение музеев Ватикана в разгар туристического сезона: тысячи людей, среди которых было много гостей из Китая, прижавшись друг к другу, медленно двигались по узким душным галереям с единственной мыслью — не упасть в обморок и поскорее выбраться на свежий воздух. Сходная картина наблюдается во всех самых популярных городах, музеях и на пляжах. Высокая концентрация туристов осложняет и жизнь местных жителей: повышаются цены на продукты питания и жилье, переполняются рестораны, места прогулок и пляжи, перегружаются дороги. Вследствие этого нарастает недовольство постоянных обитателей наиболее популярных туристических мест, а в ряде мест вспыхивают протесты против неконтролируемого потока туристов и отдыхающих (Carocchi et al. 2019; Gössling et al. 2020).

В России эта глобальная проблема приобретает специфические черты. Стереотипные представления о местах, достойных посещения (столичная архитектура и музеи, теплые пляжи), вступают в острое противоречие с географическими условиями страны: лишь немногие города отвечают этим ожиданиям, а протяженность пляжей непропорциональна численности населения. В условиях улучшения социально-экономического положения значительных слоев населения и глобализации (облегчения визового режима, развития удобной транспортной логистики и т. д.) проблема частично решалась за счет выездного туризма в страны Европы.

С 2014 г. тенденция сменилась противоположной: заметно упал курс рубля, ужесточился визовый режим западных стран, сведено почти к нулю прямое транспортное сообщение со всеми европейскими странами, кроме

Беларуси, выросли цены на отдых в Турции, а поездки в открытые страны Востока предполагают иные расстояния, цены и уровень сервиса. В этих условиях особенно актуальным стало развитие внутреннего туризма.

Однако россияне столкнулись с проблемой крайне ограниченного предложения туристических услуг, которое к тому же сконцентрировано в относительно небольшом числе мест, где инфраструктура нередко не развита. При этом огромная территория России остается почти сплошным белым пятном на туристской карте. Это проблема не только потенциальных туристов, но и самих территорий, остро нуждающихся в развитии постиндустриальной и постаграрной экономики.

В процессе рыночных реформ сократилась площадь обрабатываемых сельскохозяйственных угодий в зонах рискованного земледелия, механизация труда привела к существенному падению спроса на рабочую силу, а в малых городах и поселках закрылось большое количество градообразующих промышленных предприятий. Повышение уровня образования населения формирует спрос на рабочие места, предполагающие умственный труд. Меняются и представления о стандартах приемлемого современного досуга. Все это усиливает отток населения (в первую очередь молодежи) в большие и средние города. Формируется спираль деградации: отток молодежи и старение населения, а также нежелание молодых специалистов переезжать в такие поселения приводят к падению качества человеческого капитала, что делает поселения непривлекательными и для инвестиций; это еще сильнее сокращает налоговые поступления и ведет к ухудшению социальной инфраструктуры и ситуации на рынке труда (Ильин 2022).

Развитие туризма часто рассматривается местными и региональными органами власти как средство если не решения проблемы, то ее смягчения. Оно открывает горизонты новой жизни для территорий, оказавшихся за пределами традиционной экономики, но имеющих потенциал в контексте постиндустриальной и постаграрной экономики. Туризм «сулит неочевидные источники дохода, которые казались бы абсурдными, не будь они столь прибыльными» (Макканелл 2016: 21).

Однако при традиционном понимании туризма эта проблема постаграрного и постиндустриального развития российской глубинки не находит решения. Необходим радикальный поворот в теории туризма, определяющей перспективы практики.

Что такое туризм?

Категория туризма относится к числу «само собой разумеющихся», поэтому ее определение многим кажется бесполезным упражнением

в схоластике. Между тем категория, особенно закреплённая в официальном дискурсе, программирует не только восприятие, но и вытекающую из него практику организации соответствующего бизнеса, его государственного регулирования и содержание подготовки кадров.

Бюрократическое понимание туризма

Бюрократическое определение туризма вытекает из задач и возможностей государственного регулирования отрасли. Круг этих задач в существенной мере зависит от возможностей сбора статистических данных.

В 1991 г. на конференции Всемирной туристской организации (ВТО), посвященной выработке методологии статистики туризма, было дано такое его определение: это «деятельность людей, путешествующих и остающихся в месте за пределами их обычной среды обитания не более одного года ради целей досуга, бизнеса и т. д.» (World Tourism Organization 1995).

Это определение разработано для нужд государственной статистики и адаптировано к возможностям сбора данных. Статистическому учету поддается продажа билетов и размещение в гостиницах. Ориентация на доступные для учета показатели приводит к отказу от дифференциации клиентов билетных касс и гостиниц. В результате туристами оказываются снабженцы, приехавшие за получением товара, бизнесмены, собравшиеся за пределами своего города для обсуждения кооперации, спортсмены, прибывшие на соревнования, артисты, приехавшие на гастроли, больные, прибывшие на лечение, дети, навещающие своих родителей, и т. д. При таком расширительном толковании туризм растворяется в многообразии форм мобильности. Методология исследования и организации туризма, обусловленная удобством государственного учета, уводит от проблемы туристской мотивации.

Из этой логики вытекает и методология экономического анализа туризма: в доходы от него включаются все затраты гостя во время его пребывания за пределами родного города. Туристским объектом оказывается любое место, в которое едет человек, независимо от его целей (World Tourism Organization 1995).

В постсоветской Российской Федерации в 1996 г. был принят закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» № 132-ФЗ, который неоднократно уточнялся. Законодатели в духе 1990-х гг. предпочли воспользоваться готовыми формулировками зарубежных нормативных документов. Дальнейшие уточнения этого закона касались частных случаев, не нарушая методологические принципы.

В редакции 2019 г. в Федеральном законе дано такое определение туризма:

«Туризм — временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания.

Туристский продукт — комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта.

Турист — лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд, или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания».

Отсюда вытекает и предельно размытое и широкое определение туристских ресурсов: это «природные, исторические, социально-культурные объекты, включающие объекты туристского показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные и иные потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил».

Такому пониманию туризма соответствует и законодательное определение туристской индустрии: «совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов санаторно-курортного лечения и отдыха, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, лечебно-оздоровительного, физкультурно-спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных систем». Только в редакции 2021 г. добавлены услуги экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников.

«Туристский продукт — комплекс услуг по перевозке и размещению». Таким образом, он сводится к транспортным услугам и услугам гостиниц.

В редакции 2021 г. добавлена статья о сельском туризме: это «туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия

в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг. Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством Российской Федерации» (Дополнение абзацем — Федеральный закон от 02.07.2021 № 318-ФЗ).

Такой подход к пониманию сути туризма оправдан в первую очередь с точки зрения интересов статистики, законодательного регулирования и управления отраслью (Burkart, Medlik 1974: 3). Вместе с тем исследования туризма в проблемном поле индустрии гостеприимства и менеджмента часто могут напоминать «изучение нефтедобычи без упоминания о геологии и экономике» (Макканелл 2016: 14).

Однако то, что удобно для государственного управления, нередко оказывается губительным для бизнеса. Властное слово обладает программирующей силой. Такое определение позиционирует туризм в первую очередь как сферу транспортных и гостиничных услуг. Любое агентство, продающее билеты и бронирующее места в отелях, может называть себя туристическим. В результате собственно туристические фирмы теряются в массе транспортных сервисов. Подобный подход выводит туризм из области экономики впечатлений и предельно упрощает требования к подготовке кадров и разработке туристических услуг, что гарантирует архайзацию этого бизнеса и неизбежное отставание в международной конкуренции за потенциальных клиентов.

Разработанный для нужд государственного управления подход перекочевал в научную и учебную литературу¹. Поиск смысла туризма осуществляется в основном в рамках смыслового поля категории мобильности, ограниченной временными рамками. Это ведет к подготовке специалистов туристической отрасли, мыслящих в сугубо бюрократических терминах. Так возникает замкнутый круг: логика бюрократии формирует методологию, а последняя воплощается в практиках туристического бизнеса, копирующего чуждую ему бюрократическую реальность.

Порочная логика бюрократического определения категории преодолевается стихийно — благодаря реакции бизнеса на запросы потребителей и заимствованию зарубежного опыта. Подходы в социологии туризма, сформировавшейся в качестве дисциплины в 1970-е гг. (Cohen 1984), пока недостаточно учитывают поворот отрасли в сторону экономики впечат-

¹ См. обзор концепций и определений туризма в (Покровский, Черняева 2008: 59–90; Лысикова 2008; Биржаков 2004).

лений. Туризм — это мобильность, но организованная вокруг движения к достопримечательности (Ильин 2008). Однако доминирующая категориальная сетка социологии не в полной мере соответствует такому объекту исследования, как туризм (Макканелл 2016: 13).

Туризм как отрасль экономики впечатлений

Относительно недавнее появление концепции экономики впечатлений¹ (Pine, Gilmore 1999; Пайн, Гилмор 2018) позволяет существенно пересмотреть понимание смысла туризма в контексте разных дисциплин, что требует и нового осмысления многих сложившихся здесь практик. «Чтобы жить — в противовес простому существованию или выживанию, — нужно быть открытым удивлению, новым возможностям, тянуться к различию» (Макканелл 2016: 19). В XXI в. в пирамиде потребностей А. Маслоу как никогда явственно ощущается потребность в отсутствующем в ней по историческим причинам элементе — впечатлениях. Для сытого человека впечатления становятся потребностью, т. е. условием нормального существования.

Эта концепция получила отклик и в отечественных исследованиях туризма. Однако приверженность методологии маркетинга и менеджмента не позволяет раскрыть потенциал впечатления как туристского продукта. Российские авторы, пытающиеся анализировать туризм в контексте экономики впечатлений, часто остаются в плену традиционных представлений, помещающих туризм в жесткие рамки управления услугами². Как ни парадоксально, отечественная практика в своем движении к экономике впечатлений продвинулась гораздо дальше теории туризма³. Одна из проблем на этом пути — недооценка или игнорирование проблемы туристской достопримечательности.

¹ В оригинале — «The Experience Economy» (Pine, Gilmore 1999). В английском слово *experience* более многозначное: это и впечатление, и опыт, и переживание.

² Например, Т. В. Черевичко в качестве главных потребностей туриста называет потребности в транспорте, жилье и питании. «Для туристов объект потребления в путешествии — полезность товаров и деятельности по оказанию услуг». И только в качестве «опосредованных» потребностей со ссылкой на З. Баумана упоминается поиск ощущений (Черевичко 2016). Но для их удовлетворения проще не отходить далеко от дома. Попытка связать туризм с экономикой впечатлений с помощью категории «туристского опыта» тоже уводит в сторону, т. к. русское слово «опыт» не тождественно английскому *experience*. Например, турист может приобрести опыт покупки дешёвых билетов или разжигания костра, но какое отношение это имеет к *experience economy*? См. также: Лебедева (2023).

³ См., например, обобщение практического опыта в материалах конференции «Туризм и креативные технологии» (Лисенкова, Ширинкина 2023).

В такой экономике продуктом выступает впечатление, т. е. «образ, отражение, след, оставляемый в сознании человека окружающими предметами, лицами, событиями». Исходное значение слова — «оттиснуть печать» (Виноградов 1999: 109–110). Следовательно, внешний образ или событие впечатываются в память наблюдателя на то или иное время. Если находятся потребители, готовые за это платить, то такое сугубо психическое явление превращается в товар.

Туризм — это форма досуговой деятельности, основанная на потреблении впечатлений от перемещения с целью посещения достопримечательностей. Такое определение туризма переводит его из области транспортных и гостиничных услуг в экономику впечатлений. При этом здесь уже принципиально иное понимание туристского товара. Транспорт и гостиницы в такой экономике — не сам товар, а лишь некоторые факторы его качества. Предмет конструирования туристского товара сдвигается с инфраструктуры на работу воображения, порождающего новые формы потребительной стоимости. В центре внимания оказываются не столько технические и экономические вопросы, сколько процессы социального конструирования достопримечательностей. Таким образом, это уже междисциплинарная область, где переплетаются не только экономика и менеджмент, но и социология, антропология, культурология, социальная психология и философия. Конструирование достопримечательности невозможно за счет простых инвестиций в материальную базу. Катализатором этого процесса является воображение. Без него деньги могут быть потрачены впустую.

Дж. Урри показывает специфику взгляда туриста: ему надо лично увидеть и почувствовать «то самое место» (дом, реку, ресторан), почувствовать сопричастность и задокументировать факт с помощью снимка. Им движет «тяга к сопresутствию» (Урри 2005). Разные туристы ищут разные впечатления. Один и тот же объект привлекает одних и оставляет равнодушными других. Туристы «пробираются к достопримечательностям, детально изучают их, трогают, нюхают, фотографируют, обсуждают, смакуют и увозят с собой впечатления, чтобы поделиться ими с каждым, кто захочет слушать» (Макканелл 2016: 19). Туристский взгляд направлен на поиск впечатлений.

Однако впечатление не является единственным критерием выделения туризма как формы досуга. Цель посещения театров, кинотеатров, музеев и выставок, спортивных матчей и фестивалей местным населением — получение впечатлений. При этом специфическая черта классического туризма — выезд с места проживания в поисках таких впечатлений. Турист — это тот, кто отправляется ради них в поездку. В этом заключается

его качественное своеобразие в сравнении с публикой, собирающейся на культурные мероприятия.

Между этими двумя видами досуга находится серая зона, где граница между ними размывается. Она представлена так называемым «местным туризмом». Турист такого типа отправляется за впечатлениями, но не уезжая далеко из своего населенного пункта. Обычно это выезды выходного дня, не требующие ночлега вне дома и не являющиеся рутинными практиками (например, регулярными поездками на работу или ради шопинга). Знакомство с архитектурой, памятными местами политической и художественной жизни, природными достопримечательностями сводит границу с обычным туризмом только к одному различию: местный туризм, как правило, не предполагает ночевки и соответствующей инфраструктуры. При этом человек часто направляется в те части города или пригороды, которых раньше никогда не видел. Необычность маршрута является одной из важнейших отличительных характеристик туристической мобильности.

Вместе с тем в качестве достопримечательности выступают также театры, музеи, выставки, культурные, спортивные и общественно-политические события (парады, демонстрации, шествия, например «Бессмертный полк» или крестный ход). На этом фланге граница местного туризма размывается до неразличимости. Видимо, театрал, который регулярно ходит на спектакли, мотивирован не посещением достопримечательности. Это же можно сказать и о завсегдатаях музеев и выставок. Однако существенная часть посетителей культурных учреждений (в том числе местных жителей) отправляется туда впервые, а порой и в единственный раз. Если завсегдатаи идут на выставку в Эрмитаж, чтобы увидеть конкретную группу экспонатов, то туристы — «просто в Эрмитаж», чтобы прикоснуться к имперской роскоши. Такая же грань, порой плохо поддающаяся внешнему наблюдению, лежит и между театралом и туристом, решившим посетить знаменитый театр.

Суть туризма очень точно передана в старой советской песне:

*Люди сосланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги¹.*

Туман и запах тайги — источник больших впечатлений, но только не для того, кто сталкивается с ними каждый день. Разрыв круга рутины —

¹ Песня Юрия Кукина (1932–2011).

это тоже предпосылка впечатления. Отличительная особенность туристского места состоит в том, что оно «другое» и на время вырывает человека из привычной среды дома и работы (Урри 2005), что превращает его в ресурс досуга. Сам факт необычного выезда становится источником впечатлений.

Смысл достопримечательности точно отражается в категории глокализации, в которой соединяются «глобализация» и «локализация». Глобальный турист ищет впечатления от локальной экзотики, а те, кто контролируют доступ к ней, превращают ее привлекательность в твердую валюту.

Востребованная достопримечательность должна быть, с одной стороны, экзотической, т. е. контрастировать с обыденной жизнью туриста, а с другой — отражать его стереотипные ожидания. Глокализация наблюдается не только в международном туризме. Для жителя российского мегаполиса отечественная глубинка не менее экзотична, чем техасское ранчо или стоянка синайских бедуинов. Социокультурный контраст, воспринимаемый как экзотика, выступает главным источником впечатлений туриста.

В этом контексте радикально меняется смысл фольклора. В традиционном обществе он обеспечивал племенную солидарность. В индустриальном обществе он удовлетворяет тоску недавних горожан по утраченной сельской жизни. В контексте постмодернистских трендов одной из его функций (но не единственной!) становится конструирование туристской экзотики. Люди вспоминают давно забытые песни, танцы и костюмы, привлекая их как цитаты из совершенно иной жизни, чтобы произвести впечатление на туристов.

Модель туриста по ряду параметров близка модели путешественника: оба на время покидают дом. Однако они качественно различны по смыслам деятельности. Путешествие — это исследование, обычно представляющее собой форму профессиональной деятельности, в то время как туризм — это досуг (Ильин 2008). Правда, грань между ними размыта, так как есть разные типы туристов. На одном полюсе континуума — те, кто ищет впечатления от примитивных постановок туристических фирм и избегает столкновений с реальной местной жизнью, которая кажется опасной и «грязной». Однако немало туристов приближаются к путешественникам: с одной стороны, они едут за впечатлениями, а с другой — они ищут картины «подлинной» местной жизни и сторонятся предлагаемых им «псевдособытий». Было бы упрощением абсолютизировать один из типов. Туристы, как и все прочие люди, имеют разные потребности и ищут разные впечатления. Кроме того, «подлинность» — это крайне противоречивый и многомерный феномен (Rickly 2025).

Туристская¹ достопримечательность как социальный конструкт

Традиционный подход к пониманию туристской достопримечательности вытекает из философского принципа эссенциализма: каждая вещь имеет свою сущность, глубинное качество. Исходя из этой логики, туристская достопримечательность является таковой в силу своей сущности, предопределяющей ее потребительную стоимость: она достойна быть примеченной. Отсюда вытекают совершенно практические выводы. Достопримечательность либо есть, либо ее нет. Ее достоинства измеряются объективными критериями пространства и времени: самая высокая (в мире или районе) гора, самое старое здание и т. д. Вследствие этого в абсолютном большинстве населенных пунктов России (особенно в глубинке) можно слышать приговор: «Какой туризм? У нас нечего смотреть!» Следование такому философскому принципу на практике оборачивается пассивностью.

Конструктивистская логика прямо противоположна. У вещей нет сущности, нет само собой разумеющихся достоинств, запускаемых автоматически вне связи с практиками. Сущность задается теми, кто их производит и использует. Потребительная стоимость вещи — продукт социального конструирования, т. е. реализации того или иного проекта. Достопримечательность — это продукт воображения, обладающий притягательной силой. Развивая мысль К. Маркса², можно сформулировать ключевой принцип понимания туризма в экономике впечатлений: образ места, овладевший массами и обретший благодаря этому притягательную силу, материализуется в виде направляющегося к нему туристического потока. Достопримечательность — это воображаемое место, превращающееся в посещаемый объект. Гора превращается в достопримечательность, когда находятся люди, полагающие, что ее стоит посетить. В результате одной и той же горе разные люди придают совсем несхожие смыслы. Для одних она — достопримечательность, вызывающая желание либо покорить ее, либо просто ею полюбоваться, для других — неприятное препятствие,

¹ В русском языке используются два слова, являющиеся почти синонимами: «туристический» и «туристский». Однако первое прилагательное образовано от слова «туризм», а второе — от слова «турист». Правда, в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» используется только прилагательное «туристский», хотя речь идет преимущественно о туристической отрасли. Если смотреть через призму логики экономики впечатлений, то вернее говорить о туристской достопримечательности, т. к. только турист решает, достоин ли объект быть замеченным.

² «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (Маркс 1955: 422).

усложняющее путь. Иначе говоря, достопримечательность создается сначала в голове, и этот процесс лишь косвенно связан с материальными предпосылками. Последние могут лишь облегчить или затруднить ее конструирование, сделать одни формы адекватными, а другие — трудно-реализуемыми. Достопримечательность может быть результатом чистого мифотворчества, лишенного корней в материальной реальности.

Привлекательный ментальный образ выполняет функцию элемента системы навигации, которой руководствуются люди. На картах, загруженных в их «навигаторы» (жизненный мир), есть точки, которые помечены как достойные или даже обязательные для посещения. Достопримечательность существует в первую очередь в голове, и лишь затем подтверждается или опровергается в физической реальности, принимая относительно устойчивую форму той или иной конфигурации мобильностей. Достопримечательность — это то, что систематически посещается. Именно практики, а не официальный статус являются маркером достопримечательности. И этот объект может иметь самую разную природу: от географического объекта, зрительно выделяющегося своими характеристиками, до мифа, привязанного без всяких на то оснований к какому-то месту.

От туристского продукта к туристскому товару

Категории продукта и товара нередко используют как синонимы, а различия между ними описывают как едва уловимые. И это не только проблема лингвистики. Наука не терпит синонимов. Каждая категория наполнена специфическими смысловыми нюансами.

Продукт — это результат материального или духовного производства, как натурального, так и рыночного. Все, что произведено, является продуктом. Дачник вырастил картошку — это его продукт. Предприятие произвело вещи, которые осели на складе и, не найдя покупателя, в конце концов отправились на свалку, — это тоже продукт. Государственные органы и/или бизнес создали с нуля или реконструировали объект, назвав его «туристской достопримечательностью». Такой объект также является продуктом, связанным с товаром лишь замыслом. Он может успешно выйти на рынок или никогда не встретиться с покупателем.

Товар физически может совпадать с продуктом, но имеет совершенно иной социально-экономический смысл. Товар — это продукт, купленный на рынке. Иначе говоря, потребитель подтвердил его статус, заявленный производителем в форме намерения. То, что не куплено, — это либо объект потребления, созданный для себя, либо неудачный рыночный проект, в ходе которого замысел выгодной продажи провалился, а продукт превратился в мусор, подлежащий утилизации.

Ключевая функция маркетинга — превращение продукта в товар. Покупатель, приобретая его, меняет его статус. Маркетинг, с одной стороны, подгоняет продукт под потребительский спрос, а с другой — «открывает глаза» потребителю на неочевидные достоинства продукта, побуждая его к покупке.

Эта логика применима и к разграничению туристского продукта и товара. Чаще всего различие между ними игнорируется. Туристский продукт — это предложение, все, что создано и организовано с намерением продать. Далеко не всегда данная цель достигается. Туристский товар — это все, что удастся продать туристам. Рынок — критерий истины экономического замысла производителя. При этом материальная форма продукта не имеет значения: это может быть и вещь, и услуга, и событие. Маркетологи обычно уделяют большое внимание дифференциации товаров и услуг, приписывая им разную физическую природу. Однако различия, обсуждение которых нередко принимает схоластический характер, вероятно, оправданы в рамках логики товароведения, но не имеют социально-экономического смысла. Кроме того, грань между ними часто сильно размыта. Турист, оплативший обед в ресторане, купил пищу или услуги персонала? К какой категории относится заправка автомобиля? А аренда номера, автомобиля?

Ключевой критерий — совпадение рыночного предложения и платежеспособного спроса. Производитель должен продать продукт, однако это удастся не всегда и может привести к убыткам. Объекты и услуги, созданные для туристов, остаются убыточными продуктами, если не находят платежеспособного отклика. Тогда возникает задача их утилизации с целью минимизации убытков.

Для того чтобы туристский продукт стал товаром, он должен обрести свойства потребительной стоимости. Ее смысл не в том, что есть желание посетить предлагаемое место, а в том, что есть готовые воспользоваться этим предложением, т. е. заплатить за него и добраться до достопримечательного пункта. Для его превращения из туристского продукта в товар недостаточно обладать притягательностью, необходимым условием является также доступность — физическая (можно добраться) и социально-экономическая (есть средства для этого).

Объект может приобрести статус достойного внимания с помощью властного принуждения и рыночного соблазна. В первом случае государство или его специальные институты официально определяют какой-то объект как достопримечательность, которую желательно видеть каждому или почти каждому гражданину. Тогда его посещение включается в обязательные программы образования или туризма. Например, школьники

под руководством учителей отправляются организованными экскурсиями к таким достопримечательностям. Достопримечательности могут принудительно включаться в программу обычных туров. Так, в советскую эпоху все туристы, отправлявшиеся организованными группами в Москву, Ленинград или Ульяновск, обязательно отправлялись по «ленинским местам». Аналогичным образом советские туристы, прибывавшие в Париж, в первую очередь искали «ленинские места». Мавзолей в перечне московских достопримечательностей занимал особое место. Обязательность его посещения дополнял режим работы, искусственно создававший огромную очередь, снимки которой демонстрировали всему миру массовое поклонение святыне светской религии. Как только «коммунистическое воспитание» перестало быть функцией туризма, «ленинские места» ушли на периферию списка достопримечательностей.

Во втором случае достопримечательности — это во многом продукт маркетинга, формирующего желание увидеть их. Массированная реклама наделяет их статусом объектов, которые «надо видеть». В этом случае туриста не принуждают, а соблазняют.

Однако бывают достопримечательности, конструируемые вне организованного государством идеологического воспитания и регулируемого бизнесом рынка. Это знаковые места в специальных сегментах культуры, места, известные только тем, «кто в теме». Они продвигаются по специализированным каналам, чатам и т. д.

Социальное конструирование достопримечательности

Категория социального конструирования подчеркивает искусственный характер объекта: он не дан от природы и не достался по наследству, его нельзя отнести к очевидной реальности, данной нам в ощущениях. Его физическая природа — это ресурс, имеющий характер шанса: его превратят в достопримечательность или он будет выполнять иную функцию. Это плод интеллектуального и физического труда. Называя достопримечательность социальным конструктором, мы подчеркиваем: она не дана изначально, а создана людьми.

Многие природные и культурные объекты, не уступающие по своим основным характеристикам общепризнанным туристическим достопримечательностям, таковыми не являются. Их можно описывать только в категориях потенциала, используя сослагательное наклонение: если сделать то и это, возможно, что они станут достопримечательностями. Препятствием на этом пути становится отсутствию искусственно созданных предпосылок: известности и притягательности, а также инфраструктуры, делающей эти объекты доступными и комфортными для посещения.

Социальное конструирование достопримечательности — это превращение названий мест в точки притяжения («это надо увидеть!»). Данный процесс проходит целый ряд фаз (Ильин 2008: 329–330). Остановимся на основных.

1. **Присвоение месту имени**, выделяющего его из остального пространства. Наименование — процесс концентрации внимания на какой-то точке, выделяемой из массы иных.

2. **Позиционирование места** — это описание объекта, обосновывающее его привлекательность и уникальность (часто с помощью слова «самый»). Это определение его позиции в ряду подобных объектов. При этом рождается образ, который при одной и той же материальной предпосылке может и притягивать, и отпугивать. Потребительная стоимость рождается в словах и визуальных иллюстрациях.

3. **Создание бренда места**¹ как географическое мифотворчество. Это внедрение имени места и его характеристики в массовое сознание через систему образования, массовую культуру и СМИ. Особую роль играет создание образа места, стимулирующего воображение (Salazar 2012). Благодаря этому имя становится притягательным брендом, а научное знание — достоянием массового сознания, предельно упрощаясь до правил-подсказок («Не влезай на столб! Убьет!») либо мифов. В географическом мифе оно приобретает форму привлекательной картинки. Нередко она сакрализируется в контексте традиционной или гражданской религии. В таком варианте мифа место связывается с важными для данной религии событиями (чудесами, героизмом, пребыванием святого или вождя). Место может быть разного масштаба: страной², регионом, городом, деревней или конкретным уголком населенного пункта. Побывать в таком месте равносильно приобщению к чему-то известному. Смысл такой притягательности выражен в слоганах «Увидеть Париж и умереть!»³ или «Кто

¹ Близкие категории — «брендинг территории» или города. В XXI в. это направление в маркетинге приобрело широкую популярность (Визгалов 2011; Kavaratzis 2005; Hanna 2021).

² Издавна раскрученным брендом такого масштаба, притягивавшим к себе сначала иммигрантов, а потом и туристов со всего мира, стала Америка (Анхольт, Хильдрет 2010). В XXI в. этой темой озаботились и в России (Василенко 2012; 2013).

³ Эта крылатая фраза в Западной Европе встречалась уже с середины XIX в. В России это выражение получило широкое распространение в XX в. Его введение в отечественный оборот нередко приписывают советскому журналисту и писателю И. Эренбургу, хотя исследователи этого выражения не находят ни в его сочинениях, ни в мемуарах. В России оно получило дополнительную известность после

не видел Ногайской бухты, дурак тот»¹. В англоязычном туристическом маркетинге эта идея представлена в виде фразы, вошедшей в путеводители: «Это надо увидеть!»². Школьные курсы географии, истории и литературы наполнены именами мест, отпечатывающихся в сознании уже в детском возрасте. Процесс создания образа географического объекта, вызывающего позитивную чувственную реакцию и притяжение, в маркетинге назван «созданием бренда места». Его смысл в том, что впечатлениями о месте можно управлять так же, как и впечатлениями о продаваемых вещах, превращая точку на карте в пункт притяжения.

В создании бренда места соперничают две противоположные стратегии. С одной стороны, это копирование чужого удачного опыта. Однако подражание противоречит смыслу брендинга как процессу создания уникальности. С другой стороны, это гораздо более сложная, но и более перспективная творческая стратегия создания неповторимых мест (Richards, Wilson 2006; Richards 2020).

4. Формирование туристической инфраструктуры, позволяющей добраться до этого места (дороги, транспортные средства, система продажи билетов), остановиться там (отели, hostels, мотели и сдаваемые в аренду дома и квартиры, система бронирования жилья), познакомиться с подробностями (информационные услуги). В социализированном географическом пространстве расстояние измеряется не километрами, а степенью достижимости: наличием транспортных путей, их качеством и стоимостью проезда.

5. Показ достопримечательности, позволяющий сверить ожидания с реальностью. Даже разочарование («а я представлял все это иначе!») формирует впечатление от соприкосновения с чем-то известным. Показ — это особое искусство. Он может оправдать ожидания или превзойти их, но может и радикально разочаровать.

6. Материальное подтверждение факта посещения (фотоснимки в жанре «Я и X», сувениры) как инструмент конструирования идентичности.

выхода в 1992 г. фильма «Увидеть Париж и умереть» (студия «Мосфильм», реж. А. Прошкин). Это крылатое выражение, в свою очередь, представляет собой перифраз итальянского «Vide Napule e po' tuore» («Взгляни на Неаполь, а потом хоть умирай!»), который приписывают Карло Гольдони (1750-е гг.) (Душенко 2021).

¹ Высоцкий В. «Ногайская бухта». В реальности в Магадане бухта Нагаева.

² Изначально это был рекламный слоган американского телеканала NBC (1990-е гг.).

7. **Ценная реакция распространения бренда места.** Снимки показывают близким и размещают в блогах; впечатлениями делятся, другим советуют посетить это место.

8. **Приобретение местом символической ценности.** Часть мест становятся символами чего-то масштабного и значимого. Посетив их, турист прикасается к общеизвестным историческим событиям или современным социокультурным системам. Это уже не просто место, а «то самое, где...».

9. **Превращение объекта в статусный символ,** «культовое место». Если ты принадлежишь к категории X, то «стыдно не побывать там!». Этот символ дифференцирует людей: они делятся на тех, кто там был, и тех, кто о нем только слышал.

10. **Подтверждение ожиданий реальным опытом их посещения.** Если полученные впечатления соответствуют доопытным представлениям, то возникает желание вернуться в эти места, порекомендовать их другим. Но нередко случается и все наоборот: «раскрутка» места порождает миф, который рассеивается при встрече с реальным местом, переполненным непредвиденными подробностями. Это так называемый «парижский синдром» как разновидность негативного культурного шока: «Увидеть Париж и разочароваться¹». Разумеется, этот синдром не ограничен Парижем и может возникнуть при посещении почти любого места, окутанного очарованием мифа.

Гибридизация туристского товара

Туристский продукт — это идеальный тип, т. е. теоретический конструкт, очищенный от всяких примесей. В реальности чистые явления скорее исключение, чем правило. Соответственно, туристский продукт как элемент экономики впечатлений в социальной реальности не существует в чистом виде и всегда соединяется со смежными видами деятельности.

Туристская поездка — это не только поиск впечатлений, но и обычный отдых, достигаемый за счет перемены мест и вида деятельности. Так, офисный работник отдыхает от своей работы в горах или тайге с тяжелым рюкзаком, но в то же время он идет в поисках новых впечатлений как от примечательных мест, так и самого путешествия как события.

Пляжный отдых сам по себе имеет не большее отношение к туризму, чем лежание в дачном гамаке. Однако часто поездка на пляж — это посе-

¹ Крайнее проявление — Syndrome de Paris — психическое расстройство, описанное работавшим во Франции японским психиатром Хироаки Ота (Ota et al. 2004).

щение новых, необычных мест, соприкосновение с экзотической природой. В этом случае туризм и отдых переплетаются неразрывно. Кроме того, отдыхающим на пляже часто предлагают посещение туристских достопримечательностей. Человек поехал греться на солнце, но на день-другой он становится туристом. Люди, снимающие дачу в новом месте, не только купаются в речке, но и открывают для себя новые примечательные места.

Аналогичным образом курортное лечение само по себе не имеет отношения к туризму и вообще к экономике впечатлений. Однако скучающие от череды процедур курортники часто покупают туристские экскурсии, становясь на короткое время туристами.

Человек, выезжающий в командировку, не имеет прямого отношения к туризму. На выезде он работает, а туризм — это досуг. Однако и в командировке рабочий день заканчивается, после чего встает вопрос досуга. Экскурсия — один из доступных вариантов. Участникам бизнес-встреч и научных конференций организаторы часто предлагают маршруты местного туризма. Они не являются причиной поездки, но это дополнительные услуги, возникающие по ее ходу (такие же, как ужин в ресторане или посещение театра). Такое же сочетание может иметь место и у спортсменов, выехавших на соревнования.

Огромной натяжкой является отнесение к туризму поездок в гости к друзьям и родственникам. Смысл таких поездок — в воспроизводстве социальных сетей. При этом возможен дополнительный мотив — посещение туристских достопримечательностей в тех местах, где живут близкие люди. Сочетание таких визитов с туризмом носит факультативный характер.

Студенты, выезжающие в другие вузы по обмену, не являются туристами. Их посылают учиться, а не отдыхать. Однако никто не отменяет при этом возможности развивающего досуга. В результате студенты, выезжающие в иные города и страны, периодически примеряют на себя роль туристов. Кроме того, знакомство с другим вузом и чужой системой образования может быть туристической достопримечательностью. Иначе говоря, обучение по обмену — форма туризма, однако при условии, что это новое место, предлагающее впечатления в дополнение к собственно учебному процессу.

Классификация туристских достопримечательностей

Такая классификация возможна по разным основаниям, выбираемым в зависимости от поставленной цели исследования или практической деятельности. В данной статье рассмотрим лишь один вариант, опирающийся на характер впечатлений, производимых на туристов.

Религиозная достопримечательность

Религиозная достопримечательность представляет собой неоднозначный притягательный объект, порождающий разные формы туризма (Шупленков Н. О., Шупленков О. В. 2023). Можно выделить несколько идеальных типов по критерию приписываемого объектам смысла. (1) Сакральный объект поклонения паломников. Его привлекательность не связана с местом его расположения, эстетической и исторической ценностью. Он просто сакральный. (2) Религиозно-культурный объект. К нему идут туристы, для которых стремление познакомиться с памятником религиозной культуры в той или иной (но не решающей) мере замешано на вере. Однако последняя не является решающей причиной их поездки. (3) Туристы, для которых объект интересен исключительно как памятник культуры. Они с одинаковым интересом могут посетить и православную церковь, и мечеть, и синагогу. Сакральные объекты чужой религии становятся экзотикой. Недействующий храм становится уже не храмом, а археологическим памятником или туристской достопримечательностью. В жизни эти идеальные типы переплетаются.

Иногда один и тот же объект сакрализуется разными конфессиями, порождая феномен оспариваемого и конфликтогенного наследия (Tunbridge, Ashworth 1996). Например, храм Святой Софии, он же Большая мечеть Айя-София в Стамбуле, для христиан, мусульман и атеистов имеет разные смыслы.

Достопримечательности гражданской религии

В гражданской религии сакральный характер приписывается государству, его правителям, нации, народу. Сакральность **воплощается** в коллективных ритуалах, в которых конструируется соответствующее «Мы». Соприкосновение с такими местами вызывает чувство, сходное с тем, которое верующий испытывает при посещении знакового храма своей церкви. Разумеется, как и в случае традиционной религии, предпосылкой священного трепета является вера в сакральность гражданских объектов.

С одной стороны, достопримечательностями выступают исторические объекты, но сакрализованные в контексте соответствующей идеологии и культуры. В идеальном варианте они вызывают впечатление от соприкосновения с сакральным: «Здесь произошло событие, сыгравшее огромную роль в становлении нашего государства (нации)» (например, поле Куликово, Мамаев курган и т. п.). К этой же категории относятся места, в которых проживали «святые» данной гражданской религии. Например, ключевая экскурсия по советскому Ленинграду называлась «По ленинским

местам». С другой стороны, это памятники, созданные гораздо позже обозначаемых ими событий и прямо не связанные с сакральной историей (например, Мавзолей Ленина, «Могила неизвестного солдата» у Кремлевской стены в Москве).

Нередко достопримечательность как сакральное наследие становится объектом конфликтных интерпретаций. Оно всегда несет ценностно-нагруженные сообщения, которые понимаются разными группами по-разному, нередко прямо противоположным образом. Примерами служат памятники Ленину во многих странах, а также Дзержинскому и Сталину в России (Tunbridge, Ashworth 1996).

Исторические достопримечательности

Это место, где произошло значимое для истории событие. В идеальном варианте оно известно туристам еще до приезда. Они знают о нем из учебных курсов истории, исторических фильмов и романов, видели в отчетах о поездках других туристов. Сюда они едут, чтобы получить впечатление от личного прикосновения к следам хрестоматийной истории. В компромиссном варианте турист узнает о смысле таких мест уже от экскурсоводов во время посещения в соответствии с навязанной ему программой (он не мог хотеть видеть то, о чем и не подозревал). В отличие от сакральных мест гражданской религии, такая достопримечательность не вызывает высоких чувств. Это интересно, познавательно, красиво и т. д., но не порождает священного трепета.

Прошлое — это то, что безвозвратно ушло в силу необратимости потока времени. Однако оно входит в настоящее в виде повествований в самых разных жанрах: строго научных публикаций, упрощенных для массового потребления с воспитательными и развлекательными целями произведений массовой культуры и школьных учебников, а также совершенно мифологических нарративов, единственной опорой которых является вера в них. Прошлое постоянно открывается заново и даже изобретается (Tunbridge, Ashworth 1996), нередко привязываясь к конкретным местам, которые благодаря этому приобретают потенциал превращения в достопримечательность. Если памятников прошлого не осталось, то их вполне заменяют современные монументы и реконструкции. При этом для туристов стирается грань между памятником прошлого и локально-стоя, опирающейся на миф. В любой своей форме они участвуют в постоянном процессе обновления исторической памяти через производство впечатлений.

Объект исторического наследия — это не статичное место или здание, обладающее самоочевидной ценностью. Он конструируется практиками

социального взаимодействия и представляет собой «перформативный процесс». В результате объекты и места используются для придания осязаемости ценностям, лежащим в основе различных сообществ, а также для утверждения этих ценностей (Smith 2006). Иначе говоря, историческая достопримечательность, как и любая иная, не существует сама по себе вне связи с людьми и социальными институтами, наделяющими ее смыслами. Историческое событие в прошлом очень часто имело форму трагедии (например, битвы). Однако оно повторяется в настоящем в качестве исторических постановок (реконструкций). Если цель первых состояла в победе над врагом, то задача вторых — произвести впечатление на туристов. Иначе говоря, трагическое историческое событие повторяется уже в контексте логики перформативного досуга.

Этнографические достопримечательности

Это места, где можно увидеть традиционный быт и народную культуру того или иного этноса. В современном мире обыденная жизнь, особенно в больших городах, настолько глобализирована, что уловить национальное своеобразие часто просто невозможно. Этничность в большом городе растворяется, сводится к языку, который нередко является средством межнациональной коммуникации. Однотипность архитектуры, транспорта, торговли и внешнего вида людей ослабляет желание отправляться в иные места, поскольку «везде одно и то же».

Однако парадокс состоит в том, что реальную этническую аутентичность в современном мире можно найти только в труднодоступных местах, куда попадают лишь немногие туристы-экстремалы. Найти такие места в России проблематично. Там же, куда прокладываются дороги массового туризма, искусственно конструируется постановочная этничность. Фольклорные ансамбли шьют уже давно вышедшие из употребления костюмы, исполняют традиционные танцы, поют архаичные песни. Стимулом для их активности являются туристы, формирующие благодарную аудиторию. Лишь в некоторых регионах России (например, на Северном Кавказе) традиционные танцы органично вплелись в современную жизнь без связи с туризмом. Этнографические музеи (особенно в виде селений под открытым небом) предлагают масштабные сцены для постановочной этничности, помогают туристам ощутить разнообразие культур, ушедших или уходящих в историю. К этой же категории можно отнести и фольклорные фестивали, ярмарки традиционных ремесел.

В этом контексте постановочная этничность культивируется как экзотический туристский товар. Это типичный феномен глокализации:

локальный экзотический продукт предлагается на глобальном рынке туристам, которые, в свою очередь, экономически стимулируют его развитие. Таким образом, туризм вдыхает вторую (уже постановочную) жизнь в этническую архаику.

Частным видом этнографических достопримечательностей являются объекты так называемого «гастрономического туризма». К таким объектам относятся кафе и рестораны, представляющие национальную кухню — как местную, так и кухню далеких стран. Так, по всему миру распространены заведения китайской, японской, итальянской, индийской кухни, в меньшей мере — заведения, представляющие иные культуры.

Художественные достопримечательности

Это памятники архитектуры, места, связанные с деятельностью выдающихся деятелей культуры, уникальные художественные музеи и театры. В идеальном варианте турист получает впечатление в первую очередь от личного соприкосновения с объектами из учебников, открыток и фильмов. Одной из разновидностей художественных достопримечательностей являются места, где проходили съемки известных фильмов. В таких случаях эстетические переживания переплетаются со стандартным туристским «это то самое место...».

Социально-политические достопримечательности

Страны, регионы или отдельные местности, где жизнь организована в рамках чужой, экзотической для туриста логики, превращаются в достопримечательности. Здесь видны маркеры чужой и «странной» гражданской религии (флаги, гербы, памятники, политические ритуалы). Тут происходят события, немыслимые или маловероятные в родных местах туриста: избирательные кампании, политические катаклизмы, демонстрации, забастовки, вооруженные конфликты и т. д. Или, наоборот, турист из страны с нестабильной социально-политической ситуацией воспринимает чужую размеренную жизнь как экзотику. Места, где происходят острые социально-политические и даже военные конфликты, становятся привлекательными для любителей экстремального туризма и для тех, кто хочет собственными глазами увидеть события, освещение которых считает спорным и недостаточно убедительным.

Социально-экономические достопримечательности

Туристы часто путешествуют по социальному пространству, знакомясь с жизнью людей, находящихся по отношению к ним на большой социальной дистанции. Наиболее популярны маршруты по зонам роскоши. Здесь

человек из средних или низших слоев может почувствовать «аромат чужого богатства». При этом для туриста интересны не только дворцы ушедших в историю царей и аристократов, но и жилища тех современников, которым улыбнулась Фортуна.

Другой экзотический полюс — зоны бедности. Туристы, являющиеся в основном выходцами из средних слоев, с интересом знакомятся с трущобами и другими местами концентрации бедности. Такой туризм получил распространение в Латинской Америке, где предлагаются маршруты в фавелы.

Существует и другой вид туристских путешествий — по местам, где зримо представлены значимые социально-экономические процессы. Это новые успешные предприятия, где можно с близкого расстояния посмотреть на технологию производства всем известных вещей, маркирующих современную материальную культуру. Это направление давно развивается в рамках т. н. «промышленного туризма». Однако не менее привлекательны для части туристов и места болезненной деградации — деиндустриализации в виде заброшенных предприятий, социального опустынивания сельской местности.

Природные достопримечательности

Природная достопримечательность выделяется благодаря тому, что ее можно описать с помощью слова «самый». В идеальном варианте она «самая» в масштабах мира, в компромиссных вариантах — в стране, городе, районе. Тот факт, что Эверест — это высшая точка земного шара, объясняет его популярность, несопоставимую с привлекательностью соседних «восьмитысячников». Однако природные достопримечательности могут выделяться и своими эстетическими характеристиками. К этой же категории относятся и природные катаклизмы. Туристы-экстремалы устремляются туда, где происходят извержения вулканов, проносятся ураганы. Все это дает им впечатления, подкрепляемые изрядной дозой адреналина.

Заключение

Туризм занимает все более заметное место в экономическом и культурном развитии многих стран. Однако теоретическое осмысление этого феномена отстает от практики. В его определении ключевым критерием является мобильность. Это приводит к смешению туризма с прочими видами мобильности, качественно отличными от него, что отрицательно сказывается на технологиях формирования туристского продукта.

Формирование во многих странах экономики впечатлений ставит принципиальный вопрос: туризм — это часть экономики мобильности или впечатлений? Логика этих двух сфер пересекаются лишь частично. Если мы относим его ко второй категории, то необходимо качественно иное определение. Туризм — это мобильная досуговая деятельность, состоящая в поиске впечатлений от посещения достопримечательностей. Такое понимание туризма сдвигает фокус практики с транспортных услуг и гостиничного бизнеса в сторону социального конструирования достопримечательностей как ядра туристского продукта. Его формирование лишь частично зависит от данных природой или оставленных историей объектов (гор, озер, дворцов и т. д.). Главной предпосылкой конструирования туристской достопримечательности является наличие людей, обладающих креативным капиталом. Они способны создать туристскую достопримечательность в месте, лишенном выраженных ресурсов. В то же время отсутствие таких людей обесценивает дары природы и истории. Такое понимание туризма открывает дополнительные перспективы для постаграрного и постиндустриального развития территорий. Превращение перспектив в реальность требует существенных сдвигов в содержании подготовки кадров для туристической индустрии.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-68-00055 «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций». Исследование проводится на базе НИУ «Высшая школа экономики».

Литература / References

- Анхольт С., Хильдрет Д. (2010) *Бренд Америка: мать всех брендов*. М.: Добрая книга.
- Anholt S., Hildreth J. (2010) *Brand America: The Mother of All Brands*. Moscow: Dobraya kniga (in Russian).
- Биржаков М.Б. (2004) *Введение в туризм*. Изд. 6-е. М.; СПб.: Невский фонд; Издательский дом Герда.
- Birzhakov M.B. (2004) *Introduction to Tourism*. 6th ed. Moscow; St. Petersburg: Nevskiy fond; Izdatel'skiy dom Gerda (in Russian).
- Василенко И.А. (ред.) (2012) *Имидж России: концепция национального и территориального брендинга*. М.: Экономика.
- Vasilenko I.A. (ed.) (2012) *The Image of Russia: The Concept of National and Place Branding*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Василенко И.А. (ред.) (2013) *Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта*. М.: Международные отношения.

Vasilenko I.A. (ed.) (2013) *Russia's Image Strategy in the Context of International Experience*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).

Визгалов Д.В. (2011) *Брендинг города*. М.: Институт экономики города.

Vizgalov D.V. (2011) *City Branding*. Moscow: Institute for Urban Economics (in Russian).

Виноградов В.В. (1999) *История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*. М.: Б. и.

Vinogradov V.V. (1999) *History of Words: About 1,500 Words and Expressions and More than 5,000 Related Words*. Moscow: [s.n.] (in Russian).

Динни К. (ред.) (2013) *Брендинг территорий. Лучшие мировые практики*. М.: Манн, Иванов и Фарбер.

Dinnie K. (ed.) (2013) *Place Branding: Best International Practices*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (in Russian).

Душенко К.В. (2021) Увидеть и умереть: от Неаполя до Парижа. *Литературоведческий журнал*, 3: 188–200.

Dushenko K.V. (2021) To See and Die: From Naples to Paris. *Literaturovedcheskiy zhurnal* [Literary Studies Journal], 3: 188–200 (in Russian).

Ильин В.И. (2008) *Потребление как дискурс*. СПб.: Интерсоцис.

Ilyin V.I. (2008) *Consumption as Discourse*. St. Petersburg: Intersotsis (in Russian).

Ильин В.И. (2022) Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке). *Мир России*, 31(4): 6–32. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32>.

Ilyin V.I. (2022) Generational Situation: To Leave or to Stay? (Based on a Biographical Study in the Northern Hinterland). *Mir Rossii* [Universe of Russia], 31(4): 6–32. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32> (in Russian).

Лебедева С.А. (2023) Экономика впечатлений и туризм: постковидная перезагрузка в контексте социально-экономической безопасности страны. *Экономическая безопасность*, 6(2): 729–748.

Lebedeva S.A. (2023) Experience Economy and Tourism: Post-COVID Reboot in the Context of the Country's Socio-Economic Security. *Ekonomicheskaya bezopasnost* [Economic Security], 6(2): 729–748 (in Russian).

Лисенкова А.А., Ширинкина П.С. (ред.) (2023) *Туризм и креативные технологии в экономике впечатлений: Материалы практической конференции (с международным участием), 30 мая 2023 г.* Пермь: Пермский государственный институт культуры.

Lisenkova A.A., Shirinkina P.S. (eds.) (2023) *Tourism and Creative Technologies in the Experience Economy: Proceedings of the Practical Conference (with International Participation), May 30, 2023*. Perm: Perm State Institute of Culture (in Russian).

Лысикова О. (2008) *Социокультурные практики туризма: социологический анализ*. Саратов: Саратовский государственный технический университет.

Lysikova O. (2008) *Sociocultural Practices of Tourism: A Sociological Analysis*. Saratov: Saratov State Technical University (in Russian).

Лысикова О. (2011) *Российский туризм: глобальное и локальное*. Саратов: Саратовский государственный технический университет.

Lysikova O. (2011) *Russian Tourism: The Global and the Local*. Saratov: Saratov State Technical University (in Russian).

Макканелл Д. (2016) *Турист: новая теория праздного класса*. М.: Ад Маргинем Пресс.

MacCannell D. (2016) *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Маркс К. (1955) К критике гегелевской философии права. Введение (конец 1843 г. — январь 1844 г.). В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Политиздат.

Marx K. (1955) Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right. Introduction (Late 1843–January 1844). In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Politizdat (in Russian).

Пайн Б.Д., Гилмор Д.Х. (2018) *Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие*. М.: Альпина Паблишер.

Pine B.J., Gilmore J.H. (2018) *The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage*. Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Покровский Н.Е., Черняева Т.И. (2008) *Туризм: от социальной теории к практике управления: учебное пособие*. М.: Логос.

Pokrovsky N.E., Chernyaeva T.I. (2008) *Tourism: From Social Theory to Management Practice: A Textbook*. Moscow: Logos (in Russian).

Сергеева Е.А. (2021) *Технология и организация туроператорской и турагентской деятельности: учебное пособие*. Симферополь: Ариал.

Sergeeva E.A. (2021) *Technology and Organization of Tour Operator and Travel Agency Activities: A Textbook*. Simferopol: Arial (in Russian).

Урри Дж. (2005) Взгляд туриста и глобализация. В: *Массовая культура: Современные западные исследования*. М.: Прагматика культуры: 136–150.

Urry J. (2005) The Tourist Gaze and Globalization. In: *Mass Culture: Contemporary Western Studies*. Moscow: Pragmatika kulturey: 136–150 (in Russian).

Черевичко Т.В. (2016) *Экономика впечатлений: учебное пособие*. Саратов: Саратовский государственный университет.

Cherevichko T.V. (2016) *The Experience Economy: A Textbook*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Щупленков Н.О., Щупленков О.В. (2023) Паломничество и религиозный туризм в Греции: традиционные практики в современном мире. Лисенкова А.А., Ширинкина П.С. (ред.) *Туризм и креативные технологии в экономике впечатлений: Материалы практической конференции (с международным*

участием), 30 мая 2023 г. Пермь: Пермский государственный институт культуры: 341–352.

Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. (2023) Pilgrimage and Religious Tourism in Greece: Traditional Practices in the Modern World. In: Lisenkova A.A., Shirinkina P.S. (eds.) *Tourism and Creative Technologies in the Experience Economy: Proceedings of the Practical Conference (with International Participation), May 30, 2023*. Perm: Perm State Institute of Culture: 341–352 (in Russian).

Boorstin D. (1961) *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*. New York: Harper & Row.

Capocchi A., Vallone C., Amaduzzi A., Pierotti M. (2019) Overtourism: A Literature Review to Assess Implications and Future Perspectives. *Sustainability*, 11(12). <https://doi.org/10.3390/su11123303>

Cohen E. (1984) The Sociology of Tourism: Approaches, Issues, and Findings. *Annual Review of Sociology*, 10: 373–392. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.10.080184.002105>

Gössling S., McCabe S., Chen N.C. (2020) A Socio-Psychological Conceptualisation of Overtourism. *Annals of Tourism Research*, 84(4): 102976. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102976>

Hanna S. (2021) Place and Destination Branding: A Review and Conceptual Mapping of the Domain. *European Management Review*, 18(2): 105–117. <https://doi.org/10.1111/emre.12433>

Kavaratzis M. (2005) City Branding: An Effective Assertion of Identity or a Transitory Marketing Trick? *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 96(5): 506–514. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2005.00482.x>

MacCannell D. (1973) Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings. *American Journal of Sociology*, 79(3): 589–603.

Ota H. et al. (2004) Le syndrome de Paris: une réaction aiguë au choc culturel chez les touristes japonais, *Nervure*, 17(3): 45–52.

Pine B.J., Gilmore J. (1999) *The Experience Economy*. Harvard Business School Press, Boston.

Richards G., Wilson J. (2006) Developing Creativity in Tourist Experiences: A Solution to the Serial Reproduction of Culture? *Tourism Management*, 27(6): 1209–1223. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2005.06.002>

Richards G. (2020) Designing Creative Places: The Role of Creative Tourism. *Annals of Tourism Research*, 85: 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102922>

Rickly J., Sharma N., Canavan B. (2025) Authenticity: The State of the Art in Tourism Geographies. *Tourism Geographies*, 27(3–4): 528–537. <https://doi.org/10.1080/14616688.2023.2290017>

Salazar N.B. (2012) Tourism Imaginaries: A Conceptual Approach. *Annals of Tourism Research*, 39(2): 863–882. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2011.10.004>

Smith L. (2006) *Uses of Heritage*. London; New York: Routledge.

Tunbridge J.E., Ashworth G.J. (1996) *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester: J. Wiley.

Urry J., Larsen J. (2011) *The Tourist Gaze 3.0*. Sage.

Источники

Грамота.ру — справочно-информационный портал о русском языке <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/slovar-trudnostey/turistskiy-i-turisticheskiy> (дата обращения: 12.08.2024).

Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/] (дата обращения: 12.08.2024).

World Tourism Organization (WTO) (1995) *Collection of Tourism Expenditure Statistics*. [<http://pub.unwto.org/WebRoot/Store/Shops/Infoshop/Products/1034/1034-1.pdf>] (дата обращения: 12.08.2024).

TOURIST ATTRACTIONS IN THE EXPERIENCE ECONOMY

Vladimir I. Ilyin (ivi-2002@yandex.ru)

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Ilyin V. (2026) Tourist attractions in the experience economy. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 90–118 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.4> EDN: DRULWY

Abstract. The purpose of this article is to conceptualize tourism as a sector of the experience economy. Currently, the bureaucratic understanding of tourism in terms of mobility prevails, stemming from the convenience of governance and statistical accounting. This article defines tourism as a sector of the experience economy, comprising leisure mobility practices aimed at obtaining impressions from visiting places of interest (attractions). A tourist impression is the “aftertaste” that remains from visiting an attraction. One returns to the attraction in memory after the trip has ended; impressions are materialized in photographs, videos, and souvenirs; they are recounted to friends in person and shared with an indefinite audience through blogs. Tourist attractions are places deemed worthy of visitation. Their classification is possible along various dimensions, one of which is the sphere in which their construction takes place: religion, socio-political and socio-economic relations, artistic culture, historical memory, and the natural environment. The essence of marketing lies in transforming a product (that which has been created) into a commodity that finds a buyer. An attraction becomes a tourist commodity when its drawing power is reinforced by the ability of potential consumers to take advantage of this offering. An attraction is not merely a natural object or a relic of the past. It is a social construct, the creation of which comprises several stages:

(1) the formation of a compelling geographical myth through the education system, mass culture, mass media, online platforms, and advertising; (2) the development of transportation infrastructure that renders the object accessible (roads, passenger services); (3) the establishment of a hospitality industry (hotels, campsites, cafés, and restaurants); (4) the training of personnel specializing in local history, folklore, and tour guiding; (5) the organization of appealing events; and (6) the production of souvenir goods. The construction of tourist attractions constitutes a form of investment in territorial development and in the development of a post-agrarian and post-industrial experience economy.

Keywords: experience economy, tourism, attraction, mobility, social construction of an attraction, post-agrarian and post-industrial economies, staged (performative) ethnicity.

Acknowledgments

The study was conducted at HSE University with support from the Russian Science Foundation Grant No. 24-68-00055 “From the Past to the Future: Rural Communities in the Context of Post-Agrarian Transformations.”

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГОРОДА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Даниил Константинович Гугуев (daniilguguev@gmail.com)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Цитирование: Гугуев Д.К. (2026) Социологическое осмысление города в региональных исследованиях раннесоветского периода. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 119–149. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.5> EDN: DSNYKK

Аннотация. В центре внимания статьи находится социологическое наследие участников региональных эмпирических исследований 1920-х гг., которые изучали городскую жизнь в ее культурно-историческом измерении. Научный вклад, внесенный ими в развитие отечественной социологии города как особой области социологического знания, до сих пор не получил широкого освещения в российской социологической литературе, что и предопределяет научную значимость проблематики статьи. Цель настоящего исследования — выявить социально-исторические предпосылки социологического изучения города в рамках региональных исследований раннесоветских годов, выделить его теоретико-методологические особенности, а также осуществить критическое осмысление его результатов. Автором обоснована методология исследования, которую составляет историко-социологический анализ, то есть комплексный анализ социологических построений, учитывающий одновременно внутринаучные и вненаучные факторы их возникновения и развития. Показана роль советского краеведения 1920-х гг. в разработке городской проблематики в региональной плоскости. Отмечено, что научные труды рассматриваемых отечественных авторов, хотя и создавались для решения прикладных задач, в то же самое время содержали обоснование оригинальной методологии эмпирических социологических исследований города на уровне его повседневности. Обозначены специфика, сильные и слабые стороны культурно-исторической перспективы социологического анализа городской повседневной жизни, предложенной в 1920-х гг. советскими регионаледами. Делается вывод о том, что сегодня эмпирические социологические исследования города, проводившиеся в русле раннесоветского краеведческого движения, в теоретическом и методологическом отношении представляют большой интерес, а также обладают серьезным эвристическим потенциалом в контексте современной социологии — как российской, так и зарубежной.

Ключевые слова: отечественная социология города, краеведение, региональные исследования, город, городское сообщество, городская повседневность, экскурсия, фланер.

Постановка проблемы

Раннесоветские годы оказались периодом серьезных испытаний для отечественной социологии. Уже в 1920-х гг. в условиях жесткого идеологического диктата институционализация социологической науки, развитие ее теоретико-методологических основ были существенно ограничены и поставлены под контроль советской власти (Осипова 2005: 36–44). Несмотря на это, в указанное время проводились многочисленные социологические исследования, которые далеко не всегда признавались в качестве таковых, но фактически ими и являлись. Ученые из самых разных областей научного знания занимались проблемами общественного устройства, тенденциями социального развития и т.д. и тем самым выступали социологами.

Начиная с 1920-х гг. в нашей стране осуществлялись главным образом эмпирические социологические исследования, поскольку в данный период роль господствующей идеологии и теоретического фундамента для осмысления социальной реальности начал играть марксизм-ленинизм. Примечательно, что в 1920-х гг. в контексте эмпирической социологии в СССР активно изучалась общественная жизнь в городах, вследствие чего шло интенсивное развитие такой области социологического знания, как социология города.

Следует отметить, что история социологии города раннесоветского периода в отечественной науке освещена частично. Основное внимание как в СССР, так и в современной России уделялось анализу социологических концепций города, сформировавшихся в рамках дискуссии о социалистическом расселении конца 1920-х — начала 1930-х гг. (Хазанова 1980; Измоденова 1989; Яницкий 1998; Яницкий 2016; Меерович 2017; Григорьева 2025). Однако гораздо реже анализировались результаты социологической разработки городской проблематики, проводившейся на протяжении всех 1920-х гг. вне указанной полемики. Малоизученными оказались, в частности, концептуальные построения советских ученых, рассматривавших город с социологической точки зрения на базе региональных исследований. Речь идет о культурно-исторической перспективе в осмыслении городской жизни, которой придерживалось большое число обществоведов. Среди них: И.М. Гревс, А.А. Коленкин, Н.П. Анциферов, Т.Н. Анциферова, Н.К. Пиксанов и другие (см., например: Гревс 1921; Коленкин 1924; Анциферов 1922; Анциферов 1926; Анциферов, Анциферова 1926а; Анциферов, Анциферова 1926б; Анциферов, Анциферова 1927; Пиксанов 1928). В своих научных произведениях они активно ссылались друг на друга и разделяли общие методологические принципы, благодаря чему в отечественной социологии города 1920-х гг. сложилось особое исследовательское

направление, характеризующееся в теоретико-методологическом отношении рядом особенностей.

Социологический компонент в научном наследии вышеуказанных авторов до сих пор не получил широкого отклика среди отечественных социологов. В некоторых социологических и антропологических трудах (Хазанова 1980; Яницкий 1987; Яницкий 1998; Яницкий 2016; Мазалова 2015; Шабает, Садохин, Лабунова, Сазонова 2018) анализируются лишь отдельные положения о городе, содержащиеся в концепциях упомянутых выше социальных мыслителей, а также уделяется недостаточное внимание изучению социально-исторического контекста возникновения и развития данных концептуальных построений, определению их места и роли в социологии города, оценке их эвристического потенциала. Потребность восполнить указанный пробел предопределяет цель настоящей статьи — выявить социально-исторические предпосылки социологического изучения города в региональных исследованиях раннесоветских годов, выделить его теоретико-методологические особенности, а также осуществить критическое осмысление его результатов на базе историко-социологического анализа.

Методология исследования

Методологию исследования составляет историко-социологический анализ, под которым подразумевается комплексный анализ социологических построений, соотнесенных с историческим контекстом их возникновения и развития. Многие специалисты в сфере историко-социологических исследований принимают во внимание не только внутренние (внутринаучные), но и внешние (внеаучные) факторы, не связанные напрямую с потребностями самой социологии и имманентной логикой развития ее идей и теорий (Голенкова, Гридчин 1998: 45; Козловский 2007: 129; Добренчиков, Полякова 2011: 28; Козловский, Браславский 2019: 64). Данный подход, как представляется, релевантен и для отечественной социологии города раннесоветского периода, поскольку в это время она находилась под серьезным влиянием политических и идеологических установок.

Среди социологов нет единства в понимании того, какие именно факторы следует относить к внешним. Во многом это объясняется тем, что на разных этапах развития российского общества те или иные факторы различались по степени своего воздействия на процесс социологического осмысления (Голенкова, Гридчин 1998: 58–59). В целом мыслители пишут о социальных, культурных, экономических, политических внеаучных факторах (Козловский 2007: 129; Козловский, Браславский 2019: 64), которые конкретизируются в соответствии с предметом и целями историко-социологического исследования.

В рамках настоящей статьи в ходе историко-социологического анализа к внешним причисляются следующие факторы:

- крупномасштабные исторические события, предопределившие особенности городской жизни в раннесоветском обществе и специфику ее социологического осмысления;
- социалистический строй, плановое начало которого обусловило особый подход к социологической разработке городской проблематики в раннесоветском обществе;
- политический и идеологический контекст развития науки в СССР, связанный с особым соотношением социальных групп в раннесоветские годы¹ (в данной работе рассматривается взаимодействие между большевистской властью и учеными-интеллигентами, оставшимися в России после Октябрьской революции).

При осмыслении проблемы взаимосвязи науки и власти уделяется внимание институционализации рассматриваемых концепций через указание на появление в 1920-х гг. особых исследовательских организаций, книжных и периодических изданий (Добренков, Полякова 2011: 35), на базе которых проводились социологические исследования города.

Вместе с тем в настоящей статье анализируются и внутринаучные факторы, поскольку отечественная социология города — особая область социологического знания, возникшая еще в царской России и демонстрировавшая в 1920-х гг. преемственность с дореволюционным периодом как в теоретическом, так и методологическом плане. В 1920-х гг. проводились преимущественно эмпирические социологические исследования города, в связи с чем используется подход к историко-социологическому анализу (Козловский, Браславский 2005: 40), в соответствии с которым выделяют изучавшиеся раннесоветскими обществоведами социальные проблемы, общественные процессы и институты, а также применявшиеся учеными 1920-х гг. методы их постижения и разрешения.

Следует отметить, что в 1920-х гг. отечественная социология города еще не сложилась как научная дисциплина в том виде, в каком она существует сегодня. Анализом городской общественной жизни в то время занимались представители различных наук, поэтому чрезвычайно важным является вычленение в их творчестве собственно социологических конструкций, что рассматривается российскими социологами в качестве одной из ключевых задач историко-социологического исследования,

¹ И.А. Голосенко в качестве одного из этапов историко-социологического анализа выделял «исследование социальной структуры определенной эпохи, основных социальных групп, классов, их соотношения, психологии и идеологии с целью установления социального смысла идей» (Козловский, Браславский 2005: 42).

особенно в случае осмысления начальных периодов становления и развития социологической науки (Добреньков, Полякова 2011: 31). Указанная задача решается следующим образом:

- выделяются социологические понятия в концептуальных построениях раннесоветских обществоведов, а для их обозначения применяются принятые в современном социологическом сообществе термины, так как в 1920-х гг. в рамках отечественной социологии города не сформировался стройный терминологический аппарат;
- выявляются теоретико-методологические особенности изучаемых раннесоветских социологических концепций. Для этого производится их сравнение с социологическими теориями классиков западной социологии, которые получили серьезное освещение в российской науке. В методологическом плане подобный сравнительный анализ является оправданным, поскольку как в дореволюционные (Гугуев 2024: 73), так и в раннесоветские годы наблюдалось взаимопроникновение идей в отечественной и западной социологии города. Методологическое своеобразие эмпирического анализа городской общественной жизни, содержащегося в научных трудах обществоведов 1920-х гг., характеризуется с точки зрения современных представлений о методологии социологических исследований.

Единицей историко-социологического анализа служит научное направление (Осипова 2018: 15), то есть ряд социологических построений, созданных различными раннесоветскими обществоведами, которых объединяли общие методологические принципы, связанные с культурно-исторической перспективой социологического осмысления городской проблематики.

Для оценки эвристического потенциала концепций, являющихся предметом статьи, осуществляется их критический анализ, в том числе с учетом критических замечаний, высказанных отечественными социальными мыслителями еще в раннесоветский период. С этой же целью автор на основе теоретико-методологических и тематически-проблемных сходств сопоставляет рассматриваемые социологические исследования города 1920-х гг. с более поздними исследованиями как отечественных, так и западных социологов.

Основные результаты

Причины развития социологии города в региональных исследованиях раннесоветского периода

Социологические идеи о городе обществоведов, чье научное творчество находится в центре внимания данной статьи, стали складываться

в дореволюционное время (Гревс 1910), однако именно в 1920-х гг. они получили свое концептуальное оформление. Во многом это стало возможным вследствие рождения в 1920-х гг. краеведческого движения, к которому принадлежали рассматриваемые мыслители.

В рамках научного дискурса понятие краеведения имеет различные дефиниции. Так, С.О. Шмидт полагал, что краеведение представляет собой науку и научно-популяризаторскую деятельность, в ходе которой постигается прошлое и настоящее какого-либо «края», то есть местности, причем в этой деятельности могут участвовать как ученые, так и местные жители. Исследователь, понимая краеведение весьма широко, не связывал его с конкретным периодом в истории нашей страны и, в частности, относил к краеведческим практикам изучение земель Российской империи, которое осуществлялось историками, экономистами, географами и т.д. еще в XVIII веке (Шмидт 1997: 155–156). Тем не менее в настоящей статье мы придерживаемся более узкой трактовки краеведения и понимаем под ним особое явление в социальной, политической и интеллектуальной жизни советского общества 1920-х гг., когда, собственно, и стал употребляться термин «краеведение».

Краеведение — проект организации научной и образовательной деятельности, существовавший в 1920-х — начале 1930-х гг. при поддержке советского государства. Согласно М.В. Лоскутовой, краеведение ранне-советского периода стало официальным выражением артикулированной в 1900–1910 гг. в среде отечественных географов программы выявления природного, культурного, экономического разнообразия России путем сплошного порайонного изучения ее территории средствами самоорганизующихся научных обществ на местах. Эта программа была связана с возникновением в начале XX века прикладных наук, развивавшихся не в университетской среде, а в государственных учреждениях и в структурах местного земского и городского самоуправления, что способствовало организации научной деятельности в провинции (Лоскутова 2011: 85, 103). Данная тенденция усилилась в годы Гражданской войны, когда многие ученые вынужденно переехали из центральных городов на периферию, в результате чего включились в работу местных научных организаций (Шмидт 1997: 157–158; Лоскутова 2011: 87).

Исторические события после октября 1917 года создали для развития науки серьезные препятствия, связанные с недостаточным финансированием, невозможностью полноценной научной коммуникации и т.д. Решить эти проблемы могли пришедшие к власти большевики, для которых организация краеведения в общегосударственном масштабе представляла определенный интерес. Так, по мнению С.О. Шмидта, В.И. Ленин и нарком

просвещения А.В. Луначарский видели в поддержке краеведения инструмент для налаживания связей между советским руководством и интеллигенцией, а также для привлечения последней к реализации культурно-просветительской политики и решению задач социалистического строительства. Институционализация краеведения позволила многим людям, занимавшимся интеллектуальным трудом, найти применение своим профессиональным навыкам, а также включиться в сферы деятельности, соответствующие социально-политической конъюнктуре 1920-х гг., одной из которых являлась охрана историко-культурного наследия страны (Шмидт 1997: 157–158).

В результате в начале 1920-х гг. под эгидой советской власти возникло краеведение как «массовое историко-культурное движение», развитие которого прекратилось на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с усилением идеологического диктата в СССР и т.д. Тем не менее в течение 1920-х гг. проводились научно-краеведческие конференции, а также распространялись краеведческие издания (например, журнал «Краеведение»).

Краеведческое движение 1920-х гг. было внутренне неоднородным и состояло из представителей как естественных, так и социально-гуманитарных наук. Во многом это предопределило междисциплинарный характер научных изысканий ученых краеведческой направленности. При этом, как замечала М.В. Лоскутова, основоположниками и идеологами краеведческого движения были географы, для которых единицей анализа выступали естественные регионы, объединяющие «всю совокупность природных и культурных факторов, чье внутреннее единство поддается визуальному наблюдению» (Лоскутова 2011: 111). В связи с этим краеведческие исследования 1920-х гг. являлись региональными. Однако среди раннесоветских краеведов были социальные мыслители (И.М. Гревс, А.А. Коленкин, Н.П. Анциферов, Т.Н. Анциферова, Н.К. Пиксанов и другие), которые придерживались иных методологических принципов и обнаруживали региональные особенности на основе социологического изучения города, причем предметом их осмысления служили не столько географические, сколько культурно-исторические особенности городской общественной жизни. Тем не менее эти ученые смогли органично вписаться в краеведение, поскольку развивали экскурсионный подход к анализу городской проблематики, связанный со школьным преподаванием географии (Лоскутова 2011: 110).

Краеведческое движение 1920-х гг. имело не только научную, но и педагогическую ориентацию, поскольку советская власть уделяла много внимания развитию народного образования. Так, Н.К. Крупская занималась подготовкой теоретических и методических материалов, связанных

с организацией краеведческой работы в школе, и, в частности, подчеркивала важную роль экскурсионных мероприятий в просвещении народных масс (Озеров 2021: 51–52). Примечательно, что в образовательных программах по обществоведению 1920-х гг. в СССР, согласно Н.П. Анциферову, содержались тематические блоки, непосредственно связанные с городом (Анциферов 1926: 4–6). Поэтому неудивительно, что участники региональных исследований указывали на возможность использования их трудов о городе в просветительских целях (Гревс 1921: 21; Коленкин 1924: 5, 30–31; Анциферов 1926: 4–6; Анциферов, Анциферова 1926а: 25–26; Анциферов, Анциферова 1927: 6). Они полагали, что образовательная направленность их творчества позволит приобщить народ к развитию городов, что было особенно важно для раннесоветского общества, в котором сельское население являлось преобладающим.

Участники краеведческого движения и большевики придавали большое значение изучению городской жизни по той причине, что урбанизация рассматривалась в качестве социального процесса, обеспечивающего материальную основу для строительства социалистического общества за счет появления и развития городов как центров промышленности (Мионов 1925: 214–215; Анциферов 1926: 88; Анциферов, Анциферова 1927: 86). Урбанистический кризис в Российской империи на рубеже XIX и XX столетий (Гузев 2025), революционные события 1917 года, Гражданская война — все эти моменты разрушительным образом сказались на городах, с неустроенностью которых в конечном счете столкнулось молодое советское государство.

Закономерно, что в 1920-х гг. наблюдался активный рост исследовательского интереса к прикладным аспектам городской проблематики, прежде всего к различным направлениям городского благоустройства, которые получили освещение и в творчестве исследователей региональных аспектов городской жизни в ее культурно-исторической плоскости. Важным условием для проведения городского благоустройства краеведы считали привлечение широких слоев населения. Однако гражданам страны, в которой исторические городские формы общественной жизни были менее развиты по сравнению с сельскими, нужно было разъяснять основные принципы конструирования городской среды. Так, П.В. Мионов писал: «Градоустройство и благоустройство поселений настолько близко и непосредственно затрагивает интересы масс населения, настолько часто может входить в коллизию с частными интересами граждан, с их привычками, с их миропониманием, что, уже по одному этому, для более легкого проведения мероприятий по градоустройству в жизнь, необходима широкая популяризация основных принципов градоустройства среди

масс населения, необходимо, так сказать, сознательное и доброжелательное соучастие населения в проведении намеченных мер» (Миронов 1925: 218). Очевидно, что просветительская направленность раннесоветских ученых, чьи работы анализируются в настоящей статье, могла помочь в решении обозначенной задачи.

Культурно-историческая перспектива социологического изучения городской проблематики в раннесоветских региональных исследованиях: теоретико-методологические особенности

Осмысление городской общественной жизни в региональных исследованиях, явившись одним из направлений исследовательской деятельности краеведческого движения, в то же самое время оказалось важным компонентом отечественной социологии города раннесоветского периода. В связи с этим рассуждения обществоведов, занимавшихся изучением региональных аспектов, необходимо рассматривать в сопоставлении с концептуальными построениями социальных мыслителей, которые осуществляли социологическую разработку городской проблематики вне краеведческих организаций.

Различных раннесоветских обществоведов объединяло понимание города в качестве «города будущего». Концепция «города будущего» имманентно присутствовала в эмпирических социологических исследованиях города в СССР как 1920-х, так и 1930-х гг. и выражалась в стремлении предложить модель будущего городского поселения, которая отвечала бы потребностям советского общества. Устремленность в будущее, возникшая в отечественной социологии города еще в дореволюционный период (Протопопов 1909а; Протопопов 1909b) во многом благодаря восприятию утопической концепции города-сада Э. Говарда (Гоуард 1911), сохранялась и в первые годы существования советского государства, поскольку органично сочеталась с плановым началом социалистического строя¹. Закономерно, что раннесоветские обществоведы (Гинзбург 1924; Шестаков 1925; Диканский 1926; Велихов 1996 [1928]), в том числе и те, кто имел отношение к краеведческому движению (Анциферов 1926: 60–61), осмысливали город с опорой на говардовские идеи, разделяя либо отвергая их.

Необходимо подчеркнуть, что ученые, изучавшие региональные аспекты городской жизни, в отличие от большинства других раннесоветских

¹ Так, национализация земель в СССР обеспечила практическую возможность городского планирования и тем самым способствовала развитию представлений об урбанизации раннесоветского общества как контролируемом и созидаемом социальном процессе.

социальных мыслителей, реализовывали познавательную ориентацию не только на будущее (Хазанова 1980: 26–27), но и на прошлое. Помимо концептуализации «города будущего», они также проявляли интерес к осмыслению истории городов и их культурного потенциала. Во многом это объясняется тем фактом, что среди участников региональных исследований советского города были историки, филологи, культурологи.

Раннесоветские обществоведы, разрабатывая региональные вопросы, одними из первых в отечественной социологии задали культурно-историческую перспективу постижения городской жизни, расширив предметную сферу социологии города детальным и всесторонним анализом различных аспектов городской повседневности. Включение в анализ повседневности городских обитателей существенно увеличивало познавательные возможности, поскольку позволяло постигать историю и культуру города в их неразрывном единстве. Дело в том, что городская повседневность исторична, так как с развитием общества меняется город и его социальная жизнь. Вместе с тем городская культура укоренена в повседневности горожан, которые наделяют обыденные вещи и действия общезначимыми смыслами и ценностями, в результате чего формируется культурный слой городского социума.

Некоторые отечественные ученые связывали труды участников краеведческого движения, изучавших города в 1920-х гг., с культурологической проблематикой (Шмидт 1997: 162; Шмидт 2010: 560), однако, на наш взгляд, их научные произведения демонстрировали в первую очередь социологический ракурс рассмотрения города. В частности, И.М. Гревс писал, что город необходимо познавать как «коллективное существо», так как городская жизнь выстраивается из многообразной деятельности людей, взаимодействующих друг с другом. Социолог полагал, что городские обитатели организуются воедино на основе социальных связей и отношений, примером чего, по его мнению, служат старые города Запада, представлявшие собой сложные городские коммуны, члены которых объединялись на базе соседства, общих профессиональных интересов, религии (Гревс 1921: 28–29).

Фактически в рамках советских региональных исследований 1920-х гг. сформировалось представление о городе как о сообществе, являвшееся, по замечаниям современных российских мыслителей, основополагающим уже для западной классической социологии XIX — начала XX века (Вершинина 2024: 27). Н.П. Анциферов, развивая идеи И.М. Гревса, подчеркивал неразрывную связь города с населяющим его обществом (Анциферов 1926: 16), тем самым указывая на то, что предметом его социологического анализа служил не просто город, а городское сообщество.

Изучение повседневности городского сообщества в ее культурно-историческом измерении во многом предполагает фундаментальную направленность социологического исследования, однако научное творчество раннесоветских ученых отличалось прикладной ориентацией в силу их принадлежности к краеведческому движению, которое решало поставленные советской властью задачи по реализации культурно-просветительской политики и выявлению материальных ресурсов для социалистического строительства. Именно под таким углом зрения участники региональных исследований 1920-х гг. осмысливали городскую проблематику. Тем не менее они внесли значимый вклад в развитие отечественной социологии города, предложив методологию эмпирического изучения городского сообщества на уровне его повседневной жизни.

Раннесоветские обществоведы в ходе разработки региональных вопросов рассматривали городскую повседневность как комплексный социальный феномен, предлагая анализировать ее пространственные, темпоральные и символические параметры, а также повседневные практики горожан. При анализе всех этих аспектов они использовали разнообразные методы социального познания, включая качественные методы социологического исследования (Осипова 2019: 237–239), главным образом наблюдение и вторичный анализ данных, содержащихся в различного рода документах (официальных, исторических, литературных и т.д.).

Участники региональных исследований 1920-х гг. считали, что необходимо исследовать городскую повседневность с различных сторон. В обобщенном виде данная позиция нашла отражение в разработанной Н.П. Анциферовым программе изучения города, которая включает в себя несколько разделов, соответствующих разным методологическим подходам к анализу городского сообщества.

Первый раздел — это анатомия города (Анциферов 1926: 30–82), в рамках которой осмыслиются физические и материальные аспекты городской жизни, в частности, ее пространственная организация. Так, раннесоветские обществоведы указывали на важность учета городской планировки, которая, по их мнению, характеризует особенности социально-исторического развития города, а также оказывает серьезное влияние на его социальную жизнь (Гревс 1921: 25–26; Анциферов 1922: 24; Коленкин 1924: 76, 83, 137; Анциферов 1926: 52–63). В частности, Н.П. Анциферов замечал, что «османизация» Парижа привела к значительным социальным последствиям, разрушив старые и узкие кривые улочки, которые, в отличие от прямых и широких улиц, благоприятствовали образованию сплоченного городского сообщества с огромным революционным потенциалом (Анциферов 1926: 62–63). Интересно, что спустя десятилетия

социологи, как российские (Пригорьева 2021: 30, 38), так и зарубежные (Sennett 1996: 324–338), аналогичным образом усматривали социально-политический смысл в градостроительных мероприятиях барона Османа.

Исходя из размышлений отечественных обществоведов 1920-х гг., изучение анатомии города обеспечивается кабинетной работой (анализом исторических карт города и т.д.), результаты которой могут быть закреплены наблюдением (например, созерцанием города с высоты птичьего полета) (Гревс 1921). Важно заметить, что ученые, осмыслявшие региональные вопросы в 1920-х гг., считали необходимым анализировать городское пространство в рамках экскурсионных мероприятий. При этом экскурсия для них служила скорее не методом, а методикой, означающей «привязку одного или комбинацию нескольких методов и соответствующих процедур к исследованию» (Осипова 2019: 230). В представлении раннесоветских социальных мыслителей экскурсионная деятельность подразумевает применение не только метода наблюдения, но и метода анализа документов, поскольку, по их мнению, для успешного проведения экскурсии у ее участников должна быть хорошая предварительная подготовка, связанная с освоением исторической, социологической и прочей литературы по городской проблематике (Гревс 1921: 24–34; Коленкин 1924: 30–31; Анциферов 1926: 6).

Ученые 1920-х гг. в нашей стране полагали, что пространство и время городской повседневности тесно переплетены с ее символическим содержанием. Они указывали на то, что материальная ткань города — это не просто физический объект, это также сложное символическое образование, составляющее неразрывное целое с городским сообществом. Согласно им, элементы городского пространства играют роль особых символов, обеспечивающих временную связанность городской повседневной жизни, иными словами, единство ее прошлого, настоящего и будущего.

Так, участники региональных исследований 1920-х гг. писали о важности изучения в рамках экскурсий городской архитектуры, которая, по их мнению, обладает огромным символическим значением, поскольку в ней находят свое материальное выражение многие социальные процессы и явления. Они считали, что архитектурные репрезентации города отражают различные исторические периоды общественного развития, и поэтому рассматривали архитектурный компонент городского пространства в качестве важного материала для изучения истории и культуры города (Анциферов 1922: 47–48; Анциферов 1926: 130; Анциферов, Анциферова 1927: 10; Коленкин 1924: 15; Пиксанов 1928: 66–67). В частности, раннесоветские ученые писали, что уникальный архитектурный облик Петербурга хранит память о многих выдающихся личностях России

и несет на себе следы великих событий, определивших направление социально-исторической трансформации российского общества (Гревс 1921: 27).

Обществоведы в 1920-х гг. в СССР утверждали, что нужно исследовать все разнообразие типов архитектурных объектов, включая заводы, больницы, мосты и т.д. (Гревс 1921: 28). При этом они настаивали на том, что для всестороннего постижения городской повседневности нельзя ограничиваться рассмотрением одних только архитектурных сооружений, так как ценные сведения об истории жизнедеятельности городского сообщества и его культуре может также дать изучение городской топонимики, а вместе с ней музыкальных и литературных произведений, в которых освещаются те или иные стороны городской жизни (Гревс 1921: 28; Анциферов 1926: 142–147).

Как видно из вышесказанного, одна из главных идей в произведениях раннесоветских социологов, проводивших региональные исследования, заключается в том, что город является музеем под открытым небом, репрезентирующим историю развития общества. В соответствии с этим отечественные социальные мыслители в 1920-х гг. также говорили о необходимости сохранения историко-культурного наследия в городе (Анциферов 1926: 141–142), что согласовывалось с содержанием деятельности краеведческого движения в СССР 1920-х гг. Тем не менее данная точка зрения является крайне актуальной и сегодня, поскольку городское пространство, перестраиваясь под современные нужды, нередко лишается ценных архитектурных памятников.

Следует заметить, что аналогичная траектория социологического изучения города позднее прослеживалась в творчестве крупных западных ученых — Л. Мамфорда, А. Лефевра, Р. Сеннета, Й. Терборна (Mumford 1938; Lefebvre 1947–1981; Sennett 1977; Therborn 2017), которые тоже подчеркивали важность культурной и исторической функций городского сообщества. Однако если западные социальные мыслители исследовали городскую жизнь главным образом на примере европейских и американских городов, то отечественные социологи 1920-х гг. уделяли много внимания российским городам. В этом отношении раннесоветские исследования представляют самостоятельный интерес, поскольку обращены непосредственно к российскому городскому материалу, тогда как применимость зарубежных концепций к российской социальной действительности требует дополнительной проверки.

Второй раздел программы Н.П. Анциферова — физиология города (Анциферов 1926: 83–123), в контексте которой изучаются особенности выполнения городским сообществом различных функций через анализ

его социальной структуры. Последнюю так же, как историю и культуру города, участники раннесоветских региональных исследований считали нужным рассматривать на уровне городской повседневности (Пиксанов 1928: 62–69). Интересно, что физиология города, исходя из их размышлений, тесно связана с анатомией города прежде всего с пространственной конфигурацией последнего. В частности, они указывали на возможность изучения классового расслоения в городе посредством анализа системы расселения людей в различных городских районах (Анциферов 1926: 20, 83), что во многом перекликается с социально-экологическим подходом, предложенным представителями Чикагской школы социологии города (Park 1967). При этом они исследовали не только социально-классовую, но и социально-профессиональную структуру городского сообщества, что было закономерно в условиях раннесоветского общества, в котором трудящиеся составляли основную массу населения.

Так, Н.П. Анциферов писал, что городское сообщество распадается на множество профессиональных групп, выполняющих различные функции города (торгово-промышленную, административную, военную, духовную и т.д.) на базе соответствующих социальных организаций (учреждений, предприятий). Деятельность последних, согласно ученому, является важной составляющей городской повседневности и поэтому также должна изучаться. Н.П. Анциферов считал необходимым осмысливать всевозможные аспекты функционирования социальных организаций, начиная от их материально-технической базы и расположения в городском пространстве и заканчивая рутинными трудовыми практиками работающих в них горожан (Анциферов 1926: 83–123).

Советские исследователи 1920-х гг. подчеркивали важность изучения как трудовых, так и досуговых практик городских жителей, причем досуг связывался ими не только с развлекательными мероприятиями, но также с образованием, оздоровительными процедурами и т.д. Они предлагали наблюдать за повседневной деятельностью городских кинематографов, цирков, танцевальных залов, библиотек, лечебных центров и прочих досуговых учреждений, удовлетворяющих социально значимые потребности городского сообщества (Анциферов 1926: 106–108). Очевидно, что изучение указанных моментов имело прикладное значение, так как позволяло на основе эмпирических данных оценивать эффективность функционирования социальных институтов в раннесоветском городе и формировать целостное представление о социально-профессиональной структуре городского населения в СССР.

Следует отметить, что после возрождения советской социологии в 1960-х гг. вопросы, связанные с социальной структурой городского

сообщества, продолжили активно разрабатываться в трудах многих ведущих социологов, в числе которых О.И. Шкаратан, В.О. Рукавишников, Н.А. Аитов, В.Г. Мордкович, М.Х. Титма и другие (Шкаратан, Рукавишников 1974; Аитов, Мордкович, Титма 1988). В этом смысле социологические исследования города в рамках раннесоветских региональных исследований предвосхитили важные направления изучения городской проблематики в отечественной социологии города.

Хотя для многих участников региональных исследований 1920-х гг. приоритетными были качественные методы социального познания, в полной мере соответствовавшие культурно-исторической направленности их научных изысканий, количественные социологические методы также применялись ими для изучения городского сообщества, в частности, для выявления специфики его функционирования в период НЭПа. К примеру, А.А. Коленкин указывал на то, что во время экскурсий по российским городам ученые в 1920-х гг. прибегали к анкетному опросу, который позволял им получать социальную информацию о занятиях, материальном положении, интересах горожан и т.д. (Коленкин 1924: 62–63). В книге этого социального мыслителя мы находим описание разных этапов количественного социологического исследования города, включая составление выборки, взаимодействие с респондентами, статистическую обработку анкетного материала, представление полученных результатов в виде диаграмм (Коленкин 1924: 70).

Наконец, третий раздел программы изучения городской проблематики, выделяемый Н.П. Анциферовым, — психология города, в русле которой постигается «душа» города, его «лик», «облик». Речь идет о синтетической характеристике городского сообщества, которая основана на исторически сложившемся единстве его различных элементов (городской пейзаж, социальный уклад городских жителей и т.д.), обуславливающих его индивидуальность. Фактически в рамках третьего раздела суммируются знания об анатомии и физиологии города, результатом чего становится формирование целостного представления о последнем (Анциферов 1926: 124–148).

Синтетический подход к изучению городской жизни, на который опирались раннесоветские участники региональных исследований 1920-х гг., укоренен в литературной традиции. По мнению Н.П. Анциферова, художники слова на страницах своих книг конструировали образ города, рассматривая во взаимосвязи его различные составляющие — жизнедеятельность городского сообщества, символически нагруженное городское пространство и т.п. Советский ученый в 1920-х гг. и позднее демонстрировал комплексный характер осмысления города в творчестве целого ряда как зарубежных (О. де Бальзак, В. Гюго, Ч. Диккенс, Э. Верхарн и другие),

так и российских (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой и другие) писателей, тем самым обосновывая возможность использования литературных источников при социологической разработке городской проблематики (Анциферов 1922; Анциферов 2009 [1944]). Современные российские социологи также указывают на то, что социологическая концепция может иметь как научную, так и вненаучную форму, в связи с чем, по их мнению, социологическое видение содержится в творчестве не только ученых, но и писателей, публицистов, художников (Козловский 2007: 132).

Раннесоветские обществоведы, исследовавшие региональные вопросы, полагали, что для целостного восприятия города необходимо сочетать наблюдение за городским пространством с анализом литературных материалов о городской жизни, при этом они не связывали метод наблюдения исключительно с экскурсионными мероприятиями. Отечественные социологи 1920-х гг., подчеркивая огромную роль экскурсионной деятельности в изучении городского сообщества, в то же время указывали на важность первых общих впечатлений о городе, особенно если человек находится в нем впервые (Коленкин 1924: 19). Н.П. Анциферов, например, считал, что систематическому исследованию городской жизни должна предшествовать бесцельная прогулка по городу, в ходе которой ученый воспринимает элементы городской повседневности во всей их неповторимой целостности (Анциферов 1926: 131–132). Во многом это напоминает повседневную практику фланерства, возникшую в западноевропейских капиталистических городах XIX века.

Обычно научное осмысление фланерства как особого метода постижения городской повседневности связывают с именем В. Беньямина, что не совсем верно, поскольку параллельно с немецким мыслителем концептуализацией данного социального феномена успешно занимались представители социально-гуманитарных наук и в нашей стране. Примечательно, что и В. Беньямин, и отечественные обществоведы исследовали фланерство на базе литературного материала, нередко обращаясь к одним и тем же писателям и поэтам. В частности, Н.П. Анциферов находил фигуру праздно странствующего по городу фланера в произведениях О. де Бальзака, Ч. Диккенса, на которых ссылаясь и немецкий ученый (Беньямин 2004: 79–122). Однако, в отличие от В. Беньямина, Н.П. Анциферов также описывал фланера Ф.М. Достоевского и сравнивал его с бальзаковским и диккенсовским фланерами. Согласно социальному мыслителю, если фланеры западных авторов изучают город как огромный социальный организм, живущий своей жизнью, то фланер великого русского писателя постигает прежде всего себя и свою душу через восприя-

тие города (Анциферов 2009 [1944]: 274), что фактически означает наличие личностного измерения городской повседневности.

Как известно, глубокий интерес к личности свойственен не только русской художественной литературе, но и отечественной социологии в целом, так как «в России значительно раньше, чем на Западе, социологи обратились к разработке теории личности, к постановке психологических исследований и подведению под социологию психологического фундамента» (Кукушкина 2006: 114). Н.П. Анциферов также оставил свой след в истории социологического анализа личности, выявив личностный уровень городской жизни посредством рассмотрения творчества русских писателей-урбанистов.

В 1920-х гг. многие социальные мыслители, создавая концепцию «города будущего», предлагали осмысливать различные составляющие городской жизни как взаимосвязанные части, образующие систему. В концептуальных построениях раннесоветских обществоведов В.Э. Хазанова вычленяла «бионический» аспект, связанный с поисками «глубоких сопоставлений целесообразного в живой природе и в архитектуре, в данном случае желание применить полезно-сходственное и родственное в них не только для объяснения характера сложившихся городов, но и для создания новых» (Хазанова 1980: 31). В раннесоветский период системный подход к социологическому анализу городской проблематики нашел выражение в концептуализации отечественными учеными города как социального организма, элементы которого зависят друг от друга и образуют единство.

Необходимо подчеркнуть, что различными раннесоветскими учеными придавалось несколько разное звучание органицистским идеям. Так, например, М.Я. Гинзбург писал, что архитектурные стили города обуславливаются его органической сущностью (Гинзбург 1924: 27). М.Г. Диканский понимал город как социальный организм, чьи органы обеспечивают процесс циркуляции в городском пространстве (Диканский 1926: 13–14).

Органицистское прочтение городской проблематики было характерно и для участников региональных исследований 1920-х гг. Согласно Н.П. Анциферову, наиболее релевантным для социологического осмысления города является органический подход. Он писал, что городское сообщество представляет собой особый социальный организм, причем данное понятие применялось им и другими раннесоветскими деятелями науки в качестве образного выражения, подчеркивающего сходство между городом и живым существом. Н.П. Анциферов полагал, что, как и в случае с живым организмом, «мы можем говорить о рождении, стихийном росте и о смерти города, мы можем вскрыть в нем ядро, определяющее этот рост» (Анциферов 1926: 17). Такое видение города обуславливало

разнонаправленность социологического осмысления города на базе раннесоветских региональных исследований, в которых освещались вопросы о генезисе и истории города, причинах и факторах его роста и развития и т.д.

В отличие от многих раннесоветских обществоведов, социологи, причастные к краеведческому движению, понимали город как исторически сложившийся культурный организм. Город рассматривался ими как «лаборатория», «приемник», «хранитель» культуры (Гревс 1921: 21), что соответствовало культурно-исторической перспективе их социологического анализа городской жизни. Однако, как и другие отечественные социальные мыслители, участники региональных исследований связывали органицизм с системным подходом. Согласно Н.П. Анциферову, элементы города находятся в органической связи друг с другом, гибель одного из элементов оказывает влияние на все целое. Он отмечал, что город есть большая и сложная система, состоящая из различных органов, взаимосвязанных между собой и приспособленных к осуществлению цели социального характера (Анциферов 1926: 17).

Комплексный и системный принцип понимания города согласовывался с принципом междисциплинарности, применявшимся в раннесоветских региональных исследованиях. Изучение города с позиций различных наук предполагает анализ всевозможных аспектов деятельности городского сообщества, которые, по мнению отечественных ученых 1920-х гг., необходимо осмысливать как взаимосвязанные части, образующие систему. В частности, И.М. Гревс полагал, что городская жизнь складывается из многообразных сторон (экономической, вещественно-бытовой, социальной, политической, умственной, художественной и т.д.), которые должны быть познаны в отдельности и в единстве (Гревс 1921: 28).

Так, о междисциплинарном подходе к изучению городского сообщества свидетельствуют разработанные раннесоветскими обществоведами программы проведения экскурсий по городам, которые включают в себя тематические блоки, касающиеся взаимосвязи природных условий и городской жизни, общественно-политической, административной и стратегической роли города, экономической деятельности его жителей, социального состава городского населения и т.д. (Коленкин 1924: 13–15). Представляется, что междисциплинарный синтез во многом был обусловлен принадлежностью отечественных исследователей городской проблематики к краеведческому движению 1920-х гг., которое, как было замечено нами ранее, образовывали представители не только естественных, но и социально-гуманитарных наук.

Тем не менее междисциплинарность — это один из дискуссионных моментов в научном творчестве раннесоветских обществоведов, изучавших городскую жизнь в региональной плоскости. В их научных трудах не встречается четкое методологическое обоснование построения междисциплинарных связей. Их апелляция к естественнонаучному знанию носила декларативный характер, тогда как основной их исследовательский интерес был связан с социологическим изучением городского сообщества в его культурно-исторической перспективе.

Некоторые отечественные обществоведы 1920-х гг. критиковали применение органицизма при разработке городской проблематики. В частности, Л.А. Велихов выступал против аналогий, проводимых раннесоветскими органицистами между элементами городской среды и живым организмом. Подобные рассуждения о городе, по его мнению, «относятся к области поэзии, художественной публицистики и лишены теоретического значения» (Велихов 1996 [1928]: 79). Действительно, следует признать метафоричность научных произведений участников региональных исследований 1920-х гг. Ими часто применялись слабо операционализируемые понятия, многие из которых не получали четких дефиниций, не разводились между собой, причем для их обозначения употреблялись весьма специфические термины («физиономия города», «облик города», «биография города», «судьба города», «психика города», «личность города» и т.д.) (Гревс 1921; Анциферов 1922).

«Поэтизация» понятийно-категориального аппарата в творчестве раннесоветских обществоведов, исследовавших региональные аспекты городской жизни, усложняет восприятие их концептуальных построений, но вместе с тем позволяет выявить их методологические особенности. Как представляется, эти особенности обусловлены следованием «литературному» подходу, как его называл И.М. Гревс (Гревс 1921: 27). Так, многие использовавшиеся ими в рамках органицизма понятия («физиология города», «физиономия города», «душа города» и другие) на самом деле имели литературное происхождение. Например, участники региональных исследований 1920-х гг. обращались к работам из сборника под редакцией Н.А. Некрасова «Физиология Петербурга» (Некрасов 1844–1845), которые, по их мнению, рисуют широкую и правдивую картину повседневной жизни различных слоев городского населения в российском обществе XIX столетия. Нетрудно заметить, что Н.П. Анциферов понимал в схожем ключе «физиологию города», связывая ее с социальной структурой городского сообщества.

Таким образом, «литературный» подход предопределил методологическое своеобразие концепции города как социального организма,

нашедшей отражение в трудах социальных мыслителей, принадлежавших к краеведческому движению в СССР 1920-х гг. Данный вариант органицизма самобытен и, в частности, имеет мало общего с широко известной органицистской методологией социального познания, разработанной Г. Спенсером (Спенсер 1877). Как и английский классик социологии, раннесоветские участники региональных исследований использовали органицистскую модель в качестве метафоры, а также пытались обнаружить системные свойства общественной жизни. Однако Г. Спенсер и отечественные ученые придерживались различных философско-мировоззренческих положений о природе социальной реальности.

Спенсеровский органицизм, наряду с теоретическими построениями О. Конта, Э. Дюркгейма, соответствует позитивистскому проекту социологии, в рамках которого социальная реальность анализируется по аналогии с природной реальностью, а социологическая наука, подобно естественнонаучным дисциплинам, выявляет социальные законы и закономерности функционирования общества (Полякова 2015: 52–56). «Еще один вариант *научной социологии* был связан с именем К. Маркса» (Добренчиков, Полякова 2011: 40), также предполагавшего наличие общественных законов.

Участники региональных исследований 1920-х гг., напротив, уделяли много внимания изучению культуры городского сообщества в ее историческом контексте. Опора на литературный материал обусловила «понимающий» характер их социологического анализа городской жизни, так как художественная литература, подобно любому другому виду искусства, имеет дело со смысловой реальностью, состоящей из символов, ценностей и прочих социокультурных феноменов. Они, в отличие от раннесоветских ученых, разделявших принципы марксизма-ленинизма при социологическом изучении городской проблематики (Бухарин 1920; Велихов 1996 [1928]), подчеркивали, что занимались не установлением точных социальных законов и закономерностей городской жизни, а ее типологическим описанием (Анциферов 1926: 46; Анциферов, Анциферова 1926а: 6), что соответствовало понимающей социологии Г. Зиммеля и М. Вебера (Полякова 2015: 52–56), на чьи работы по социологии города они неоднократно ссылались. Знакомство отечественных социальных мыслителей с научными трудами упомянутых немецких социологов вполне закономерно, поскольку они переводились на русский язык до и после Революции 1917 года (Зиммель 1905; Вебер 1923), а также служили предметом соответствующих историко-социологических исследований, осуществлявшихся в СССР в 1920-х гг. (Неусыхин 1923; Стоклицкая-Терешкович 1925а; Стоклицкая-Терешкович 1925b).

«Литературный» подход, применявшийся раннесоветскими обществоведами, в методологическом плане не лишен изъянов, связанных с метафоричностью и неоднозначностью используемых понятий, но в то же время данный подход характеризуется наличием эвристического потенциала. Ученые 1920-х гг. в СССР показали, что в ходе анализа образа города, существующего на страницах литературных произведений, обнаруживаются типичные черты городской жизни, что, в свою очередь, дает возможность выйти на уровень социологических обобщений. Более того, обращение к литературным источникам позволило представителям социально-гуманитарных наук даже после 1930-х гг. в условиях жестких идеологических запретов в советском государстве разрабатывать городскую проблематику в социологическом ракурсе.

Так, Н.П. Анциферов в своей литературоведческой диссертации, защищенной в 1944 году, сравнивал рассуждения о городской жизни Ф. Энгельса и Ф.М. Достоевского, демонстрируя социологическую перспективу в осмыслении города последним. Очевидно, что апелляция к идеям основоположников марксизма имела идеологическую подоплеку, вместе с тем необходимо подчеркнуть, что Ф. Энгельс — автор классического социологического исследования города. Речь идет о его широко известной работе «Положение рабочего класса в Англии» (Engels 1845), на которую Н.П. Анциферов как раз и ссылался. В связи с этим сопоставительный анализ, предпринятый отечественным ученым, представляет определенный интерес с социологической точки зрения. Благодаря рассуждениям Н.П. Анциферова можно увидеть, что Ф.М. Достоевский, как и марксистский социолог, указывал на разобщенность городского сообщества, вызванную капиталистическими отношениями, отмечал деструктивное воздействие большого города на здоровье и нравственный облик его обитателей и т.д., тем самым внося значимый вклад в социологическое понимание особенностей городской жизни XIX столетия (Анциферов 2009 [1944]: 44–51). Примечательно, что в конце 1920-х гг. Н.К. Писанов относил Ф.М. Достоевского к категории писателей-урбанистов, воспитанных на городской культуре (Писанов 1928: 54), поэтому кажется неслучайным высокий интерес к творчеству этого великого русского литератора со стороны отечественных обществоведов, осуществлявших социологическую разработку городской проблематики.

Высказанное позволяет заметить, что культурно-историческая перспектива осмысления городского сообщества в трудах отечественных обществоведов 1920-х гг., созвучная понимающей социологии, противоречила базовым положениям марксизма-ленинизма. Интересно, что еще в начале 1920-х гг. вопросы, касающиеся культурно-исторической состав-

ляющей городского сообщества, занимали центральное место в работах исследователей регионов нашей страны, тогда как во второй половине 1920-х гг., по мере усиления идеологического контроля в СССР, наблюдалась некоторая переориентация их научного анализа с «надстройки» на «базис» городской жизни. Так, раннесоветские социальные мыслители со временем начали все чаще указывать на важность экономических аспектов функционирования города, а также пытаться включить некоторые элементы марксистско-ленинской методологии в свои рассуждения. В частности, Н.П. Анциферов и Т.Н. Анциферова в книге, изданной в 1926 г., писали о нескольких стадиях генезиса города, напоминающих общественно-экономические формации, выделенные К. Марксом (первобытный город-село, феодальный город, город эпохи развития торгового капитала, город эпохи промышленного и финансового капитала) (Анциферов, Анциферова 1926а: 7). Тем не менее участники региональных исследований продолжали и впредь, вплоть до разгрома краеведческого движения и институционального вытеснения социологии как самостоятельной научной дисциплины в 1930-х гг., детально анализировать культурно-исторические процессы городского сообщества, тогда как разработка городской проблематики в рамках марксистско-ленинского учения об обществе осуществлялась ими на довольно поверхностном уровне и была связана скорее со стремлением вписаться в идеологические рамки раннесоветского государства.

Выводы

В раннесоветские годы было проведено большое количество эмпирических социологических исследований города, которые позволяли выходить на уровень теоретических обобщений, давали возможность судить об особенностях и тенденциях социального развития городских сообществ и тем самым вырисовывали детальную картину социального пространства советских городов того времени. Однако эти исследования различались между собой теоретико-методологическими основами, из-за чего в рассматриваемый период так и не сложилась единая и целостная социологическая теория, объясняющая городскую жизнь в СССР. Впрочем, подобное положение дел было характерно для всей отечественной социологии, поскольку, согласно З.Т. Голенковой и Ю.В. Гридчину, усиливался разрыв между, с одной стороны, социологами-эмпириками, применявшими различные методологические принципы, далекие от марксизма, и, с другой стороны, марксистскими теоретиками, стремившимися догматизировать марксистское учение об обществе (Голенкова, Гридчин 1998: 53). Очевидно, что это вело к появлению различных вариантов концептуализации

социальных процессов и явлений, что отчетливо видно на примере отечественной социологии города 1920-х гг., которая содержательно пополнялась как марксистскими, так и немарксистскими аналитическими схемами.

В статье предпринята попытка историко-социологического анализа научного наследия участников раннесоветских региональных исследований городских сообществ, которое до настоящего времени не получило детального освещения в социологической литературе. Несмотря на то что научные труды по социологии города социальных мыслителей, разрабатывавших региональные вопросы, демонстрировали прикладную ориентацию, а также некоторую политическую и идеологическую ангажированность, они представляют несомненный интерес для современной социологии и обладают высоким эвристическим потенциалом.

Во-первых, советские обществоведы, принадлежавшие к краеведческому движению 1920-х гг., одними из первых в отечественной социологии задали культурно-историческую перспективу осмысления городской жизни, включив в предметную область социологии города детальный и всесторонний анализ городской повседневности.

Во-вторых, представители социально-гуманитарных наук в рамках региональных исследований 1920-х гг. внесли значимый вклад в развитие методологии эмпирического социологического изучения городского сообщества в его культурно-историческом измерении.

В-третьих, их заслуга состоит также в формировании целостного представления о городе как сложной социальной системе, которое является основополагающим и для социологов, изучающих городскую жизнь в наши дни (Расходчиков 2024: 51).

Таким образом, социологическое осмысление города, предпринятое в 1920-х гг. учеными в рамках региональных исследований в СССР, существенно обогатило в теоретико-методологическом плане отечественную социологию города, став важной вехой в истории ее развития.

Литература / References

Аитов Н.А., Мордкович В.Г., Титма М.Х. (ред.) (1988) *Советский город. Социальная структура*. М.: Мысль.

Aitov N.A., Mordkovich V.G., Titma M.Kh. (eds.) (1988) *The Soviet City: Social Structure*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Анциферов Н.П. (1922) *Душа Петербурга*. Петербург: Брокгауз-Ефрон.
Antsiferov N.P. (1922) *The Soul of St. Petersburg*. Petersburg: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П. (1926) *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*. Л.: Книгоиздательство «Сеятель» Е.В. Высоцкого.

Antsiferov N.P. (1926) *Ways of Studying the City as a Social Organism: An Attempt at an Integrated Approach*. Leningrad: Seyatel' Publishing House of E.V. Vysotsky (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1926а) *Книга о городе. I. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1926a) *The Book of the City. I: The City as an Expression of Changing Cultures. Pictures and Characteristics*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1926b) *Книга о городе. II. Современные города*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1926b) *The Book of the City. II: Modern Cities*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П., Анциферова Т.Н. (1927) *Книга о городе. III. Жизнь города*. Л.: Брокгауз-Ефрон.

Antsiferov N.P., Antsiferova T.N. (1927) *The Book of the City. III: The Life of the City*. Leningrad: Brockhaus-Efron (in Russian).

Анциферов Н.П. (2009 [1944]) *Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций*. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

Antsiferov N.P. (2009 [1944]) *Problems of Urbanism in Russian Literature: An Attempt to Construct the Image of the City — Dostoevsky's Petersburg — through an Analysis of Literary Traditions*. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS (in Russian).

Беньямин В. (2004) Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. В: Белобратов А.В. (ред.) *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Symposium: 47–234.

Benjamin W. (2004) Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism. In: Belobratov A.V. (ed.) *Masks of Time: Essays on Culture and Literature*. St. Petersburg: Symposium: 47–234 (in Russian).

Бухарин Н.И. (1920) *Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса*. М.: Государственное издательство.

Bukharin N.I. (1920) *The Economics of the Transition Period. Part I: General Theory of the Transformation Process*. Moscow: State Publishing House (in Russian).

Вебер М. (1923) *Город*. Петроград: Наука и школа.

Weber M. (1923) *The City*. Petrograd: Nauka i shkola (in Russian).

Велихов Л.А. (1996 [1928]) *Основы городского хозяйства*. М.: Наука.

Velikhov L.A. (1996 [1928]) *Foundations of Municipal Economy*. Moscow: Nauka (in Russian).

Вершинина И.А. (2024) *Социальные отношения в большом городе*. М.: Центр этнических и международных исследований.

Vershinina I.A. (2024) *Social Relations in the Big City*. Moscow: Center for Ethnic and International Studies (in Russian).

Гинзбург М.Я. (1924) *Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры*. М.: Государственное издательство.

Ginzburg M.Ya. (1924) *Style and Epoch: Problems of Modern Architecture*. Moscow: State Publishing House (in Russian).

Голенкова З.Т., Гридчин Ю.В. (1998) Историко-социологическая проблематика. В: Ядов В.А. (ред.) *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН: 45–69.

Golenkova Z.T., Gridchin Yu.V. (1998) Historical and Sociological Issues. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences: 45–69 (in Russian).

Гоуард Э. (1911) *Города будущего*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».

Howard E. (1911) *Garden Cities of To-Morrow*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za (in Russian).

Гревс И.М. (1910) *К теории и практике «экскурсий», как орудия научного изучения истории в университетах*. СПб.: Сенатская типография.

Grevs I.M. (1910) *On the Theory and Practice of "Excursions" as a Tool for the Scientific Study of History at Universities*. St. Petersburg: Senate Printing House (in Russian).

Гревс И.М. (1921) Монументальный город и исторические экскурсии. *Экскурсионное дело*, 1: 21–34.

Grevs I.M. (1921) The Monumental City and Historical Excursions. *Ekskursionnoe delo* [Excursion Studies], 1: 21–34 (in Russian).

Григорьева Е.А. (2021) «Османизация» Парижа и ее социальные последствия. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 1: 25–40.

Grigorieva E.A. (2021) "Haussmannization" of Paris and Its Social Consequences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 1: 25–40 (in Russian).

Григорьева Е.А. (2025) Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе. *Социологические исследования*, 51(6): 65–77. <https://doi.org/10.7868/S3034601025060067>

Grigorieva E.A. (2025) Myopia after Utopia: Features of Contemporary Ideas about the Ideal City. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 51(6): 65–77. <https://doi.org/10.7868/S3034601025060067> (in Russian).

Гугуев Д.К. (2024) Особенности становления и развития отечественной социологии города в XIX — начале XX века. *Социология*, 7: 71–78.

Guguev D.K. (2024) Features of the Formation and Development of Russian Urban Sociology in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Sotsiologiya* [Sociology], 7: 71–78 (in Russian).

Гугуев Д.К. (2025) Урбанистический кризис XIX — начала XX в. в отечественных социологических исследованиях города дореволюционного периода. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 31(4): 135–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-135-149>

Guguev D.K. (2025) The Urban Crisis of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries in Russian Sociological Studies of the City in the Pre-Revolutionary Period. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 31(4): 135–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-4-135-149> (in Russian).

Диканский М.Г. (1926) *Проблемы современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилищ.* М.: Вопросы труда.

Dikansky M.G. (1926) *Problems of Modern Cities: Traffic in Big Cities. The Housing Crisis.* Moscow: Voprosy truda (in Russian).

Добренков В.И., Полякова Н.Л. (2011) Методология анализа историко-социологического процесса. Критерии его периодизации. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 27–43.

Dobrenkov V.I., Polyakova N.L. (2011) Methodology for Analyzing the Historical-Sociological Process: Criteria for Its Periodization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 1: 27–43 (in Russian).

Зиммель Г. (1905) Большие города и духовная жизнь. В: *Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение.* СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение»: 117–136.

Simmel G. (1905) The Metropolis and Mental Life. In: *Big Cities: Their Social, Political, and Economic Significance.* St. Petersburg: Prosveshchenie: 117–136 (in Russian).

Измоленова Н.Н. (1989) Концепция социализма в градостроительных теориях 20–30-х годов XX века. В: Голенкова З.Т., Витюк В.В. (ред.) *История становления советской социологической науки в 20–30-е годы: сборник статей.* М.: Институт социологии: 155–165.

Izmodenova N.N. (1989) The Concept of Socialism in Urban Planning Theories of the 1920s–1930s. In: Golenkova Z.T., Vityuk V.V. (eds.) *The History of the Formation of Soviet Sociology in the 1920s–1930s.* Moscow: Institute of Sociology: 155–165 (in Russian).

Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2005) От академической истории социологии к историко-социологическому изучению России: творчество И.А. Голосенко. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 8(1): 40–53.

Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2005) From the Academic History of Sociology to the Historical-Sociological Study of Russia: The Work of I.A. Golosenko. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 8(1): 40–53 (in Russian).

Козловский В.В. (2007) Сектор истории российской социологии. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, 1(31): 129–137.

Kozlovsky V.V. (2007) The Sector for the History of Russian Sociology. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development], 1(31): 129–137 (in Russian).

Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2019) Ленинградская мозаика советской социологии. В: Горшков М.К. (ред.) *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 17. М.: Новый Хронограф: 61–82. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.3>

Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2019) Mosaic Sociology in Leningrad. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Russia Reforming: Yearbook*. Issue 17. Moscow: Novyy Khronograf: 61–82. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.3> (in Russian).

Коленкин А.А. (1924) *Русский город и его роль в прошлом и настоящем. Дальняя экскурсия. Опыт организации дальней экскурсии на основе самостоятельности учащихся. Из работ Московского музейно-экскурсионного института*. Л.: Путь к знанию.

Kolenkin A.A. (1924) *The Russian City and Its Role in the Past and Present: A Long-Distance Excursion. An Experiment in Organizing an Excursion Based on Students' Independent Activity*. Leningrad: Put' k znaniyu (in Russian).

Кукушкина Е.И. (2006) Русская социология и западная наука (XIX — начало XX вв.). *Социологические исследования*, 3: 113–119.

Kukushkina E.I. (2006) Russian Sociology and Western Science (Nineteenth–Early Twentieth Centuries). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 113–119 (in Russian).

Лоскутова М.В. (2011) «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. *Ab Imperio*, 2: 83–121. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0063>

Loskutova M.V. (2011) “A Science of Regional Scale”: The Idea of Natural Regions in Russian Geography and the Origins of the Local Studies Movement of the 1920s. *Ab Imperio*, 2: 83–121. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0063> (in Russian).

Мазалова Н.Е. (2015) «Опальный принц в империи лотков и суеты»: чувствования горожан в современном Петербурге. В: Соколовский С. (ред.) *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*. М.: ИЭА РАН: 123–138.

Mazalova N.E. (2015) “A Disgraced Prince in the Empire of Stalls and Bustle”: The Feelings of City Dwellers in Contemporary St. Petersburg. In: Sokolovsky S. (ed.) *Innovations in Anthropology: New Directions, Objects, and Methods in Russian Anthropological Research*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS: 123–138 (in Russian).

Меерович М.Г. (2017) *Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку*. М.: Новое литературное обозрение.

Meerovich M.G. (2017) *Urban Planning Policy in the USSR (1917–1929): From the Garden City to the Departmental Workers' Settlement*. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Миронов П.В. (1925) Краеведение в вопросах градоустройства. *Краеведение*, 2(3–4): 211–218.

Mironov P.V. (1925) Local Studies in Urban Planning. *Kraevedenie* [Local Studies], 2(3–4): 211–218 (in Russian).

Некрасов Н.А. (ред.) (1845) *Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов (с политипажами)*. СПб.: Издание книгопродавца А. Иванова.

Nekrasov N.A. (ed.) (1845) *The Physiology of Petersburg, Compiled from the Works of Russian Writers*. St. Petersburg: A. Ivanov (in Russian).

Неусыхин А.И. (1923) Социологическое исследование Макса Вебера о городе. *Под знаменем марксизма*, 8–9: 219–250.

Neusykhin A.I. (1923) Max Weber's Sociological Study of the City. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 8–9: 219–250 (in Russian).

Озеров А.Г. (2021) *Краеведение. Методические аспекты*. М.: Юный краевед.

Ozerov A.G. (2021) *Local Studies: Methodological Aspects*. Moscow: Yuny kraeved (in Russian).

Осипова Н.Г. (2005) Советские ученые в борьбе за конституирование социологической дисциплины. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 36–58.

Osipova N.G. (2005) Soviet Scholars in the Struggle for the Institutionalization of Sociology as a Discipline. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 1: 36–58 (in Russian).

Осипова Н.Г. (2018) *Западная социология в XX столетии. Ключевые фигуры, направления и школы*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Osipova N.G. (2018) *Western Sociology in the Twentieth Century: Key Figures, Trends, and Schools*. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya (in Russian).

Осипова Н.Г. (2019) *Современная социологическая теория. В 2 ч. Ч. 1*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Osipova N.G. (2019) *Contemporary Sociological Theory. In 2 Parts. Part 1*. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya (in Russian).

Пиксанов Н.К. (1928) *Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар*. М.; Л.: Государственное издательство.

Piksanov N.K. (1928) *Regional Cultural Centers: A Historical and Local Studies Seminar*. Moscow; Leningrad: State Publishing House (in Russian).

Полякова Н.Л. (2015) Методологический плюрализм и структура социологической теории. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 4: 50–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68>

Polyakova N.L. (2015) Methodological Pluralism and the Structure of Sociological Theory. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*

[Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 4: 50–68. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-4-50-68> (in Russian).

Протопопов Д.Д. (1909a) Города будущего. *Городское дело*, 17: 853–867.

Protopopov D.D. (1909a) Cities of the Future. *Gorodskoe delo* [Municipal Affairs], 17: 853–867 (in Russian).

Протопопов Д.Д. (1909b) Города будущего. *Городское дело*, 18: 907–916.

Protopopov D.D. (1909b) Cities of the Future. *Gorodskoe delo* [Municipal Affairs], 18: 907–916 (in Russian).

Расходчиков А.Н. (2024) Семантика коммуникативной среды города — информационные технологии городского дизайна. *Речевые технологии*, 1: 49–57.

Raskhodchikov A.N. (2024) Semantics of the Urban Communication Environment: Information Technologies of Urban Design. *Rechevyte tekhnologii* [Speech Technologies], 1: 49–57 (in Russian).

Спенсер Г. (1877) *Основания социологии. В 2 т. Т. 2.* СПб.: Издание И.И. Библина: 497–897.

Spencer H. (1877) *The Principles of Sociology. In 2 Vols. Vol. 2.* St. Petersburg: I.I. Bilibin: 497–897 (in Russian).

Стоклицкая-Терешкович В.В. (1925a) Город с историко-социологической точки зрения. *Печать и революция*, 1: 62–78.

Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. (1925a) The City from a Historical-Sociological Perspective. *Pechat' i revolyutsiya* [Press and Revolution], 1: 62–78 (in Russian).

Стоклицкая-Терешкович В.В. (1925b) Город с историко-социологической точки зрения. *Печать и революция*, 3: 109–118.

Stoklitskaya-Tereshkovich V.V. (1925b) The City from a Historical-Sociological Perspective. *Pechat' i revolyutsiya* [Press and Revolution], 3: 109–118 (in Russian).

Хазанова В.Э. (1980) *Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего.* М.: Наука.

Khazanova V.E. (1980) *Soviet Architecture of the First Five-Year Plan: Problems of the City of the Future.* Moscow: Nauka (in Russian).

Шабает Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. (2018) Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3: 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. (2018) Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13> (in Russian).

Шестаков С.С. (1925) *Большая Москва.* М.: Издание М.К.Х.

Shestakov S.S. (1925) *Greater Moscow.* Moscow: M.K.Kh. (in Russian).

Шкаратан О.И., Рукавишников В.О. (1974) Социальная структура населения советского города и тенденции ее развития. *Социологические исследования*, 2: 44–48.

Shkaratan O.I., Rukavishnikov V.O. (1974) The Social Structure of the Soviet Urban Population and Trends in Its Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 44–48 (in Russian).

Шмидт С.О. (1997) Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов. Шмидт С.О. *Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии*. М.: РГГУ: 153–166.

Shmidt S.O. (1997) Local Studies in the Scientific and Public Life of Russia in the 1920s. In: Shmidt S.O. *The Path of a Historian: Selected Works on Source Studies and Historiography*. Moscow: Russian State University for the Humanities: 153–166 (in Russian).

Шмидт С.О. (2010) Краеведение. *Большая Российская энциклопедия: в 35 т.* Т. 15. М.: Большая Российская энциклопедия: 558–561.

Shmidt S.O. (2010) Local Studies. In: *Great Russian Encyclopedia. In 35 Vols.* Vol. 15. Moscow: Great Russian Encyclopedia: 558–561 (in Russian).

Яницкий О.Н. (1987) *Экологическая перспектива города*. М.: Мысль.

Yanitsky O.N. (1987) *The Ecological Perspective of the City*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Яницкий О.Н. (1998) Социология города. В: Ядов В.А. (ред.) *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН: 148–159.

Yanitsky O.N. (1998) Urban Sociology. In: Yadov V.A. (ed.) *Sociology in Russia*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences: 148–159 (in Russian).

Яницкий О.Н. (2016) История городской социологии в России: эволюция идей. *Социологические исследования*, 8: 117–126.

Yanitsky O.N. (2016) The History of Urban Sociology in Russia: The Evolution of Ideas. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 117–126 (in Russian).

Engels F. (1845) *Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigener Anschauung und authentischen Quellen*. Leipzig: Otto Wigand.

Lefebvre H. (1947–1981) *Critique de la vie quotidienne*. 3 vols. Paris: Grasset; L'Arche.

Mumford L. (1938) *The Culture of Cities*. New York: Harcourt, Brace and Company.

Park R.E. (1967) Human Ecology. In: Turner R.H. (ed.) *On Social Control and Collective Behavior: Selected Papers*. Chicago: University of Chicago Press: 69–84.

Sennett R. (1977) *The Fall of Public Man*. New York: Alfred A. Knopf.

Sennett R. (1996) *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*. New York; London: W.W. Norton & Company.

Therborn G. (2017) *Cities of Power: The Urban, the National, the Popular, the Global*. London; New York: Verso.

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDINGS OF THE CITY IN REGIONAL STUDIES OF THE EARLY SOVIET PERIOD

Daniil K. Guguev (daniilguguev@gmail.com)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Citation: Guguev D. (2026) Sociological understandings of the city in regional studies of the early Soviet period. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 119–149 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.5> EDN: DSNYKK

Abstract. The article focuses on the sociological heritage, created by participants in regional empirical research in the 1920s, who studied urban life in its cultural and historical dimension. The scientific contribution they have made to the development of Russian urban sociology as a special field of sociological knowledge has not yet been widely covered in the Russian sociological literature, which determines the scientific significance of the article's problem. The purpose of the research is to identify the socio-historical prerequisites for the sociological study of the city within the framework of regional studies of the early Soviet years, to highlight its theoretical and methodological features, as well as to carry out a critical understanding of its results. The research methodology is based on historical-sociological analysis, understood as a comprehensive analysis of sociological concepts that takes into account both intra-scientific and extra-scientific factors in their emergence and development. The role of the Soviet local history of the 1920s in the development of urban issues in a regional context is shown. It is noted that the scientific works of the Russian authors under consideration, although they were created to solve applied problems, at the same time contained the substantiation of the original methodology for empirical sociological urban research at the level of urban everyday life. The specifics, strengths and weaknesses of the cultural and historical perspective of the sociological analysis of urban everyday life, proposed by Soviet regional scientists in the 1920s, are outlined. It is concluded that today empirical sociological urban studies, conducted in the context of the early Soviet local history movement, are of great interest theoretically and methodologically, and also have serious heuristic potential within the framework of modern sociology, both Russian and foreign.

Keywords: Russian urban sociology, local history, regional studies, city, urban community, urban everyday life, excursion, flaneur.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: КЕЙС АРХАНГЕЛЬСКА

Илья Федорович Верещагин (i.vereschagin@narfu.ru),
Инга Михайловна Зашихина (i.zashikhina@narfu.ru),
Семен Андреевич Фефилатьев (posyalub@gmail.com)

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Цитирование: Верещагин И.Ф., Зашихина И.М., Фефилатьев С.А. (2026) Социальные технологии в развитии городской среды: кейс Архангельска. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 150–178.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.6> EDN: DVPOXW

Аннотация. В статье анализируются социальные технологии участия граждан в развитии городской среды на примере Архангельска. Особое внимание уделяется адаптации концепции «умного города» к вызовам, характерным для Арктики. Под социальными технологиями авторы понимают как формальные регулятивные процедуры, инициируемые муниципальными органами, так и неформальные практики, складывающиеся в гражданской среде; и те и другие призваны способствовать переходу от технократического управления к субъект-субъектному взаимодействию с локальными сообществами. Эмпирическую базу составляют восемь полуструктурированных экспертных интервью с представителями муниципальной власти, архитекторами, инженерами и городскими активистами. Выявлены структурные барьеры участия, которые приобретают особое значение в условиях арктических агломераций. Природно-климатические условия рассматриваются как физическое препятствие для очной консолидации жителей, что требует целенаправленного создания крытых коммуникативных пространств. Обосновывается тезис о том, что «умная» повестка в Арктике должна начинаться не с цифровых интерфейсов, а с восстановления базовых систем жизнеобеспечения и внедрения механизмов коллаборативного планирования. Такой подход предполагает формирование долгосрочного доверия посредством прозрачного институционального закрепления результатов участия и позволяет переводить жителей из положения пассивных объектов проектных решений в статус полноправных субъектов развития северных территорий.

Ключевые слова: социология города, социальные технологии, общественное участие, «умный город», северные города, цифровизация, гражданское вовлечение, Арктика

Введение

В социологии города давно отмечается, что проблемы устойчивого развития и энергосбережения, характерные для урбанизированных территорий в целом, в арктических агломерациях сочетаются с иными, более острыми вызовами. К ним относятся длительная депопуляция, устойчивый миграционный отток населения, особенно трудоспособного возраста, и критический износ инженерной инфраструктуры, который в северных широтах становится прямым фактором риска для жизнеобеспечения. Поэтому на первый план выходит не столько внедрение цифровых инструментов само по себе, сколько поиск социальных механизмов, способных гибко реагировать на изменения, стабилизировать человеческий капитал и поддерживать работоспособность городских систем в условиях «сжимающегося пространства» и высокой климатической уязвимости (Богданов 2024; Soroudi et al. 2024). Работа с этими вызовами предполагает отход от технократических управленческих моделей в пользу социально ориентированного проектирования, направленного на удержание кадров и обеспечение социальной включенности в арктической зоне (Секушина 2022; Карагулян 2020).

В последние годы в российских и зарубежных исследованиях по социологии города и урбанистике активно обсуждаются возможности использования концепции «умного города» для повышения качества городской среды, в том числе за счёт цифровизации управления, развития платформ электронного участия и внедрения новых форм координации стейкхолдеров (Бардин 2024). При этом всё больше работ подчеркивают, что «умный город» — это не только совокупность технологических решений, но и система социальных отношений, основанная на активном участии жителей и их взаимодействии с органами власти и бизнесом (Веретенникова, Семячков 2022; Бардин 2024).

Настоящая работа представляет собой эмпирическое исследование ограничений и возможностей применения концепции «умного города» к развитию Архангельска через призму социальных технологий. Географические, климатические и исторические особенности города существенно влияют на процессы городского развития и требуют адаптивных, социально ориентированных подходов к управлению территорией. Архангельск представляет собой характерный для российской Арктики пример старопромышленного, климатически уязвимого и инфраструктурно изношенного города, где одновременно реализуются федеральные проекты «Умный город» и «Формирование комфортной городской среды» и сохраняются патерналистские модели управления.

Эмпирические исследования партисипаторного градостроительства в российских северных городах пока немногочисленны и фрагментарны; чаще они посвящены отдельным кейсам Мурманска, Норильска, Баренц-региона или городов Северо-Западного федерального округа в целом (Веретенникова, Семячков 2022; Кенжаева и др. 2024). Анализ практик общественного участия и социальных технологий в Архангельске позволяет частично восполнить дефицит эмпирических данных о северных городах и уточнить применимость существующих концептуализаций «умного города» к арктическому контексту.

В данном исследовании под социальными технологиями понимаются способы организации взаимодействия участников совместной деятельности, которые одновременно повышают надежность городских систем и создают предпосылки для улучшения социальных последствий принимаемых решений (Демидов, Юдина 2025). Социотехнический эффект возникает не автоматически: технология приобретает социальный характер лишь тогда, когда ее результат обусловлен активностью индивидов и степенью их кооперации. Поэтому речь идет не только об административных регламентах, но и о гибкой системе возможностей для реализации гражданских инициатив и практик соучастного проектирования (Преликова 2021). В арктических условиях такие механизмы призваны преодолевать отчуждение между жителями и властью и ограничивать имитационные формы вовлечения. Их конечная задача — поддерживать становление локального сообщества как коллективного субъекта городского развития (Богданов 2024; Преликова 2021).

Для разграничения ключевых понятий в исследовании используются следующие рабочие определения. Социальные технологии понимаются как организованные процедуры и правила взаимодействия власти, профессиональных сообществ и горожан; гражданское участие — как совокупность форм вовлечения жителей, включая инициативы «снизу». Цифровые платформы трактуются как технический и коммуникативный инструмент, обеспечивающий сбор информации и взаимодействие, но не заменяющий социальные связи. Соучастное проектирование рассматривается как прикладной метод совместной разработки пространственных решений, интегрирующий профессиональную экспертизу и повседневный опыт горожан уже на ранних этапах планирования. Локальные сообщества понимаются как территориально укорененные группы, связанные общим интересом к месту, нормами солидарности и способностью выступать коллективным участником городских преобразований.

Научная новизна проведенного исследования проявляется в трёх взаимосвязанных направлениях. Во-первых, выявлены и концептуализи-

рованы структурные барьеры гражданского участия, которые в арктических условиях приобретают особую значимость и склонны к усилению. Природно-климатические факторы рассматриваются не только как фоновый контекст благоустройства, но и как объективное физическое ограничение очных форм взаимодействия, преодоление которого требует целенаправленного формирования крытых коммуникативных площадок. Во-вторых, на основе материалов экспертных интервью реконструирована реальная структура практик участия и координации стейкхолдеров в Архангельске и продемонстрировано её расхождение с нормативной моделью «умного города», представленной в научной литературе. В-третьих, результаты анализа сопоставлены с отечественными исследованиями общественного участия в управлении городской средой, что позволило соотнести кейс Архангельска с общероссийскими тенденциями и показать, каким образом указанные тенденции модифицируются и усиливаются в контексте северного города (Малышкина 2022; Уханова 2023; Vereshchagin et al. 2023).

Цель исследования — выявить барьеры и условия перехода от преимущественно технологической модели «умного города» к человеко-ориентированной модели развития городской среды в условиях северного города.

Обзор литературы

1. Социальные технологии в градостроительстве

Городская среда, определяемая как «природная среда и обустроенное человеком пространство в рамках территории города» (Пак 2022), представляет собой сложную систему взаимосвязанных природных, техногенных и социальных компонентов. Их состояние и взаимодействие непосредственно влияют на качество жизни населения, удовлетворенность условиями проживания, доступность услуг и возможности для самореализации (Секушина 2022).

Социальные технологии, получившие развитие в работах болгарских исследователей Н. Стефанова и М. Маркова во второй половине XX века, представляют собой целостную систему организации деятельности, основанную на четком понимании целей, анализе ресурсов, разработке алгоритмов действий и обеспечении постоянного мониторинга и контроля за ходом реализации намеченных планов. В отечественной социологии вклад в развитие теории и практики социальных технологий внесли такие известные исследователи, как В.В. Щербина, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев, В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов, Ж.Т. Тощенко, Т.М. Дридзе, И.Т. Касавин, Б.Г. Юдин (Нечаева 2014; Ефремова 2020).

В градоустройстве социальные технологии могут использоваться для вовлечения граждан в принятие решений, повышения прозрачности и подотчетности власти, формирования устойчивой коммуникации между заинтересованными сторонами, а также поддержки гражданских инициатив и местного самоуправления. Их применение предполагает выстраивание процедур взаимодействия власти, бизнеса и общества, определение целей и задач, а также создание механизмов мониторинга и оценки результатов (Нотман 2022).

Современные практики показывают, что управление городской средой связано с трансформацией структуры городского сообщества — переходом от множества изолированных индивидов к более устойчивым локальным связям (Преликова 2021). Однако цифровизация участия имеет и обратную сторону — slacktivism, то есть поверхностную сетевую активность, которая создает видимость вовлеченности, но слабо влияет на городскую политику (Christensen 2011). На Севере, где очные формы взаимодействия дополнительно затруднены климатом, подобные практики могут вытеснять полноценное соучастное проектирование, усиливая отчуждение жителей и снижая доверие к «умным» форматам управления (Богданов 2024; Healey 2006).

2. Общественное участие и социальные технологии: проблемы российских практик

Гражданское участие представляет собой форму самоорганизации, посредством которой человеческие и иные ресурсы мобилизуются для коллективной реализации проектов, связанных с созданием общественных благ или оказанием услуг членам сообщества. Такая деятельность вовлекает индивидов и общественные объединения во взаимодействие с государственными и общественно-политическими структурами и тем самым формирует механизмы связи между властью и обществом (Певная и др. 2023).

Анализируя формы и механизмы гражданского участия в градоустройстве, исследователи выделяют два основных типа, различающихся по источнику инициации и способу регуляции. К первому типу относятся формальные механизмы, организованные муниципальными органами власти. Они включают в себя официальные диалоговые площадки в сети Интернет (например, федеральную платформу «Горсреда»), а также официальные сайты администраций, где публикуется информация о текущих и планируемых проектах и предоставляется возможность для обратной связи. Второй тип составляют неформальные механизмы, которые порождаются самой гражданской средой, а не спускаются «сверху». Речь

идёт о деятельности сообществ в социальных сетях, городских пабликах по интересам, домовых группах в мессенджерах, где жители самостоятельно инициируют обсуждение и решение локальных проблем, связанных с благоустройством и развитием городской среды. Хотя и те и другие механизмы могут быть описаны как институциональные в широком смысле слова, поскольку опираются на устойчивые практики и правила, их принципиальное различие лежит в плоскости субъекта инициации и степени формальной регламентации. В первом случае регулирование осуществляется преимущественно административными процедурами, во втором — нормами взаимности и солидарности, вырабатываемыми самими участниками (Малышкина 2022; Щемелева 2022; Веретенникова, Семячков 2022).

Наряду с цифровыми инструментами российское законодательство предусматривает такие формы участия граждан в решении городских вопросов, как общественные обсуждения и публичные слушания, организуемые органами местного самоуправления. На практике их эффективность ограничивается, в частности, рекомендательным характером принимаемых решений: отсутствие обязательности их исполнения снижает мотивацию граждан к участию. Дополнительными ограничивающими факторами выступают недостаточная информированность о доступных формах участия и профессиональная сложность многих вопросов градостроительства (Малышкина 2022; Горгорова 2022).

Социологические исследования показывают, что участие жителей в градостроительстве прежде всего связано с общественными и дворовыми пространствами, то есть с территориями, непосредственно влияющими на повседневную жизнь и качество окружающей среды (Горгорова 2022). Вместе с тем все чаще подчеркивается необходимость вовлечения жителей и в обсуждение специализированных вопросов городского развития, требующих профессиональных знаний. К участию общественности в таких решениях призывают проектировщики и специалисты по подготовке градостроительной документации (Спирин 2025), а также исследователи логистических систем и пассажирских перевозок, отмечающие важность учета мнения граждан при разработке транспортных схем и организации движения (Ефремова 2020; Кенжаева и др. 2024).

3. «Умный город» как социотехническая система социальных технологий участия

Цифровые технологии — геоинформационные системы, платформы обмена данными, мобильные приложения и социальные сети — стали важной составляющей развития современных городов и концепции

«умного города». Они рассматриваются как инструменты повышения эффективности городского управления, обеспечения устойчивого развития территорий и улучшения качества жизни населения (Карагуляна 2020; Веретенникова, Семячков 2022; Горгорова 2022; Попов и др. 2023; Павлова, Корбут 2023; Мырадова и др. 2024).

Концепт «умный город», получивший широкое распространение и признание в исследовательском поле в начале 2000-х гг. (Карагуляна 2020), в современных публикациях определяется как «инновационный город, использующий цифровые технологии для повышения уровня жизни, эффективности деятельности и оказания услуг в городе, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах» (Попов и др. 2023). Исследователи подчеркивают, что «основным драйвером городских преобразований являются цифровые решения», а использование больших данных, полученных из различных источников, позволяет развивать инновационные идеи в области градостроительства, оптимизировать процессы планирования и управления, а также принимать более обоснованные и эффективные решения (Веретенникова, Семячков 2022; Кенжаева и др. 2024).

Эффективная обратная связь от жителей по вопросам градостроительства является важным элементом «умного города» (Аубакирова и др. 2021; Баринов 2020; Попов и др. 2023; Косыгина, Уханова 2024). Хотя сами граждане нередко называют личные встречи с представителями власти наиболее предпочтительным и вызывающим доверие форматом взаимодействия (Уханова 2023), наиболее доступными каналами коммуникации сегодня остаются цифровые сервисы и специализированные площадки, позволяющие оперативно обмениваться информацией, получать консультации и участвовать в обсуждении вопросов городского развития (Кияненко 2022; Косыгина, Уханова 2024).

В литературе «умный город» обычно связывается с комфортной, безопасной, устойчивой и инклюзивной средой, обеспечивающей высокое качество жизни и возможности для самореализации (Уханова, Жданова 2022). Поэтому развитие цифровых технологий в транспорте, энергетике, ЖКХ, безопасности, образовании и культуре рассматривается как важное условие городского развития. Однако технологической инфраструктуры недостаточно: необходима также устойчивая система коммуникации между органами власти, бизнесом и населением, обеспечивающая открытый диалог, обмен информацией и участие в принятии решений (Лихтенштейн и др. 2023).

Несмотря на широкое распространение цифровых технологий в градостроительстве и гражданском участии, сохраняются ограничения, препятствующие формированию устойчивого и прозрачного взаимодействия между властью, бизнесом и обществом. Один из ключевых вызовов — качество обратной связи на обращения граждан через официальные сайты муниципалитетов и другие онлайн-каналы. Для его оценки необходимы ясные и измеримые критерии, позволяющие контролировать своевременность ответов и степень учета мнений жителей в управленческих решениях (Малышкина 2022; Косыгина, Уханова 2024).

В целом эмпирических данных о результативности участия граждан в городском планировании пока недостаточно, что затрудняет оценку существующих механизмов вовлечения и актуализирует дальнейшие исследования (Малышкина 2022). О.В. Нотман указывает на «имитационный» характер взаимодействия граждан и городских властей в тех случаях, когда формальные процедуры — общественные слушания и онлайн-опросы — не обеспечивают реального влияния на решения, а служат преимущественно выполнению формальных требований (Нотман 2022).

Концептуальная основа исследования

В современной урбанистике и социологии города происходит критическая ревизия исходной технократической модели «умного города» (Smart City 1.0), основанной на приоритете технологической инфраструктуры, автоматизации управления и цифрового сбора данных. Ей противопоставляется человеко-ориентированная модель Human Smart City (Smart City 3.0), в которой технологии рассматриваются как средство повышения качества жизни, социальной инклюзии и благополучия горожан (Schulders 2022; Цзу, Селькова 2023). В логике гуманистического градостроительства «умность» города определяется не количеством внедренных IT-сервисов, а способностью городской системы отвечать на потребности сообщества, поддерживать доверие и обеспечивать равный доступ к инфраструктуре (Petrovski, Djukic 2026).

Одним из методологических оснований Human Smart City выступает соучаствующее проектирование (participatory urban planning / co-design). Систематическое вовлечение жителей в совместную выработку решений (co-creation) позволяет переводить их из положения пассивных объектов административного воздействия в статус участников и соавторов развития территории. По мнению М. Шульдерса, практики соучаствующего планирования укрепляют у горожан чувство причастности к преобразуемым пространствам и ответственность за их сохранение (Schulders 2022).

Вместе с тем в отсутствие институциональных гарантий и без учета специфики локального контекста цифровые формы вовлечения рискуют вырождаться в имитационные процедуры. В критической урбанистике фиксируется феномен «театра вовлечения» (engagement theatre) и токенизма: властные структуры прибегают к онлайн-платформам и формализованным опросам для того, чтобы придать видимость легитимности уже принятым решениям, скрывая при этом отсутствие реального перераспределения полномочий в пользу граждан (Foth 2025). Публикация градостроительной документации или запуск электронных голосований, не подкреплённые предшествующим диалогом и эмпатичной коммуникацией с жителями, оборачиваются быстрым угасанием гражданского интереса и закреплением установок выученной беспомощности (Foth 2025; Богданов 2024). Преодоление возникающего цифрового разрыва предполагает отказ от универсальных цифровых шаблонов в пользу эмпатичных подходов и инклюзивных гибридных форматов, адаптированных к возможностям различных социальных групп, включая уязвимые и мало-мобильные (Petrovski, Djukic 2026).

Применительно к арктическим и северным городам концепция Human Smart City приобретает выраженное климатическое и инфраструктурное измерение. В экстремальной среде «умный город» не может сводиться к сервисам цифрового голосования и официальным сайтам, если базовые системы жизнеобеспечения находятся в неудовлетворительном состоянии. Основой человеко-ориентированного развития на Севере становятся устойчивое тепло- и водоснабжение, защита от холода и ветра, физическая безопасность, надёжность коммуникаций, противогололедная доступность пешеходных связей и качественное освещение (Soroudi et al. 2024; Богданов 2024).

Продолжительный период отрицательных температур превращает уличное пространство северного города из зоны повседневного досуга в среду постоянного физического преодоления. Это ограничивает очные формы взаимодействия жителей и делает актуальным создание крытых отапливаемых площадок для общения как части материальной инфраструктуры диалога (Soroudi et al. 2024; Преликова 2021). Соответственно, соучаствующее проектирование в арктическом контексте должно учитывать создание безопасных укрытий и адаптацию среды к климатическим условиям; без этого цифровые формы вовлечения рискуют оставаться формальными.

Методология исследования

В исследовании основным методом сбора эмпирических данных стало экспертное интервью. Как отмечает Ж.В. Чернова, «экспертное интер-

вью — один из наиболее распространенных методов получения знаний о проблеме, используемый в социальных науках и прикладных исследованиях» (Чернова 2023). Экспертное интервью позволяет получить неcodифицированное профессиональное знание, зафиксировать практический опыт и мнения участников, глубоко вовлеченных в исследуемые процессы. В данном случае метод использовался для сбора интерпретаций и наблюдений, основанных на непосредственном участии информантов в проектировании, реализации или оценке механизмов взаимодействия горожан и городской власти.

Для достижения поставленных целей были привлечены эксперты из различных профессиональных сфер, относящихся к градостроительству: администрирование в области урбанистики, управление в области городского благоустройства, строительство, проектирование в городской среде, архитектура города, городская инженерия, городское активистское сообщество, индивидуальный общественный активизм. Широкий профессиональный состав выборки был обусловлен стремлением рассмотреть градостроительство с разных позиций — административной, проектной, инженерной и гражданской.

Интервью носили полуструктурированный характер и были ориентированы на раскрытие субъективного опыта, оценок и интерпретаций информантов. Основные тематические блоки включали состояние городской среды, формы гражданского участия, восприятие платформ взаимодействия, динамику общественного вовлечения, символическую структуру города, климатическую специфику и локальную идентичность. Открытые вопросы позволяли получать развернутые ответы и выявлять широкий спектр мнений и оценок.

Для исследования была сформирована целевая выборка из восьми экспертов, представляющих профессиональные и гражданские группы, непосредственно связанные с формированием и управлением городской средой:

- 1) заместитель генерального директора строительной компании;
- 2) представитель администрации города (сфера благоустройства);
- 3) руководитель проектной организации;
- 4) архитектор;
- 5) инженер;
- 6) урбанист;
- 7) городской активист;
- 8) руководитель инициативной группы.

Состав экспертной группы позволил сопоставить административный, проектный, инженерный и гражданский опыт. Выборка формировалась

по принципу вариативности позиций акторов, вовлеченных в процессы развития городской среды.

Эмпирическое исследование проведено в апреле — мае 2025 года. Все информанты дали согласие на обработку данных; материалы были анонимизированы. Обработка данных включала сплошное транскрибирование аудиозаписей, после чего применялась процедура качественного контент-анализа, в рамках которого тематическое кодирование выступало основным инструментом систематизации текстового массива. Соотношение этих методов выстраивалось следующим образом: на первом этапе с помощью кодирования массив интервью разбивался на смысловые единицы, а на втором этапе качественный контент-анализ позволял интерпретировать эти единицы в их контекстуальной взаимосвязи, выявляя латентные смыслы и ценностные установки различных акторов. В целом процедура была направлена на выявление ключевых тем, устойчивых закономерностей и внутренних противоречий, характеризующих применение социальных технологий в развитии городской среды Архангельска.

Формирование кодов и тем опиралось на сочетание дедуктивной и индуктивной логики. Дедуктивный этап предполагал использование рубрикатора, основанного на концептуальной рамке исследования (например, изначальные коды «цифровые платформы», «социальные технологии», «институциональные барьеры участия»). Индуктивный этап позволил выделить эмерджентные коды, вытекающие из высказываний информантов и отражающие специфику изучаемого северного кейса (например, «климатическая уязвимость», «износ инженерных сетей», «потребность в крытых пространствах»). В дальнейшем выявленные первичные коды укрупнялись в тематические блоки («оценка благоустройства», «барьеры вовлечения»), которые структурировали логику представления результатов.

Сопоставление групп информантов осуществлялось с использованием аналитических матриц. В ходе анализа сравнивались позиции четырех укрупненных групп информантов: представителей муниципальной власти, проектировщиков и инженеров, архитекторов и урбанистов, а также городских активистов. Матричный анализ позволил выявить существенные различия между административно-управленческими, профессиональными и гражданскими представлениями о цифровизации и участии. В частности, он показал, что управленческие и строительные акторы чаще акцентировали нормативно-регламентные и прикладные аспекты цифровых решений, тогда как архитекторы, урбанисты и активисты — дефицит соучаствующего проектирования и риски имитационного вовлечения.

Надежность качественных данных обеспечивалась несколькими способами. Во-первых, применялась триангуляция источников данных: привлечение экспертов с принципиально различающимися ролями в городском управлении позволило получить объемную картину процессов и минимизировать односторонние трактовки. Во-вторых, использовался метод *плотного описания* с приведением прямых цитат для контекстуализации оценок. В-третьих, предварительные результаты кодирования и интерпретации обсуждались внутри исследовательского коллектива до достижения консенсуса, что снижало риск субъективных когнитивных искажений авторов.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, качественный дизайн и небольшой объем выборки ($N = 8$) не предполагают статистической генерализации выводов на население арктической зоны. Во-вторых, эмпирическая база состоит из экспертных оценок представителей профессиональных сообществ и лидеров локальных инициатив, а не данных массового опроса; поэтому аналитический фокус смещен к институциональным и рефлексивным аспектам городского развития. Вместе с тем такой формат позволяет подробно рассмотреть механизмы и барьеры взаимодействия акторов в пределах исследуемого кейса.

Результаты исследования

1. Экспертная оценка состояния благоустройства Архангельска

а) Климат, инфраструктура и дефицит внешней привлекательности в городской среде

Климат — один из ключевых факторов оценки городской среды Архангельска. Большинство экспертов подчеркивают ее уязвимость к суровым северным условиям: для многих жителей повседневное использование города связано с постоянным преодолением холода, ветра, гололеда, грязи и неприспособленности пешеходных маршрутов. Отдельной темой становится недостаточная адаптация инфраструктуры для маломобильных групп — нехватка съездов и пандусов, защищенных остановок и нескольких покрытий. Один из информантов замечает: «Мама с коляской не доедет до сквера, потому что по пути ни съезда, ни укрытия». Другой приводит повседневный пример: «Я каждый год стабильно, будучи в трезвом уме и здоровой памяти, поскользываюсь где-то в радиусе полукилометра от площади Ленина, потому что там постоянно какой-то гололед... Там просто невозможно передвигаться, ступеньки обледеневшие».

Архитектор акцентирует внимание на приоритетах при планировании городской среды в северных условиях: «В условиях Архангельска благоустройство — не про красоту, а про возможность выжить». Представитель

администрации города отмечает, что зимний период, длящийся до шести месяцев, превращает многие благоустроенные зоны в транзитные маршруты. Основные усилия зимой направлены на уборку снега и обеспечение минимальной проходимости территорий. При реализации специальных решений акцент делается на использование теплых материалов и грамотного освещения. Например, информант комментирует: «скамейки из дерева, чтобы хоть как-то можно было на них находиться в холодное время, и качественное освещение».

Семь из восьми экспертов отмечают позитивные изменения в визуальном облике и благоустройстве Архангельска в последние годы. К ним относятся:

- появление уличной мебели;
- ремонт тротуаров;
- благоустройство набережных;
- создание новых и реконструкция старых общественных зон;
- озеленение отдельных участков.

Представитель администрации подтверждает позитивную динамику, отмечая: «Если смотреть на комфортность, то она значительно повысилась за последние четыре года. Вопрос здесь не только благоустройства. Есть вопросы и в других сферах, в том числе в жилищно-коммунальном хозяйстве, дорогах, строительстве...». В ходе экспертных интервью фиксируются отдельные примеры успешной адаптации городских пространств к зимнему периоду. Так, городской активист обращает внимание на практику трансформации парка у драматического театра в каток, характеризуя её как «отличную инициативу», тогда как руководитель проектной организации подчёркивает, что каток у драмтеатра и ледяная горка вблизи Вечного огня уже приобрели статус устойчивой городской традиции. Аналогичную линию рассуждений развивает архитектор, акцентируя необходимость формирования защищённых объектов притяжения и указывая, что введение мобильных точек обслуживания позволяет пространству «в большей степени работать», что иллюстрируется примером появления кофе-точки в парке около драмтеатра.

Вместе с тем совокупный анализ экспертных высказываний демонстрирует, что зимние общественные пространства в целом требуют дополнительных усилий по адаптации, связанных с созданием объектов и активностей, способных поддерживать жизнеспособность общественных зон в холодное время года. Опираясь на зафиксированный в интервью запрос информантов на «тёплые» точки притяжения в транзитных зонах, мы считаем теоретически обоснованным вывод о необходимости целенаправленного проектирования крытых отапливаемых коммуникативных

площадок (павильонов, комьюнити-центров, утеплённых модулей), обеспечивающих поддержание очных форм взаимодействия и консолидации горожан в условиях арктического климата.

Признавая локальные улучшения, шесть из восьми экспертов указывают на нерешенность системных инфраструктурных проблем. В частности, подчеркиваются критическое состояние инженерных сетей и зависимость градостроительных решений от их износа: «Без перекладки инженерных сетей нет смысла тоже делать большие магистральные дороги». Другой информант отмечает: «Износ сети просто колоссальный. Постоянно у нас нет горячей, например, воды». Таким образом, ветхость инфраструктуры воспринимается как базовое ограничение, влияющее на другие аспекты городской жизни и снижающее эффект благоустройства.

Эксперты подчеркивают, что улучшения в городской среде носят фрагментарный характер и обусловлены реализацией отдельных федеральных проектов. Руководитель проектной организации уточняет: «Сейчас это достаточно эффективная работа, потому что есть федеральные проекты, проект “Комфортная городская среда”, работа с дорогами — тоже нацпроект. И это работает... точно что-то делается».

Говоря о внешнем облике Архангельска, эксперты отмечают эстетические конфликты, связанные с «визуальным шумом» — разнородной рекламой, стихийной застройкой и дисгармоничными малыми архитектурными формами. Архитектор констатирует, что «город живет без дизайн-кода», а представитель администрации признает: «Между федеральными регламентами и реалиями у нас слишком большая дистанция». В совокупности эти оценки указывают на отсутствие целостной стратегии формирования визуального облика города.

С эстетикой города связана и проблема разрушения зеленого каркаса. Активист называет вырубку старых деревьев «экологическим и культурным насилием», инженер отмечает, что «большая часть озеленения — имитация, деревья не приживаются, уход не осуществляется». Руководитель инициативной группы добавляет: «Город теряет не просто деревья, он теряет тень, звукоизоляцию, укрытие, символы».

Согласно наблюдениям специалистов в области архитектуры, существуют острые противоречия между проектными визуализациями и реальными сценариями городской жизни. В качестве примера информанты привели следующее: «Тополям объявлена война. Мы сажаем декоративные кусты, но забываем, зачем, вообще, нужны деревья — для защиты от пыли и радиации». Представитель администрации поясняет причины таких противоречий: «Люди иногда видят картинку, концепцию, которую мы презентуем..., и они не понимают, почему потом получается иначе. А там,

например, проходят сети, которые нельзя трогать, или коммуникации, которые мешают реализовать задумку. Визуально в итоге получается совсем не то». Эти высказывания указывают на то, что эстетические решения зачастую вступают в конфликт с инженерными ограничениями, климатическим контекстом и реальными потребностями жителей.

В высказываниях экспертов городская среда предстает как пространство фрагментарного благоустройства, недостаточно связанного с системными инженерными решениями и климатической адаптацией. Позитивные изменения признаются, но часто воспринимаются как поверхностные по отношению к базовым проблемам. Возникает разрыв между «проектным» и «живым» городом: комфорт визуализируется в проектах, но в повседневности определяется холодом, обледенением, перепадами высот и состоянием инфраструктуры. Поэтому большинство экспертов считают необходимым сместить приоритет с визуального дизайна к комплексной инженерной и климатической адаптации. Инженер подчеркивает: «Мы кладем асфальт на старые трубы, которые через два года дадут течь — и весь асфальт уходит впустую».

Бессистемность благоустройства, по мнению экспертов, является симптомом отсутствия генеральной стратегической рамки. Архитектор констатирует: «Комплексный подход к городу — это более сложная история. [...] Такое ощущение, что это скорее какой-то пиар и попытка просто показать, что мы тут планируем. Но как будто это никто не учитывает. Градостроительный план есть, но по факту он не работает — застройка идет хаотично». Урбанист, в свою очередь, называет это «косметикой, за которой скрыт провал в базовой инженерии города». Особую обеспокоенность вызывает состояние ливневой канализации и водоотвода. Городской активист указывает на «периодические подтопления после каждого сильного дождя», а представитель проектной организации подчеркивает: «В новых проектах мы всегда закладываем нормальную ливневку, но это игнорировалось десятилетиями».

б) Ограничения развития, возможности бизнеса и гражданское участие

Большинство экспертов связывают значительную часть проблем с ограниченностью экономических ресурсов и недостаточным финансированием. Одним из возможных источников поддержки рассматривается участие бизнеса: «Группа компаний “УЛК” активно вкладывалась в Устьянский район, в поселок Октябрьский, не только в благоустройство, но и в событийность, была меценатом музейных пространств. Но сейчас денег мало у всех, и у большого бизнеса в том числе». Вместе с тем участие предприятий, по оценкам информантов, чаще носит точечный характер и не скла-

дывается в системное партнерство с городом. В качестве примера упоминаются небольшие объекты на набережной, поддерживаемые компанией «Севералмаз». Руководитель инициативной группы считает, что вклад крупных предприятий должен быть более устойчивым и долгосрочным.

На фоне ресурсных ограничений развиваются новые формы взаимодействия власти и граждан. Вовлечение населения рассматривается экспертами не только как реакция на накопившиеся проблемы, но и как способ сократить разрыв между управленческими планами и запросами горожан. Почти все информанты подчеркивают двусторонний характер такого взаимодействия: власти должны не только собирать мнения, но и показывать, каким образом они были учтены в конечных решениях.

Один из информантов определяет социальные технологии как «технологии, которые позволяют связать социум в широком смысле и администрацию, управляющие органы, проектировщиков и исполнителей, реализаторов каких-то проектов по благоустройству». Это определение находит отражение в высказываниях других участников: архитектор указывает на роль «соучастного проектирования», инженер — на важность «обратной связи после опросов», а городской активист критикует имитационность происходящего, подчеркивая, что «люди воспринимают обсуждение как бутафорские, если ничего потом не меняется».

По оценкам урбанистов и активистов, краудсорсинговые платформы, голосования и ТОСы недостаточно встроены в систему принятия решений. Урбанист подчеркивает: «Да, есть голосование, но нет канала, по которому результат превращается в действие». Разрыв между ожиданием участия и его последствиями формирует недоверие к цифровым форматам. При этом сами инструменты — от голосований на «Госуслугах» до карт идей — оцениваются как потенциально востребованные, но недостаточно прозрачные. Представитель проектной организации замечает: «Если жители не получают ответа на свой вклад — они больше не участвуют». Руководитель инициативной группы формулирует ту же мысль: «Все зависит от обратной связи, иначе это выглядит как пустой ритуал».

Наряду с цифровыми инструментами эксперты положительно оценивают офлайн-форматы — встречи, семинары и очные обсуждения. Они позволяют сократить дистанцию между жителями и властью, особенно при низком уровне доверия. Наиболее содержательной формой многие считают соучастное проектирование, поскольку оно вовлекает жителей в обсуждение ценностей и сценариев использования конкретных пространств, а не только декоративных решений. Архитектор подчеркивает: «Социология важна не только в начале, но и на этапе сопровождения — как проект воспринимается спустя год».

По оценкам городских активистов, одной из ключевых проблем выступает недостаточная информированность жителей о возможностях институционального участия. Согласно их наблюдениям, многие горожане ограничиваются выражением недовольства в социальных сетях, не зная о доступных юридических механизмах: «Вот у нас в активистской среде мы знаем, куда написать, кому написать, как написать и как проконтролировать. А большинство горожан — они не знают, они максимум петицию подпишут или в комментариях напишут».

Проектировщики и активисты связывают один из ключевых барьеров с отсутствием обязательности учета результатов участия. По их мнению, если вовлечение граждан не встроено в юридически и организационно закреплённую процедуру, его результаты могут быть проигнорированы. Эксперт-проектировщик подчеркивает, что участие граждан должно рассматриваться как элемент проектного процесса, а не как дополнительная опция. В нынешней ситуации, несмотря на множество платформ и программ, включённость жителей остается ограниченной; наиболее частыми характеристиками оказываются низкая мотивация и скептицизм.

Материалы интервью показывают неоднозначную картину. Те информанты, которые представляют строительный бизнес, муниципальные структуры и проектные организации, склонны оценивать цифровые сервисы (zagorodsreda.gosuslugi.ru, «Госуслуги. Решаем вместе», «Госуслуги. Волонтёр») как вполне рабочее средство для упорядочения градостроительных процедур. Так, заместитель генерального директора одной из строительных компаний обратил внимание на то, что подобные платформы помогают прогнозировать коммерческую привлекательность тех или иных территорий. Представитель администрации, в свою очередь, связал их ценность с повышением легитимности при отборе объектов и с возможностью вовлекать молодёжь. Руководитель проектной организации и инженер сделали акцент на перспективах сопряжения этих сервисов с технологиями информационного моделирования и искусственного интеллекта. Архитектор же зафиксировал более глубокий сдвиг — по его словам, происходит смена профессиональной парадигмы в сторону сервисной модели, что требует от специалиста навыков анализа «цифрового следа», оставляемого горожанами.

Иную оценку цифрового участия дают эксперты, связанные с урбанистическими сообществами и локальным активизмом. Они подчеркивают его амбивалентность. Урбанист видит основную проблему в разрыве между итогами голосований и последующими действиями. Городской активист обращает внимание на риски имитации и монополизации публичного дискурса и настаивает на сохранении офлайн-самоорганизации.

Руководитель инициативной группы признает инструментальную пользу портала «Госуслуги. Волонтер», но также связывает его результативность с качеством обратной связи. В целом технологические возможности цифровых платформ остаются лишь потенциалом, если не подкреплены институциональными гарантиями учета общественного мнения и прозрачным информированием о принятых решениях.

Эксперты выделили три основные группы барьеров, сдерживающих полноценное вовлечение граждан:

1. Социально-психологические барьеры. Включают недоверие к власти, «выученную беспомощность», отсутствие привычки к выражению мнения и низкую самооценку горожанина как субъекта влияния. «Люди привыкли, что за них все решают. Они не верят, что их мнение имеет значение», — отмечает один из экспертов. Городской активист резюмирует: «Большинству все равно — не потому, что они плохие, а потому, что у них другие заботы».

2. Институциональные барьеры. Включают отсутствие формализованных процедур учета мнений граждан, несистемность обратной связи, быструю и непрозрачную реализацию решений. «Мы не всегда успеваем реагировать на мнения — проекты идут быстро, а согласования тормозят», — признает представитель администрации. Проектировщик подчеркивает: «Обратная связь с жителями не встроена в график реализации, это воспринимается как обуза, а не как часть цикла».

3. Культурные и ментальные препятствия. Включают наследие советского и постсоветского периода, когда участие воспринималось как формальность. «У нас не воспитано чувство городского: есть дом, есть подъезд, а дальше никто не чувствует ответственность», — констатирует инженер. Урбанист дополняет: «Публичные слушания у нас — это не разговор, а зачитывание протоколов. Там нет культуры диалога».

К положительным примерам эксперты относят деятельность ТОСов, участие граждан в корректировке проектов и протестные инициативы, повлиявшие на принятие решений. Такие случаи показывают, что вовлечение усиливается, когда жители видят его результат: «Когда людям показывают, что их услышали, включенность резко растет», — отмечает один из собеседников.

Почти все эксперты подчеркивают значение личного опыта участия как способа сокращения дистанции, укрепления доверия и накопления позитивных практик взаимодействия. «Горожане начинают участвовать не потому, что их зовут, а потому что однажды уже получилось повлиять», — отмечает архитектор. Таким образом, участие требует устойчивого институционального сопровождения и признания его результатов.

Интервью показывают, что социальные технологии воспринимаются экспертами не просто как способы сбора данных от граждан, а как последовательность действий — от инициации диалога до закрепления его результатов в решениях. Их эффективность связывается с тремя условиями: системностью, обратной связью и доверием. Выпадение любого из этих элементов повышает риск превращения участия в формальную процедуру.

Дискуссия

1. Позиционирование Архангельска в отечественном поле «умных городов»

Полученные результаты целесообразно сопоставить с наиболее развитыми российскими кейсами реализации концепции Smart City, прежде всего с московским. Москва часто рассматривается как флагман отечественной модели «умного города», где развитая цифровая инфраструктура, платформы участия и городская аналитика объединены в единую систему (Василенко 2019; Трофимова, Фасхутдинов 2023; Макаров 2023). Московский опыт служит здесь эвристическим контрастом, позволяющим увидеть степень институционализации механизмов вовлечения.

Результаты проведённого сравнительного анализа свидетельствуют, что сложившаяся в Архангельске пространственно-функциональная конфигурация подтверждает выдвинутый в зарубежных исследованиях тезис (Soroudi et al. 2024) о фундаментальном противоречии между ускоренным развитием цифровых надстроек и дефицитом климатической адаптации в высоких широтах. При этом московский пример демонстрирует опору smart-решений на уже сформированный и устойчиво функционирующий материальный каркас городской среды, тогда как арктический кейс выявляет необходимость дополнительного теоретического осмысления: внедрение элементов smart-подхода в условиях Арктики не обеспечивает существенного социального эффекта при отсутствии предварительной стабилизации базовых систем жизнеобеспечения.

Сопоставление позволяет различать стандартизированный «массовый smart» мегаполисов и более локализованные формы участия в северном городе. В Архангельске они нередко опираются на гибридную коммуникацию и личное доверие (Демидов, Юдина 2025; Преликова 2021). Арктическая специфика усиливает последствия управленческих сбоев: суровый климат и изношенность инфраструктуры превращают проигнорированные запросы жителей из бюрократической проблемы в вопрос повседневной безопасности и жизнеобеспечения. Поэтому практики соучастия должны быть связаны с модернизацией инженерных сетей и климатической адаптацией среды.

2. Социальные технологии участия: «массовый смарт» versus «локальный смарт»

Столичная модель ориентирована на массовые технологии участия, встроенные в цифровые продукты и охватывающие широкий круг городских вопросов. В Архангельске, по наблюдениям представителей локальных сообществ, более заметны микролокальные формы вовлечения — ТОСы, инициативные группы и отдельные практики соучаствующего проектирования. Их реализация в большей степени зависит от личного контакта и офлайн-взаимодействия, которые сами участники нередко оценивают как более результативные.

Эмпирический материал фиксирует расхождение между формальной доступностью цифровых инструментов и практиками координации стейкхолдеров. По оценкам экспертов, электронная обратная связь нередко ограничивается информированием и не обеспечивает заметного влияния граждан на решения (Демидов, Юдина 2025; Богданов 2024). Пока результаты участия не получают институционального закрепления, цифровые платформы могут восприниматься как имитационная процедура (Богданов 2024; Цумарова 2021). Преодоление этого разрыва предполагает закрепление понятных процедур учета мнений жителей и развитие гибридных форматов вовлечения, сочетающих цифровые и очные каналы коммуникации.

3. Арктический контекст как «усилитель» общероссийских проблем участия

Общероссийские исследования показывают, что публичные слушания и онлайн-опросы нередко воспринимаются как формальные процедуры, а их результаты не имеют обязательной силы (Малышкина 2022; Нотман 2022; Богданов 2024). Материалы по Архангельску подтверждают эту тенденцию и позволяют уточнить ее арктическое измерение:

- Общероссийская тенденция восприятия института публичных слушаний преимущественно как формальной, процедурной обязанности органов власти (Малышкина, 2022; Нотман, 2022) в арктическом контексте приобретает более жёсткий, радикализированный характер. Материалы проведённого исследования демонстрируют, что экстремальные климатические условия выступают своеобразным катализатором институционального недоверия: в ситуациях, когда используемая технологическая платформа систематически не реагирует на обращения, связанные с вопросами безопасности и базового физического комфорта, у жителей закрепляется состояние «выученной беспомощности» и формируется специфическая конфигурация цифрового отчуждения (Богданов, 2024).

- Как указывают информанты из управленческой среды, высокая зависимость от федеральных программ при дефиците местных ресурсов сужает пространство для внедрения локально ориентированных социальных технологий; компенсация ресурсного дефицита требует системных мер по привлечению регионального бизнеса, стимулированию социального инвестирования и развёртыванию программ межсекторного партнёрства.
- Малый и средний масштаб агломерации способствует персонифицированным формам взаимодействия, но препятствует формированию устойчивых цифровых институтов. Вместе с тем именно локальная идентичность обладает значительным консолидирующим потенциалом: включение северных культурных кодов и исторического наследия непосредственно в технические задания на проектирование способно усилить эмоциональную привязанность горожан к среде и, как следствие, повысить уровень их вовлечённости.

4. Позиция Архангельска в рейтингах и дефицит институционализации

Позиция Архангельска в рейтингах «умных городов» свидетельствует о наличии базовых цифровых сервисов, однако сама по себе не позволяет оценить качество социальных технологий участия¹. Согласно критическим оценкам специалистов, высокие рейтинговые позиции обеспечиваются количественными показателями «кликов», за которыми, как правило, скрывается поверхностное вовлечение — слактивизм. В арктических условиях, по мнению экспертов, подобная логика оборачивается статистической легитимацией административных решений без формирования долгосрочной гражданской ответственности (Christensen 2011; Богданов 2024). Заполнение возникающей институциональной пустоты требует выстраивания механизма обязательной и прозрачной обратной связи, предполагающего регулярную публичную отчётность муниципалитета о том, каким именно образом участие граждан повлияло на итоговые градостроительные решения. Лишь переход от формального сбора голосов к подотчётному диалогу способен преодолеть недоверие и обеспечить трансформацию цифрового слактивизма в реальное гражданское действие.

¹ По данным исследования, проведенного Минстроем России совместно с МГУ. Опубликовано на сайте издания «Правда Севера». URL: <https://pravdasevera.ru/2020/03/04/60b0a0bfb43ef52e7c677a09.html?ysclid=mtq5d99k5x426796579>. (дата обращения: 10.09.2026).

5. Вклад кейса в дискуссию об «умных городах» в Арктике

Опыт Архангельска позволяет сформулировать несколько выводов, значимых для обсуждения адаптации концепции Smart City к арктическим условиям:

- прямой перенос мегаполисных моделей на арктические города ограниченно результативен, если технологические решения не сопровождаются климатической и социальной адаптацией;
- smart-подход в Арктике должен опираться на восстановление базовой инфраструктуры и устойчивые механизмы гражданского участия;
- северным городам необходимы локально адаптированные модели, сочетающие гибридные форматы коммуникации и поддержку локальных сообществ.

В практическом плане это означает необходимость институционального закрепления участия граждан как элемента проектного и управленческого цикла. Реализация «умных» решений в арктических условиях должна быть связана с комплексным пространственным развитием, где технологические инновации, локальная идентичность и социально ответственное участие бизнеса рассматриваются как взаимосвязанные ресурсы повышения устойчивости территории.

Заключение

Таким образом, полученные результаты позволяют уточнить и концептуально описать структурные ограничения применения модели «умного города» в системе арктического градостроительства. Переход от технократически ориентированной конфигурации Smart City к человеко-центрированной парадигме Human Smart City на Севере блокируется не столько технологическим отставанием, сколько устойчивым структурным диссонансом: ускоренным внедрением формализованных цифровых сервисов на фоне критического дефицита доверия к институтам и систематического устаревания физической инфраструктуры.

Прямой перенос цифровых инструментов вовлечения без предварительного формирования институциональных гарантий учета и правового закрепления гражданского мнения провоцирует эффект отторжения и интерпретируется локальными сообществами как имитационная практика, своего рода «театр вовлечения», не меняющий реальные механизмы принятия решений. Проведённый анализ показывает, что ключевым условием результативности социальных технологий в арктическом контексте выступает пространственная и климатическая «заземлённость» коммуникации, то есть её привязка к конкретным, доступным и комфортным для населения местам взаимодействия.

Из этого следует, что реализация концепции «умного города» в северных агломерациях должна начинаться не с тиражирования новых пользовательских интерфейсов и цифровых платформ, а с интеграции процедур соучаствующего проектирования в циклы модернизации инженерных систем, а также с целенаправленного формирования гибридных (крытых, отопливаемых) пространств для устойчивого диалога власти и горожан. При отсутствии обязательной, юридически закреплённой обратной связи цифровые технологии не способны компенсировать недостаток системного гражданского участия и не приводят к формированию устойчивых практик солидарности локальных сообществ.

Перспективные направления дальнейших исследований связаны с выявлением и анализом механизмов, обеспечивающих перевод эпизодической цифровой активности горожан в устойчивые формы институционализированного взаимодействия, адаптированные к условиям экстремального климата и учитывающие специфику арктических городских сообществ.

Литература / References

Аубакирова К.И., Голубева А.А., Соколова Е.В. (2021) Мотивация электронного участия граждан в развитии города (на примере портала «Наш Санкт-Петербург»). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 20(2): 263–290.

Aubakirova K.I., Golubeva A.A., Sokolova E.V. (2021) Motivation for Citizen E-Participation in Urban Development: The Case of “Our St. Petersburg” Portal. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment* [Vestnik of Saint Petersburg University. Management], 20(2): 263–290 (in Russian).

Бардин А.Л. (2024) «Умное управление» сквозь призму концепции ответственного городского развития. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 4: 9–16.

Bardin A.L. (2024) Smart Governance through the Prism of the Responsible Urban Development Concept. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 4: 9–16 (in Russian).

Баринов В.А. (2020) Готовность к изменениям в местном самоуправлении крупных городов. *Муниципалитет: экономика и управление*. 1(30): 43–53.

Barinov V.A. (2020) Preparedness for Changes in Local Government of Major Cities. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: Economics and Management], 1(30): 43–53 (in Russian).

Богданов В.С. (2024) Социальное участие vs рейтингового голосования в рамках принятия решений по созданию комфортной городской среды. *Научный результат. Социология и управление*. 10(2): 81–93.

Bogdanov V.S. (2024) Social Participation vs Rating Voting as Part of Decision Making to Create a Comfortable Urban Environment. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], 10(2): 81–93 (in Russian).

Василенко И.А. (2019) Москва «Умный город»: основные направления и перспективы смарт-стратегии развития столицы. *Власть*. 3: 20–27.

Vasilenko I.A. (2019) Moscow “Smart City”: Main Directions and Prospects of the Capital’s Smart Development Strategy. *Vlast’* [The Authority], 3: 20–27 (in Russian).

Веретенникова А.Ю., Семячков К.А. (2022) Инновационные модели цифровой экономики как фактор устойчивого развития умных городов. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 3(71).

Veretennikova A.Yu., Semyachkov K.A. (2022) Innovative Models of the Digital Economy as a Factor of Sustainable Development of Smart Cities. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal], 3(71) (in Russian).

Горгорова Ю.В. (2022) Формирование городской среды и бренда города на основе мнения горожан. *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*. 2: 76–83.

Gorgorova Yu.V. (2022) Formation of Urban Environment and City Brand Based on Citizen Opinions. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova* [Bulletin of BSTU Named after V.G. Shukhov], 2: 76–83 (in Russian).

Демидов А.В., Юдина Т.Н. (2025) Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения. *Социально-гуманитарные технологии*. 3(35): 42–52.

Demidov A.V., Yudina T.N. (2025) Social Technologies as a Factor of Sustainable Development of Medium-Sized Cities: Managerial Potential and Limitations. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii* [Socio-Humanitarian Technologies], 3(35): 42–52 (in Russian).

Ефремова Е.А. (2020) Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы. *Гуманитарный научный вестник*. 3: 76–82.

Efremova E.A. (2020) Features of the Introduction of Social Technologies: Problems and Prospects. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 3: 76–82 (in Russian).

Карагулян Е.А. (2020) Умные устойчивые города в Арктическом регионе. *Вестник Евразийской науки*. 12(2): 45.

Karagulyan E.A. (2020) Smart Sustainable Cities in the Arctic Region. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 12(2): 45 (in Russian).

Кенжаева Б.О., Назарова В.Х., Арифджанова Н.З. (2024) Логистические системы пассажирских перевозок в крупных городах: проблемы и решения. *Universum: технические науки*. 2–4(119): 24–30.

Kenzhaeva B.O., Nazarova V.Kh., Arifdzhanova N.Z. (2024) Logistics Systems of Passenger Transportation in Major Cities: Problems and Solutions. *Universum: tekhnicheskie nauki* [Universum: Technical Sciences], 2–4(119): 24–30 (in Russian).

Кияненко К.В. (2022) Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т.М. Дридзе и в современной России. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 22(3): 720–731.

Kiyanencko K.V. (2022) Social Strategies for Urban Management and Urban-Environment Development in the Works of T.M. Dridze and in Contemporary Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 22(3): 720–731 (in Russian).

Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. (2024) Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 16(3): 533–554.

Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. (2024) Civic Participation of the Population in the Context of Municipal Public Policy Implementation. *Ars Administrandi*, 16(3): 533–554 (in Russian).

Лихтенштейн Б.М., Данилов О.Ф., Костырева Д.А. (2023) Система социальных взаимодействий при формировании платформенных решений в процессе реализации программ развития «Умный город». *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 1: 66–79.

Likhtenshtein B.M., Danilov O.F., Kostyрева D.A. (2023) The System of Social Interactions in the Formation of Platform Solutions in the Process of Implementing Smart City Development Programs. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics], 1: 66–79 (in Russian).

Макаров Н.А. (2023) Использование технологий умного города в городе Москва (на примере проекта «Электронный дом»). *Хроноэкономика*. 3(41): 29–32.

Makarov N.A. (2023) The Use of Smart City Technologies in Moscow: The Case of the “Electronic Home” Project. *Khronoekonomika* [Chrono-Economics], 3(41): 29–32 (in Russian).

Малышкина Д.А. (2022) Формы общественного участия в формировании городской среды. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 1: 85–95.

Malyshkina D.A. (2022) Forms of Public Participation in the Formation of the Urban Environment. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin], 1: 85–95 (in Russian).

Мырадова С., Сулейманов Р., Аннадурдыев Д. (2024) Эффективное городское управление через призму цифровизации и умных технологий. *Вестник науки*. 10(79): 502–505.

Myradova S., Suleymanov R., Annadurdyev D. (2024) Effective Urban Governance through the Prism of Digitalization and Smart Technologies. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 10(79): 502–505 (in Russian).

Нечаева Е.О. (2014) Социальные технологии: история становления и верси́и понимания. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 4(126): 55–64.

Nechaeva E.O. (2014) Social Technologies: The History of Formation and Interpretations of the Concept. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art History" Series], 4(126): 55–64 (in Russian).

Нотман О.В. (2022) Социальная технология формирования микролокальных режимов взаимодействия субъектов муниципальной власти и городских стейкхолдеров. *Вопросы управления*. 2: 61–75.

Notman O.V. (2022) Social Technology for Developing Microlocal Modes of Interaction between Municipal Authorities and Urban Stakeholders. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2: 61–75 (in Russian).

Пак С. (2022) Глобальный мегатренд Четвертой промышленной революции в цифровой экономике: как реализовать на практике потенциал «умных» городов? *Вестник международных организаций*. 17(2): 135–163.

Park S.C. (2022) The Fourth Industrial Revolution in the Digital Economy: How to Realize It with Smart Cities as a Practical Measure. *International Organisations Research Journal*, 17(2): 135–163 (in Russian).

Павлова Г.Г., Корбут В.А. (2023) Брендинг города: проблема регионального развития в России. *Общество, экономика, управление*. 8(2): 19–23.

Pavlova G.G., Korbut V.A. (2023) City Branding: The Problem of Regional Development in Russia. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie* [Society, Economy, Management], 8(2): 19–23 (in Russian).

Певная М.В., Тарасова А.Н., Якубова Э.Р. (2023) Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 25(3): 722–737.

Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Yakubova E.R. (2023) Civic Participation of Young People in Small Territories of a Large Industrial Region of Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 25(3): 722–737 (in Russian).

Попов Е.В., Семячков К.А., Борисов Д.Н. (2023) Аудит инновационных проектов «умных городов». *Муниципалитет: экономика и управление*. 2: 31–41.

Popov E.V., Semyachkov K.A., Borisov D.N. (2023) Audit of Smart City Innovation Projects. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie* [Municipality: Economics and Management], 2: 31–41 (in Russian).

Преликова Е.А. (2021) Социальные технологии в управлении городской средой. *Образование и проблемы развития общества*. 2(15): 46–51.

Prelikova E.A. (2021) Social Technologies in Urban Environment Management. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva* [Education and Problems of Social Development], 2(15): 46–51 (in Russian).

Секушина И.А. (2022) Качество городской среды крупных городов Вологодской области. *Проблемы развития территории*. 26(4): 111–135.

Sekushina I.A. (2022) The Quality of the Urban Environment in Large Cities of the Vologda Region. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 26(4): 111–135 (in Russian).

Спирин П.П. (2025) Трансформация российского градостроительства. *Academia. Архитектура и строительство*. 1: 102–110.

Spirin P.P. (2025) Transformation of Russian Urban Planning. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 1: 102–110 (in Russian).

Трофимова А.А., Фасхутдинов А.Р. (2023) Социально-экономический анализ технологии «умный город» в городе Москва. *Современная математика и концепции инновационного математического образования*. 10(1): 189–200.

Trofimova A.A., Faskhutdinov A.R. (2023) Socio-Economic Analysis of Smart City Technology in Moscow. *Sovremennaya matematika i kontseptsii innovatsionnogo matematicheskogo obrazovaniya* [Modern Mathematics and Concepts of Innovative Mathematical Education], 10(1): 189–200 (in Russian).

Уханова Ю.В., Жданова А.Э. (2022) Участие молодежи в развитии комфортной городской среды. *Caucasian Science Bridge*. 5(4): 136–146.

Ukhanova Yu.V., Zhdanova A.E. (2022) Youth Participation in the Development of a Comfortable Urban Environment. *Caucasian Science Bridge*, 5(4): 136–146 (in Russian).

Уханова Ю.В. (2023) Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 25(3): 663–676.

Ukhanova Yu.V. (2023) The Interaction of Society and Authorities in Urban Development: The Case of Large Cities in the Northwestern Federal District. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 25(3): 663–676 (in Russian).

Цзу Ч., Селькова А.В. (2023) Концепция человеко-центричного города как основа гуманистического градостроительства. *Ярославский педагогический вестник*. 2(131): 240–247.

Zu Chunming, Selkova A.V. (2023) The Concept of a Human-Centric City as the Basis of Humanistic Urban Planning. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2(131): 240–247 (in Russian).

Цумарова Е.Ю. (2021) Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 24(4): 221–249.

Tsumarova E.Yu. (2021) The Paradox of Public Participation in “Comfortable City Environment” Programs: Engagement Increased, Trust Declined. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(4): 221–249 (in Russian).

Чернова Ж.В. (2023) Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 5: 74–90.

Chernova Zh.V. (2023) Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities and Limitations. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*:

ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 5: 74–90 (in Russian).

Щемелева И.И. (2022) Исследование социальной активности и социального активизма в офлайн- и онлайн-пространстве. *Теория и практика общественного развития*. 7: 57–61.

Shchemeleva I.I. (2022) Research on Social Activity and Social Activism in Offline and Online Spaces. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 7: 57–61 (in Russian).

Christensen H.S. (2011) Key to Citizenship or Leisure Activity? Two Faces of Online Politics. *New Media & Society*, 13(8): 1210–1227.

Foth M. (2025) A Scientist's Warning on Smart Cities: Rethinking Urban Sustainability for More-than-Human Futures. *Journal of Urban Technology*. <https://www.doi.org/10.1080/10630732.2025.2575522>.

Healey P. (2006) *Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Petrovski A., Djukic A. (2026) Framework for a Participatory Co-Design Approach of Urban Spaces with Older Adults. *Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research*. <https://www.doi.org/10.1108/ARCH-12-2025-0578>.

Schulders M. (2022) Co-Creating Smart Cities – Design Thinking for 21st Century Urban Planning. *European Research Studies Journal*, 25(2): 301–315.

Soroudi A., Rizzo A., Ma J. (2024) Urban Sustainability in Arctic Cities: Challenges and Opportunities of Implementing the Sustainable Development Goals. *Urban Planning*, 9: Article 8349. <https://doi.org/10.17645/up.8349>

Vereshchagin I.F., Zashikhina I.M., Malygina M.V. (2023) Public Participation in City Building: Case of the Arkhangelsk Region. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(1): 143–166.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN URBAN DEVELOPMENT: THE CASE OF ARKHANGELSK

Ilya Vereshchagin (i.vereschagin@narfu.ru),
Inga Zashikhina (i.zashikhina@narfu.ru),
Semyon Fefilatiev (posyalub@gmail.com)

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

Citation: Vereshchagin I., Zashikhina I., Fefilatiev S. (2026) Social technologies in urban development: The case of Arkhangelsk. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 150–178 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.6> EDN: DVPOXW

Abstract. The article examines social technologies of citizen participation in urban development using Arkhangelsk as a case study. Particular attention is paid to the adaptation of the smart city concept to Arctic conditions. The empirical material consists of eight semi-structured expert interviews with representatives of municipal authorities, architects, engineers, urbanists, and civic activists. The study identifies structural barriers to participation that are significantly amplified in the context of Arctic cities. Harsh climatic conditions restrict face-to-face interaction and increase the need for enclosed, heated spaces for communication. The findings suggest that a genuinely smart agenda in the Arctic should prioritize the restoration of basic life-support infrastructure and the development of collaborative planning mechanisms rather than digital interfaces alone. Transparent procedures for incorporating participation outcomes into decision-making are essential for building long-term trust and strengthening residents' role as active participants in northern urban development.

Keywords: urban sociology, social technologies, public participation, smart city, Arctic cities, civic engagement, collaborative planning, urban governance, digitalization

«ДОМА И САРАИ СТРОИЛИ СВОИМИ РУКАМИ»: ИСТОРИИ ПРИСВОЕНИЯ СТРОЯЩЕГОСЯ РАЙОНА ПРОМЫШЛЕННОГО МОНОГОРОДА (ФОКИНО В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ) В 1960–1970-Е ГГ.¹

Альбина Александровна Заверткина (albazav213@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Заверткина А.А. (2026) «Дома и сараи строили своими руками»: истории присвоения строящегося района промышленного моногорода (Фокино в Брянской области) в 1960–1970-е гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 179–211. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.7> EDN: EBTTFH

Аннотация. В изучении «советскости» и, конкретнее, советской урбанизации второй половины XX в. все еще мало внимания уделяется уникальности локальных территориальных процессов. Осмысление трансформации территорий через дихотомию деревни и города часто подразумевает вынесение оценок и не позволяет увидеть «реальный социализм», скрытый за ними. В статье через три истории обустройства (dwelling) (Т. Ингольд) строящегося жилого района промышленного моногорода показано, что значил процесс урбанизации для местных жителей. Как жители делали меняющийся ландшафт своим? Что позволяло им чувствовать себя дома, на своем месте? Основные материалы статьи — биографические интервью с жителями, собранные в 2019–2024 гг. Контекстуализировать интервью помогают выпуски местной газеты «Брянский цементник». Для анализа применяется категория «своих», введенная в исследовательское поле А. Юрчаком, а также идеи об «обустройстве ландшафта», предложенные Т. Ингольдом. На локальном примере показано, во-первых, что урбанизацию можно рассматривать как многообразный процесс по изменению гетерогенных ландшафтов, выходящих за пределы строгой дихотомии деревни и города. Во-вторых, что в позднем социализме жителям были доступны инструменты причастности к жилой среде, «соучастия» в формировании ландшафтов, и не только как творческих пользователей пространства, применяющих «тактики» (Де Серто), или как тех, кто воплощал планы ручным трудом, строя жилые дома, но и как его проектировщиков, которые могли применять стратегии, добавляя в пространство новые материальные объекты — сараи.

Ключевые слова: деревня, город, урбанизация, советское, место, ландшафт, обживание.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00962, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>.

Введение

Что значит ощущать себя на *своем месте*? В исследованиях советского проблематика *места* пока не получила достаточно внимания. Авторы изучают архитектурные планы и идеологические описания городов (Бон 2013; Касаткина 2022), обращают внимание на географию исторических процессов, но редко описывают «свои места», за редкими исключениями (Bolotova 2012). Категория «своих» знакома советским исследованиям как категория лингвистическая (Юрчак 2016), но не пространственная. Хотя сам исторический контекст создает благотворную почву для такой концептуализации. Интенсивный процесс урбанизации XX в. и особенно второй его половины приводил к созданию многих новых *мест*, жители которых как-то делали их *своими*.

В статье я буду анализировать процесс строительства нового «городского» района Шибенец промышленного города Фокино в Брянской области в 1960–1970-е годы. Жители города не только наблюдали за активным изменением привычной им среды, но и участвовали в этих изменениях. На примере трех историй я покажу, как жители делали места своими. Теоретической опорой исследования послужили идеи антрополога Тима Ингольда, который ввел понятие «обустраивания» (*dwelling*) среды как онтологической практики проявления человека в мире. Для Т. Ингольда люди, как и другие живые существа, постоянно обустраивают местность под себя. В то же время среда, в которой живут люди, формирует то, как человек мыслит свой дом, свое жилище. Человеческие смыслы рождаются при контакте с окружающей средой, а не абстрактно, в башне из слоновой кости или на белом листе абстрактного плана. По Т. Ингольду, в результате человеческой жизнедеятельности формируется ландшафт (*landscape*). То есть для антрополога ландшафт — это не статичное отображение местности, не ее репрезентация, но совокупность практик, взаимодействий людей друг с другом и с окружающей средой, навыков и идей, закрепленных в теле (сформированных жизнью в определенной местности), а также ресурсов, доступных для использования локально. Ландшафт имеет свою жизнь: он ритмичен, подвижен, изменчив во времени.

Через истории трех семей я покажу, что строящийся микрорайон Шибенец в 1960–1970-е гг. становился обитаемым за счет создания и поддержания гетерогенных ландшафтов: деревенских домов, многоэтажных жилых домов, дворов, лавочек и сараев.

В статье четыре раздела. Первый посвящен историческому контексту. В нем я поясняю значительность преобразований территорий, происшедших в XX в., и ввожу термин «соучастие», который активно использу-

ется в современных градостроительных проектах. Появился он в 1960–1970-е годы в США как реакция на проекты урбанизации 1960-х гг., аналогичные проектам в СССР. Второй раздел раскрывает современные тенденции и актуальные сложности методологического и теоретического характера, с которыми сталкиваются авторы, изучающие советский урбанизм. Третий раздел эмпирический. В нем я анализирую воспоминания жителей, полученные в ходе сбора полевых материалов, через рассказ об истории трех семей, проживавших в разных местах внутри одного района. Наконец, четвертый посвящен выводам, которые можно сделать из описанных мною историй.

Перед тем как пойти дальше, я считаю важным обозначить позицию, из которой формировалось это исследование и из которой я пишу этот текст. Фокино — мой родной город, в котором я прожила почти 17 лет до того, как уехала учиться в Москву. Идея этого исследования родилась во время моей учебы на бакалавриате из внутренней тревоги и неустраивенности, связанных с ощущением себя *не-своей* ни в Москве, ни в Фокино. Исследование стало моим способом найти связь с этими топографиями, присвоить себе как пространство родного города, которое стало казаться непонятным и безмолвным, так и московскую, а позже петербургскую среду, которые в годы обучения формировались для меня академическим контекстом.

В отличие от классических антропологических исследований, в которых исследователь приезжает в незнакомое ему «поле», я для сбора материалов приезжала к себе *домой*. Больше, чем другие исследователи в работе над этим проектом, я сталкивалась (и продолжаю сталкиваться) со множеством этических дилемм, а также эмоциональных сложностей. В поиске теоретической поддержки моего положения, все еще нестандартного для антропологической теории и практики, я нашла опору в виде концепции «антропологии дома» (*anthropology-at-home*) (Wiederhold 2015). Исследовательница А. Видерхольд также проводила интервью в родном городе. Для осмысления своей позиции она предлагает рассмотреть взаимодействия исследователя с «полем» не через дихотомию «ученый — изучаемый», а через идею, что в любых социальных контактах мы в каждом конкретном случае частично «свои», а частично — «чужие». Например, белой женщине проще найти контакт и понять опыт другой белой женщины своего возраста, чем оказаться «своей» для черных мужчин. Для них она больше будет «чужой». Разговаривая с жителями родного города, я также была «своей» только частично. Я тоже родилась в городе Фокино, меня, как и других жителей, волнует его прошлое, настоящее и будущее. Такая общность позволяла находить эмоциональный контакт с моими

собеседниками. При этом даже при первых интервью я уже не жила в Фокино постоянно, я была уезжей «москвичкой». Помимо этого, я не знала большинства историй о прошлом, о которых говорили мои собеседники, и для этого прошлого я была внешней наблюдательницей.

Когда я стала узнавать об истории строительства города Фокино в первых интервью, меня поразили масштаб и относительная близость исторических событий, связанных с трансформацией территории. Вся материальная среда, в которой я выросла, появилась за время жизни поколения моих бабушек и дедушек. Вместо соснового леса возникли многоэтажные дома и детские площадки, школы и магазины. Я родилась в конце 1990-х, тогда, когда последние отголоски советского урбанистического проекта перестали получать материальное воплощение. Когда мои собеседницы и собеседники с ностальгией рассказывали о собственном прошлом, неразрывно связанном с прошлым города, я удивлялась рассказам о теплых добрососедских отношениях и о включенности жителей в процесс строительства. Они часто говорили, что делали все «сами», «своими руками», а также подчеркивали, что «все друг другу помогали». Они рассказывали о том, как сами или их родственники, или их знакомые строили дома, ремонтировали здания, обустраивали дворы и детские площадки. Они считали это место своим и обустраивали его для себя, своей семьи и остальных жителей совместно друг с другом. Некоторые из них тоже начинали чувствовать отчуждение от пространства вокруг них, поскольку в него пришли новые, чужие люди, которые стали строить что-то другое или стали пользоваться пространством не так, как пользовались они. Вместе с ними я переживала чувство отчуждения от, казалось бы, родной среды. И сопереживала их чувствам ностальгии о прошлом, в котором ощущение своего места было явным и разделяемым с другими.

Далее я не буду касаться методологических и эпистемологических сложностей автоэтнографичной проблематики этого исследовательского проекта, связанных с моей позицией. В центре внимания — героини историй, а не мой личный опыт, для осмысления которого, быть может, стоит написать отдельную статью. Периодические мои собственные наблюдения как жительницы города и одновременно антрополога будут проявляться вместе с наблюдениями и воспоминаниями моих собеседников.

Основные материалы статьи — биографические интервью с жителями города. Всего в моем личном архиве хранится 35 биографических интервью, которые я брала на протяжении 2019–2024 гг., работая над учебными проектами. Большая часть из них (26 интервью) проведена с теми, кто родился в 1930–1960-х гг. и представляет «первые поколения» городских жителей: на протяжении их жизни поселению был присвоен статус города.

В 2019–2021 гг. я собрала 10 интервью. Я находила своих собеседников через личные знакомства (мои родные бабушки, их знакомые, бабушки моих друзей), через социальные сети, например «ВКонтакте». Беседа строилась в свободной форме, я спрашивала о том, как люди жили в прошлом, задавала уточняющие вопросы в тех местах, которые казались мне удивительными и необычными. В 2021–2022 гг. я собрала 18 интервью (девять — с «первым поколением» жителей и девять — с теми, кто родился в конце 1990-х — начале 2000-х, моими ровесниками). Зная, что я продолжаю заниматься изучением истории города, мои респонденты сами предлагали мне поговорить с их знакомыми, далее я просила рекомендовать кого-то еще, действуя в логике «снежного кома». В этот раз я собирала биографические интервью по методологии Розенталь, дополненной Шютце (Розенталь 1993; Рождественская 2012; Schütze 2014). В начале просила рассказать собственную биографию, и мои собеседники рассказывали историю своей жизни в свободной форме. Далее я спрашивала о каждом этапе, задавая уточняющие вопросы о том, как менялась среда, в которой они жили, и как они или их родственники, знакомые принимали участие в процессе строительства и обживания вначале поселка городского типа, а затем города Фокино. Такой способ беседы направлен на то, чтобы минимизировать влияние исследователя, задача которого сводится к тому, чтобы дать возможность собеседникам построить длительные последовательные нарративы о своей жизни. Исследователь играет роль помощника, задавая уточняющие вопросы. Я с помощью такой методологии в том числе пробовала минимизировать собственное влияние как жительницы города, убирая свои оценки и предположения о разных местах на территории Фокино. В 2022–2024 гг. я взяла еще семь интервью, которые были более тематическими, касались вопросов строительства города или отдельных его частей. Респондентов я уже находила через знакомых моих прошлых собеседников.

Для написания текста я прихожу к классическому для антропологического исследования решению, желая обезопасить своих респондентов. Имена моих собеседников изменены, разные биографические характеристики совмещены в единый портрет. Учитывая уникальность моего кейса, я надеюсь, что при желании жители города сами смогут идентифицировать себя в тексте.

Помимо интервью, для контекстуализации информации и более полной картины застройки района я также обращалась к выпускам местной газеты «Брянский цементник» за 1950–1970-е гг. и к материалам личных архивов жителей. Устные истории содержат иной взгляд на процесс урбанизации города Фокино, нежели отраженный в печатных изданиях.

Об отношении между официальной советской риторикой урбанизации и реальными практиками я также скажу.

Все собранные материалы помогают мне понять историю урбанизации поселения и формируют мое мышление об исторических процессах. Однако в статье я буду использовать только некоторые из них.

Исторический контекст: «соучаствующее проектирование» при социализме

Глобально XX век — время интенсивной урбанизации. Этот период охватывает расцвет модернистских идей и надежд на рациональное обустройство территорий — от концепции города-сада Э. Говарда, появившейся еще в конце XIX в., до идеи микрорайонной застройки, ставшей актуальной для СССР в 1960-е гг. Несмотря на возникновение иллюзорных идей социалистов, которые включали в себя элементы «сельской жизни», утопичность «города» побеждала. Повсеместно в публичной риторике приоритет города над деревней был неоспоримым. В разных странах стремились создавать и строить города. Вторая половина XX в. — время глобального жилищного кризиса, а также восстановления разрушенных войной территорий. Для жилой архитектуры это время повторного расцвета модернистских идей рационально устроенного пространства, которым на помощь пришли новые технологии. Внедрение инженерных новшеств, массовое производство строительных материалов, распространение бетона как основного материала для строительства сделали возможным быстрое возведение новых многоэтажных домов, которые помогли решить проблему жилищного кризиса. По переписям населения 1960-е гг. признаются десятилетием, когда большая часть населения СССР стала жить в городах.

Однако критика модернистской реализации устройства городов возникла почти сразу. Города и городские территории, застраиваясь по рационально продуманному плану, были похожи, однообразны. В США уже в 1960-е гг. появилась критика подобных проектов застройки, например известная книга Дж. Джейкобс (Jacobs 1961) о «смерти городов», в которой автор критикует застройку рабочих кварталов. В строго распланированной среде, по мнению автора, невозможно проявление свободы и разнообразия социальной жизни, что делает эти районы нежеланными для жизни. В ответ на критику профессионалов, обозначенную Дж. Джейкобс, а также на реакцию местных сообществ, в США уже в 1960–1970-е гг. появились первые программы «соучаствующего проектирования», которые предполагали включение жителей в процессы проектирования территорий на разных этапах. Считалось, что при «соучаствующем проектировании»

учитывается местный опыт жителей, их локальное знание территории и уникальные потребности. Кроме того, считалось, что, подключаясь к проектированию и строительству жилых районов, жители начинают чувствовать их своими, становятся их соавторами и хозяевами (Arnstein 1969; Friedmann 1973).

В СССР урбанизация стала важной задачей с 1920-х гг. Социализм должен был быть городским (Zakirova 2018). Несмотря на разногласия в конкретных представлениях о городе, последовательной амбицией советского правительства было создание особого, социалистического города, отличного от городов в странах с капиталистической экономикой. Советский социалистический город должен был вобрать в себя лучшие черты деревенского и городского быта. В советском городе не должно было быть отчуждения от окружающей среды и бедности социальной жизни. В первой половине XX в. акцент был на создании промышленной базы страны, в связи с этим появилось много промышленных центров и моногородов, которые строились с нуля (Меерович 2008; Меерович 2018; Kotkin 1995). В 1960-е гг. развитие промышленности продолжало быть важной задачей, но внимание также получили сферы легкой промышленности и строительные индустрии. 1960-е — это также время введения в практику строительства «хрущевок», типовых многоэтажных домов, а также идеи (микро)районной застройки. Микрорайоны, которые стали базовой единицей территориального мышления, представляли собой рационально организованные жилые зоны. В составе микрорайона жилые дома располагались рядом с необходимыми инфраструктурами, магазинами, почтой, детскими садами, образовательными учреждениями, местами досуга, зелеными зонами. Внутри районов нет необходимости в транспорте, транспорт нужен, чтобы соединять жилой район с местами работы, промышленными центрами, с другими районами. Многие советские граждане получали жилье в новостройках. Массовое переселение жителей из бараков и коммунальных квартир улучшило качество жизни многих советских граждан (Harris 2013). Время 1960-х, время оттепели, — это еще и время *новоселов*, получения квартиры, ремонтов, создания нового быта (Reid 2014). В советских медиа вновь актуализируется риторика города. Городское было знаком развития, продвижения вперед, а деревенское — знаком отсутствия развития, отсталости, прошлого, которое необходимо преодолеть, чтобы прийти к светлому будущему. Провозглашаемой задачей советского правительства было создание новой нормы жизни, и новые нормы должны были быть городскими, формировать советского горожанина, преодолевать «отсталость» деревенского образа жизни (Reid 2014; Zakirova 2018).

В постсоветском контексте популярна критика советских «городов» как недо-городов (Зубаревич 2016; Кудюкин 2012), а амбиции советского правительства авторы оценивают как провальные (Зубаревич 2016; Кудюкин 2012; Богданова 2013). Кроме того, в постсоветской культуре все еще сильна критика «хрущевских» районов как скучных и репрессивных, лишаящих жителей свободы творчества, аналогичная критике Дж. Джейкобс рабочих кварталов в США в 1960-е гг. Массовые типовые проекты критикуют за то, что они лишают жителей свободы проявления себя и творчества, а рациональное, продуманное «сверху» устройство жизни лишает возможности творчески проявляться местному сообществу и присваивать себе территорию, создает отчуждение жителей от жилой среды, построенной для них, но без их участия. Современные исследователи отвечают на эту критику, показывая, как советские граждане имели возможность «соучаствовать» в строительстве жилых районов (Богданова 2013; Reid 2014; Bolotova 2012). Можно сказать, что советский урбанизм они видят как «соучаствующий». Как конкретно авторы это концептуализируют, мы увидим в следующем разделе текста.

В этом насыщенном историческими событиями контексте развивался и поселок Цементный, получивший в 1964 г. статус города и название Фокино, — объект и место проведения моего исследования. Жители поселения проживали глобальный процесс урбанизации в его советской версии и соотносили себя с ним. Каким образом они делали его «своим», как им удавалось или не удавалось принимать участие в стремительном изменении ландшафта их поселения? Прежде чем рассматривать эмпирические истории и отвечать на эти вопросы, обратимся к теоретическому контексту исследования. Поговорим о понятиях и способах их применения.

Теоретический контекст: уникальная множественность советской урбанизации

Один из главных вызовов в современных исследованиях «советского» — поиск теоретических моделей, которые позволяют учитывать, во-первых, уникальность советского проекта, во-вторых, множественность исторических процессов.

Первая задача предполагает чуткость к понятийному аппарату и поддержание от «оценок» и «суждений» из перспективы иного контекста (европейского, американского, постсоветского). Сюда же относятся понятия города, деревни, государства и общества, которые я упоминала в предыдущем разделе. Частично разрешить эту сложность помогает идея процессуальности. Современные авторы (Bocharnikova, Harris 2017) предлагают рассматривать урбанизацию как процесс «становления городским»

(becoming urbane). Отталкиваясь от этой идеи, я предлагаю вместо обозначения территорий как деревенских и городских обращать внимание на то, какие изменения происходят с территориями, если мы учитываем тот факт, что они меняются в контексте урбанизации. Урбанизацию же я предлагаю видеть как процесс, который имеет как глобальный, так и локальный (на уровне страны, поселения) уровни и с которым жители территорий как-то связаны: они вступают с процессом урбанизации в какие-то свои связи, отношения. При изучении конкретного кейса изменения территории задача сводится к исследованию отношений конкретно этой территории и ее жителей с процессом урбанизации.

Задача по поиску множественности связана с первой задачей. Увидеть множественность возможно с помощью таких концептуализаций, которые позволяют видеть исторические процессы вне противопоставлений города и деревни, государства и общества.

Часть исследователей работают над поиском таких моделей и способов осмысления советской урбанизации. Дихотомия «государство — общество» преодолевается в исследованиях советского урбанизма через изучение совместных практикстроек, озеленения, обустройства квартир (Bolotova 2012; Касаткина 2022; Reid 2014; Рожанский 2012). Обращаясь к материалам устных интервью и местных печатных изданий, авторы показывают, как жители творчески подключались к планам советского правительства, присваивали себе совместные практики жизни в городах, своими руками строили дома и обустроивали квартиры. В результате авторы говорят не о «репрессивном государстве» или о «лояльных государствах граждан», а о различных формах совместной жизни, в которых ресурсы советского государства видятся как инструменты, при взаимодействии с которыми горожане формируют свои субъектности и связи с другими. Анализируя материалы разных кейсов, исследователи сходятся в общем понимании советского проекта урбанизации как альтернативной формы модерности. Повсеместное участие жителей в стройках домов и обустройстве квартир создавало опыт причастности к жилой среде, и так преодолевалось отчуждение, характерное для эпохи модерна и стран с капиталистической экономикой (Heidegger 1978; Oakes 1997). Соучастие авторы видят в ручном труде советских граждан, а также в наделении совместных практик, связанных с урбанизацией, своими смыслами. При этом в рассматриваемых авторами примерах горожане все же остаются пользователями, хоть и творческими, созданного и спроектированного для них и за них пространства, не имея ресурсов к изменению проекта и плана. И хотя авторы показывают, что районы «хрущевок» были для жителей не унылыми, а скорее местом проявления инициативы и сосед-

ской мобилизации, все же жителям оказывались скорее доступны тактики, но не стратегии (Де Серто 2013). Я покажу, что в моем кейсе, помимо тактик и практик обживания пространства, жители также имели возможность быть его проектировщиками, они достраивали новый район, придавая его материальной структуре свои смыслы.

Дихотомию «город — деревня» преодолеть сложнее. Я пока не вижу возможности вводить новые понятия для описания территорий, поэтому буду использовать понятия города и деревни, деревенского и городского. В отличие от авторов, с языком описания которых я не согласна (Зубаревич 2016; Богданова 2013; Кудюкин 2012; Меерович 2008; Меерович 2018), я буду использовать понятия деревни и города безоценочно, не как знаки хорошего или плохого и не примеряя понятия «города» или «деревни» как нормативную рамку для моего кейса. Вместо этого проанализирую, как их используют мои собеседники и как они к ним относятся. Это позволило мне увидеть, что деревня и город необязательно вступают друг с другом в противостояние.

Значимый пример преодоления бинарного осмысления советских процессов, поиск уникальности и множественности — введение понятийной категории «своих» в работе А. Юрчака (Юрчак 2016). Изучая «последнее советское поколение», автор описывает разные «республики своих» — группы людей, которых нельзя назвать ни диссидентами, противопоставлявшими себя режиму, ни лояльными советской власти. Они были другими, формировали собственные смыслы и способы говорения друг с другом, находились внутри советского режима и одновременно вне его. Способы говорения позволяли сказать свою правду и носили не референциальный смысл, но социально-перформативный, отделяя «своих» от не-своих.

Категорию «свой» привычно рассматривать в контексте языка как в бытовом, так и в академическом ключе, но в контексте «места» скорее необычно и оригинально для теоретического осмысления, как бы ни было привычно нам в нашей повседневности. В кейсе моего исследования категория «своего» меня будет интересовать в нескольких аспектах. Во-первых, если обращать внимание на то, как жители говорят о «своих» как о тех, которые относятся к конкретному месту, как анализ и описание «своих», связанных с местом, помогут нам увидеть еще одну грань советской урбанизации? Во-вторых, что для жителей поселения значило чувствовать себя на *своем месте*, т.е. *дома*, в той среде, которая согласуется с проявлением их субъектности и желания социальных связей? Как жители осваивались, обустривались и присваивали себе территорию интенсивно менявшегося жилого района? Как они делали ее *своей*?

Кейсы, о которых пойдет речь, я буду рассматривать через призму этих вопросов. Для теоретической концептуализации я обращаюсь к идеям антрополога Т. Ингольда, к его пониманию «ландшафта» и идее «обустраивания» (dwelling) среды. Вслед за Т. Ингольдом ландшафт я буду понимать не как картину или репрезентацию, но как среду, которая возникает в результате жизнедеятельности. Ландшафт включает в себя и материальные объекты, и практики. Для описания ландшафта необходимо изучить, как люди обживают и обустраивают (dwelling) построенную вокруг себя среду (built environment). Согласно Т. Ингольду, мы достраиваем среду вокруг себя исходя из идей, навыков, представлений, памяти, которые носим в своих телах. В то же время наши представления, идеи, навыки, телесная память — часть среды, в которой мы жили и живем. Обживание среды и создание ландшафта — процесс творческого взаимодействия человека с окружающей местностью. Внутри ландшафта могут быть отдельные зоны (taskspaces), которые характеризуются конкретными практиками внутри них. Понятие ландшафта связано с понятием темпоральности. Темпоральность для Т. Ингольда не абстрактное время и не последовательность исторических событий, а ритм социальных практик, которые протекают в среде.

Идеи Т. Ингольда редко используются для описания исторических процессов. Значимое исключение — исследование А. Болотовой об отношениях жителей с природным ландшафтом в промышленных городах. Автор соединяет теории Т. Ингольда и М. де Серто для описания «реального» понимания «природы» жителями города, а не того, каким его запланировали архитекторы. На материалах интервью А. Болотова показывает, как через «тактики» (Де Серто 2013) присвоения среды жители создавали свои природные зоны, отличные от функционального зонирования рационально устроенного современного плана промышленного города. В кейсе А. Болотовой присвоение среды происходило через творческое пользование ресурсами, заданными планировщиками. Аналогично причастность жителей к среде, их «соучастие» осмыслиется в работах других авторов, анализирующих другие топографии (Reid 2014; Рожанский 2012). Применение теории Т. Ингольда для моего кейса покажет еще один пример из многообразия проектов советской урбанизации, в котором «соучастие» не ограничивается присвоением плановой застройки через ручной труд.

Место исследования

Город Фокино — моногород строительной отрасли с работающим цементным заводом. В нем проживает около 13 тысяч человек, большая часть которых живет в жилом микрорайоне Шибенец. Завод появился

еще до революции, в 1899 г., по инициативе промышленника Льва Шешнищева. Предприятие возникло рядом с месторождениями мела и глины, которые необходимы для производства цемента, оказавшись вблизи скопления деревень Боровка, Балдыж, Шибенец, Пупково, Березино, Доманово¹ (Островляничик, Хрипач 1999). С конца XIX в. жители деревни приезжали работать на цементном заводе, а потом и на сопутствующих промышленных предприятиях, производящих асбест, шифер, ремонтирующее заводское оборудование. Поселение долго не имело уникального имени и называлось Цементный завод, или просто поселок Цементный.

После революции развитие поселения определялось курсом советской власти. В 1940-е годы поселение было затронуто войной, поселок был оккупирован, часть жителей увезли в лагеря, часть построек разрушена, но завод и его главная печь сохранились. С 1950-х годов началось послевоенное восстановление поселения, завод вновь начал производить цемент, который стал нужен на многие стройки страны. На завод продолжали приходить жители местных деревень, пленные возвращались из лагерей. Кроме того, в поселение приезжали по распределению технические специалисты и учителя. К концу 1950-х материальный ландшафт поселения преимущественно составляли деревянные постройки. Часть местных жителей жили в деревнях, в домах со своими участками. Приезжие селились в основном в бараках, коммунальных квартирах, общежитии. Небольшая часть населения жила в поквартирных двух- и трехэтажных домах.

В 1961 г. по плану, разработанному Брянским строительным институтом, начал застраиваться новый жилой район, в котором предполагалось построить много многоэтажных многоквартирных домов. В местной газете заместитель директора цементного завода по капитальному строительству описывает будущую застройку через проект будущего по возведению новых инфраструктур:

Она [планировка] включает в себя два микрорайона 4-х этажной застройки, квартал индивидуальной застройки, административно-торговый центр, квартал коммунально-бытовых учреждений. В новом поселке будут построены клуб на 600 мест, библиотека, больница, гостиница, ресторан. В поселке будут три школы на 960 учащихся каждая, детские сады, ясли, техническая школа на 240 учащихся (Новый поселок цементников // Брянский цементник. 28.10.1961. № 39 [247]).

¹ Список сельских населенных пунктов дан на основе корпуса интервью с местными жителями.

В описании плана не подчеркивается его уникальность, учет планировки и зонирование территории в отношении местности и локальных особенностей поселения, его жителей и их нужд. План создавался из логики типовой массовой микрорайонной застройки, в которой должны были быть в шаговой доступности базовые, необходимые для жизни учреждения (магазины, школы, больницы и др.).

Дома стали строить рядом с деревней Шибенец, которая располагалась на противоположном от заводов берегу реки Болвы. Предполагалось, что такое расположение учитывает направление ветров, а кроме того, имеет естественный барьер из леса, что исключает вредное задымление жилой зоны. Городские инфраструктуры пришли не в саму деревню, а строились по соседству. Территория деревни Шибенец продолжает существовать. Там и сейчас живет часть поселения, а часть содержит дачи и свои участки.

Строителями нового района были в основном работники местной строительной организации, СМУ — строительно-монтажного управления. Иногда к стройке могли подключаться сотрудники строительных участков промышленных предприятий, а также жители, занятые в других профессиях. Как и в других топографиях послевоенного советского социализма, местные жители участвовали в возведении жилых зданий по плану типовой застройки (Bolotova 2012; Reid 2014). Поколение строителей чувствовало свою причастность через ручной труд. Хотя им не был доступен уровень проектирования района, для них присвоение плана типовой застройки происходило через участие в его строительстве (Bolotova 2012).

В 1964 г. поселение Цементный завод получило статус города и название Фокино. После этого стройка района приобрела статус строительства «городского» жилого района. У района сначала не было названия. И хотя были идеи придумать отдельное имя новому поселению, постепенно район стал называться так же, как деревня, — Шибенец, а сама деревня — Старым Шибенцом. С 1969 г. территория деревни Шибенец также стала официальной частью города Фокино. Строительство микрорайона Шибенец по плану 1961 г. происходило вплоть до конца 1990-х гг.

За 30 лет было построено около 50 жилых многоквартирных домов, здание больницы, Дома отдыха, три детских сада, две школы, два техникума, общежитие, клуб, детские площадки. С 1970–1980-х гг. жители официально получили возможность строить гаражи и дачи. Они возводили их по границе многоквартирной зоны, расширяя жилую зону дальше в сосновый лес. Кроме того, в 1960-е гг. жители нелегально строили сараи рядом с линией первых городских домов.

Часть многоэтажных зданий начали строиться в последние десятилетия СССР, но так и не были достроены, они стали местными

«заброшками» и оставались стоять заброшенными еще в 2010-е, пока их не снесли и не возвели на их месте новые многоэтажные дома. Часть советских построек становились заброшенными постепенно, например Дом отдыха, где раньше проходили оздоровительные процедуры работники завода, функционировал еще несколько десятилетий после распада СССР. С 1990-х в микрорайоне построили новые многоэтажные дома, здание церкви, дома молитвы, спортивный комплекс. Часть местных жителей продолжают строить дачи в пространстве деревни Шибенец.

Для жителей, населяющих город Фокино, пространство воспринималось и воспринимается не единообразно, а гетерогенно, есть множество разных пространств, или *ландшафтов*. Во-первых, «старый город», который идентифицируется с названием Фокино и отсылает к заводской части. Это место, где располагается цементный завод и другие промышленные предприятия. Оно вобрало в себя территорию поселения Балдыж, где жили первые заводские рабочие. В старой части города есть и жилые дома, где живет часть жителей, и Дом культуры. Об этой части города я не буду говорить в статье. Во-вторых, есть множество наименований соседних деревень: Боровка, Пупково, Доманово, — которые располагаются рядом и частью жителей считаются «своими» местами, хотя они официально не являются частью города. Я буду упоминать их тогда, когда они важны для моих собеседников. Внутри города Фокино при приближении к его жилой зоне важно деление на Шибенец и Старый Шибенец, которое знают и разделяют все жители города. В-третьих, пространство самого Шибенца неоднородно. Жители разделяют его по зонам с помощью нумерации домов. Всем понятно, о какой зоне района идет речь, если указать номер дома или его специальное наименование. Среди такого территориального деления для статьи особенно важно обозначение «первые дома», или «старые дома». Так жители, особенно представители старшего поколения, называют те здания, которые были построены в районе первыми. Они представляют собой одну линию из шести многоэтажных многоквартирных зданий.

Я рассмотрю истории трех семей, через которые раскрывается многообразие процесса советской урбанизации, обживания территории и ощущения себя на «своем» месте. Первая история — история семьи Людмилы, которая жила в деревне Шибенец, когда началось строительство городского микрорайона. Я использую воспоминания Людмилы о том, как ее мама участвовала в стройке, и о ее личном самоощущении себя в городе. Вторая история — история семьи Надежды, которая переехала из бараков на Балдыже в первые дома в Шибенце в 1965 г. Надежда также наблюдала за изменением ландшафта вокруг нее, видела, как ее родители участвовали

в обустройстве территории, создавали свой «новый быт» в провозглашенной «городской» среде. Третья история — история семьи Ларисы, которая получила квартиру в Шибенце в 1978 г. Стройка района все еще продолжалась, Лариса не только наблюдала за ней, но и принимала участие в обустройстве нового района.

Кейс 1. История семьи Людмилы: жизнь в деревне Шибенец и начало строительства «городского» района

Людмила родилась в деревне Шибенец в 1953 г. в семье основателей деревни. Ее семья вместе с другими строила деревню и давала улицам деревни названия (рис. 1).

В ходе беседы Людмила подчеркивала, что она «старожилка» и что она «с Шибенца, с самого», из поколения семей основателей. В детстве жили большой семьей в собственном деревянном доме, вместе с бабушками и дедушками. У семьи было свое хозяйство: «Свой дом. Огород. Хозяйство. Корова, поросята, теленок, утки, куры, собаки — все было. Готовка дров, сено, и пошло-поехало». Людмила помогала родителям по хозяйству: стирала вещи, кормила животных, собирала урожай. Она с ностальгией вспоминает времена детства и юности — тогда было «дружно». Тогда деревня «всей улицей» праздновала общие праздники: сбор урожая, свадьбу, проводы в армию: «Тогда ж и свадьбы, и проводы, почти полдеревни гуляло. Гудят. Неделю отдай, 3–4 дня — это точно».

Ее мама работала в СМУ, отец — на цемзаводе, в промышленной части поселения, на противоположном берегу реки Болвы. Бабушки и дедушки

Рис. 1. Старый Шибенец. Фото из личного архива автора, 2019 г.

тоже работали на промышленных предприятиях в Цементном поселке. В 1960-х гг. мама стала работать «на стройке», строить многоэтажные кирпичные дома будущего городского микрорайона. Привычный с детства ландшафт менялся на глазах Людмилы. Рядом с деревней, на ее границе, вместо леса из сосновых деревьев появлялись городские дома. Туда постепенно стали приезжать новоселы из бараков и коммунальных квартир промышленной части поселения. У деревенских детей появились новые приятели «со стройки», с которыми они вместе играли, собирали грибы в лесу, устраивали спортивные соревнования.

Грибы собирали по лесу, в футбол играли, в волейбол. Тогда ж играли между домами. Например, как говорилось в футбол: Шибенец на Стройку. Шибенец — это деревня. Стройка — это где дома начали строить. Вот за домами в футбол играли. Тут футбольное поле было, где сейчас школа стоит. Вот играли между собой.

Помимо совместных игр, дети вместе учились в школе (рис. 2). В 1960-х дети «со стройки» ходили учиться в начальные классы в деревню, учились в деревянной избе:

Вот где березы растут, как идешь от училища и там березы растут. Вот прогалок на деревню выходишь. Вот на улице Чапаева там деревянный дом. Сначала этот дом строил Степан. А потом отобрали у него этот дом. На школу взяли этот дом. Копейку заплатили. Он другой себе построил дом дальше тогда. Внизу. Пятистенок был. В одной половине 2–4 классы учились, в другой половине — 1–3. Два учителя были у нас, как сейчас помню. Дома, конечно, этого нет, разобрали. А деревья остались, память, кто проходим, как говорить, старожилы, смотрим, что от школы осталось. Это мы сами сажали уже эти деревца.

Уже потом все дети района станут ходить в городское здание школы, которое построят с помощью местных жителей в 1971 г. Пока рядом с деревней мама Людмилы и другие строители строили все больше домов, здание котельной, Людмила с семьей продолжала жить в деревне со своим хозяйством. В конце 1970-х годов¹, когда начали проводить газ и водопро-

¹ О газификации Шибенца упоминается в газетной заметке 1977 г. В тексте говорится, что газифицировано около 100 квартир. Это совпадает с воспоминанием местной жительницы, которая датирует появление газа в доме 1978–1979 гг. В газетных статьях 1960-х гг. пишут о газификации «старой части города», т.е. территории на противоположном берегу реки, где расположены промышленные предприятия.

Рис. 2. Школа на Старом Шибенце. Архив местной жительницы. Фотография школьной стенгазеты. Стенгазета не сохранилась

вод, деревенским жителям стали обрезать участки земли, своего хозяйства постепенно становилось меньше¹:

Огороды стали обрезать у нас. Да-а. Поубрали огороды под строительство. Первый раз, сколько они там обрезали, почти половину огорода. Вот. Газ тянули. С Фокино сюда тянули. Потом уже больше обрезали, когда новый дом стали ставить. Тогда все, считай забрали весь огород.

Сама Людмила после школы пошла в местный техникум, потом уезжала на практику в Северодвинск, а после практики вернулась в Фокино, вышла замуж, стала жить в квартире в многоквартирном доме вместе с мужем и детьми, работать на местных предприятиях. Кроме основного места

¹ Однако жители содержали свое хозяйство вместе с живностью еще довольно долго. Я помню, как еще в моем детстве, в 2000-е гг., можно было встретить коров, пасущихся на лугу между Старым Шибенцом и первыми многоквартирными городскими домами.

работы Людмила подрабатывала ремонтом. Помогала ремонтировать жилые квартиры, которые могла строить ее мама, и здание школы, в строительстве которой участвовала ее мама.

Мои дочки пошли в ту же школу. Все всех знали. Мама строила. Мы учились. Потом мы ремонтировали, помогали. На родительских собраниях меня все время вспоминали, что я ремонтировала классы, помогала.

Когда Людмилу сократили в 1990-х, она уехала на заработки в Москву. В 2000-е вернулась в родительский дом в деревне, отремонтировала его, завела живность и во время нашего разговора в 2019 г. продолжала жить в своем родном доме. Сейчас в деревне уже нет тех праздников, которые были в детстве Людмилы. Постепенно со смертью родителей Людмилы и разрастанием городской части уличные праздники ушли в прошлое:

Мода [на совместные гуляния] кончилась. Сейчас шепотом ушел в армию, шепотом пришел, шепотом женился. И все нормально.

Людмила с ностальгией вспоминает прошлое и детство, когда ощущалась дружность совместной жизни. Тогда, в 1960-е гг., деревня была местом совместных гуляний и праздников, земельного ручного труда, соседской взаимопомощи и ручного строительства. Деревенский ландшафт формировался деревянными домами со своим хозяйством. Его ритм задавался работами по содержанию своего хозяйства и совместными праздниками. Темпоральность жизни в деревне была, конечно, связана с работой промышленных предприятий. Но в случае Шибенца ее задавал не единственный заводской гудок (Димке, Корюхина 2013) — она была множественной. Ритм жизни в деревне Шибенец задавали режимы работы местных заводов и строительных организаций, в том числе темпы жилищного строительства, а также сезонность сбора урожая и режимы выпаса скота.

Для Людмилы Фокино — ее родной город. При этом внутри него она считает себя местной «деревенской старожилкой». Она — «Шибенская, с деревни, со Старого Шибенца». Для нее и я «своя», поскольку родилась в Фокино и жила в Шибенце, но есть еще и более локальные «свои», местные старожилы, из семей основателей деревни, на чьих глазах строился город и чьи семьи участвовали в строительстве. Деление территории на деревенскую и строящуюся, городскую, появившееся в 1960-е гг., актуально для Людмилы, как и для других жителей, до сих пор:

Разница такая, что город, да? Понимаешь? И деревня. Так и было. Старый Шибенец, оно и сейчас считается эта улица —

Старый Шибенец. А мы называли «Стройка» — вот это, где дома начинали строить, называли «Стройка». Они нас называли — шибенские, со Старого Шибенца. Оно и до сих пор так, кто старожилы, все друг друга: «Что ты не знаешь, со Старого Шибенца?»

Для социальной навигации в определении «своих» приоритетным оказывается не язык, не особые смыслы или диалект, но место, жизнь в конкретной среде. Важнее оказывается не вопрос «чей?», характерный для деревенской социальности (Гололобов 2005), а вопрос «откуда?», который показывает и чей ты, частью какой семьи ты можешь быть.

Именно деревенский ландшафт — то ценное и значимое, что вспоминает Людмила, рассказывая о прошлом. Для нее ностальгия по советскому времени — это ностальгия по детству и времени жизни в деревне, когда все жили дружно и сообща, когда праздновали вместе сбор урожая, когда соседи были знакомы. И все это постепенно уходило в прошлое вместе со строительством города, который строили жители деревни. Для Людмилы город не является чем-то чужим и внешним, она видела, как он появляется, она приходила на работу к маме «на стройку», она жила в нем, а потом помогала ремонтировать его здания. Но он все же был и остается другим ландшафтом, отличным от деревенского по своему материальному устройству и по социальным практикам, которые он принес вместе с собой.

Такое отношение отличается от стандартного разделения на деревенское и городское, представленное в исследованиях (Богданова 2013). Новоселы многоэтажек были другими, но не были чужими для жителей деревни. Ландшафт города был другим, но и он не был чужим, он был соседским и «своим», поскольку его строили «свои».

Для городских пространство деревни также было другим, но не чужим. Когда жители женились / выходили замуж, молодая семья могла жить вместе в деревне, хотя раньше кто-то из них жил в городской квартире. Несмотря на исключение деревенского ландшафта из официального нарратива советского урбанизма, он составлял значимую часть ландшафта поселения и до сих пор актуален для жителей города. Сейчас на территории деревни Шибенец все еще живет часть населения города. Кто-то постоянно живет в собственном доме и ведет небольшое хозяйство. Кто-то покупает себе дом с участком как дачу, продолжая жить в многоквартирном доме.

Такая жизнь деревни отличается от того, как она описывалась в местной газете «Брянский цементник». Начиная с первых выпусков газеты в 1957 г. в статьях, посвященных жилой среде поселения, подчеркивались

Рис. 3. Новые дома в микрорайоне Шибенец. Брянский цементник.

05.11.1977. № 45–46 (1074–1075). Подпись справа от снимков:

«На снимках... новые дома в микрорайоне Шибенец: такими жилыми домами был застроен поселок в дореволюционные годы.

Фотографии рассказывают о том, как изменилось лицо нашего промышленного города за годы Советской власти»

его индустриальные, городские черты: прямые улицы, двух- и трехэтажные постройки из кирпича. Авторы стремились доказать, что поселение уже имело городские элементы, даже если оно еще официально не стало городом. Присвоению статуса города посвящена вся первая страница выпуска 1964 г. В дальнейшем при описании процесса строительства в статьях подчеркивался быстрый темп появления новой инфраструктуры, кирпичное было приоритетнее деревянного, прямое — приоритетнее кривого. Деревенская школа, куда ходили и городские дети в 1960-е гг., на страницах газеты не появлялась. Жизнь жителей Старого Шибенца, которые строили городской район, не освещалась. Кроме того, в небольшой статье в 1977 г. поместили фотографии деревянных домов и кирпичных многоэтажек для сравнения прошлого и настоящего (рис. 3). Все деревенское и деревянное было признано отсталым прошлым, которое удалось преодолеть.

Обращение к устным источникам, интервью с жителями позволяет реконструировать «реальные» ландшафты позднего социализма, в которых жили горожане. Для Людмилы, как и для других семей из Старого Шибенца, деревенский быт оставался значимым и ценным и в 1960–1970-е гг. Для части жителей он остается приоритетным и сейчас.

Посмотрим на то, как обживался «городской» микрорайон новоселами.

Кейс 2. История семьи Надежды: «первые дома» на Шибенце

Надежда родилась в 1960 г. в Балдыже, в деревянном бараке старой части индустриального поселка Цементный. Делила комнату с тремя сестрами и двумя родителями. Мама работала в ЖКХ маляром, занималась

Рис. 4. Школа и первые дома в Шибенце. Личный архив местной жительницы. Дома на заднем фоне построены в 1960-е годы. Здание школы (на переднем плане слева) достроено в 1971 г.

отделкой помещений. Отец работал на цемзаводе. И мама, и папа Надежды приехали в поселок Цементный после войны из родных деревень Калужской и Брянской областей в поиске работы. В 1965 г. семья получила квартиру в одном из первых многоквартирных домов города (рис. 4). Дом, куда въехала семья Надежды, был одним из «первых домов», как их называют местные жители. Первые дома, построенные в 1960-е годы, стоят на границе жилого района, рядом с деревней Шибенец, в одной линии друг за другом¹.

Вспоминая переезд семьи в квартиру, Надежда рассказывает, что вскоре по приезду отец построил рядом с многоэтажным домом, в котором была их квартира, деревянный сарай (рис. 5):

Мы переехали. Построил сарай отец. Тогда строили самозахватом, кто где захватит. Тогда они все были деревянные. Там животные. Кто кроликов, кто свиней. Коровы, люди же коров держали. Друг другу помогали.

¹ «Там уже построены 6 многоэтажных домов, детсад-ясли на 140 мест, открыты магазины. Сейчас возводится еще один дом на 76 квартир» (Сегодня и завтра нашего города Фокино // Брянский цементник. 30.04.1968. № 17–18 [590]).

Рис. 5. Сарай напротив первых домов в Шибенце.
Фото из личного архива автора, 2019 г.

В домах к моменту переезда Надежды еще не было центрального отопления, и дома нужно было топить дровами, газовое отопление в дома провели только в 1977 г.¹ Однако сарай, по-видимому, не входили в план застройки поселения. Дрова предполагалось хранить в подвалах домов, где у каждой семьи был свой отсек. Надежда знает, что, когда они жили на Балдыже, у них не было своего хозяйства, не было возможности содержать животных, сарая и участка земли. Переезд в квартиру сделал строительство сарая и ведение своего хозяйства возможным.

Сараи, которые новоселы строили рядом с многоэтажными домами, возникли нелегально, стихийно, их строили, по словам Надежды и других жителей, «кто где захватит» или «самозахватом», без четкого плана и городского порядка в виде распланированных прямых улиц.

Надежда с детства помогала родителям по хозяйству, ходила в сарай кормить животных. Играла во дворе дома, ходила играть в деревню, училась сначала в деревенской школе, а потом перешла в городское здание. Помнит, как во дворах собирались дети и бабушки с дедушками. Взрослые

¹ Датирование по воспоминаниям жителей, подтверждаемое газетными заметками из «Брянского цементника». Например, статья «Новые этажи» в выпуске № 45–46 (1074–1075) от 5 ноября 1977 г.

играли на баяне и учили детей танцевать. Для этого взрослые специально смастерили лавки во дворах. Помимо танцев у подъездов Надежда помнит, как ее семья организовывала уличные застолья. Соседи выносили на улицу столы, чтобы отмечать общие праздники:

Раньше наши родители вечером выносили столы на улицу, прямо посредине улицы. У кого там картошку несет, кто там сало кусок несет, третий еще что-то несет, и вот сидят как-то вот очень-очень дружно было.

Отучившись в школе, поступила в местный техникум, потом стала работать на местных промышленных предприятиях. Когда Надежда вышла замуж, она переехала вместе с мужем к его семье, жили в деревне Шибенец, в Старом Шибенце. Потом по очереди с мужем они получили отдельную квартиру, также в одном из первых шибенских домов. Надежда живет там до сих пор. В 1990-е гг. после сокращений она меняла несколько работ в Брянске, пока не вышла на пенсию.

Для меня слушать истории о соседской дружбе и уличных застольях было удивительно. В детстве я жила с семьей в квартире в одном из первых домов. Наша квартира располагалась в доме на границе с деревенскими избами и через дорогу от деревенских сараев. Дворовые игры мне были знакомы, но совместные соседские уличные застолья и танцы с баяном звучали как сказка из далекого прошлого или как утопия победившего социализма: все дружны и каждый приносит к столу, что имеет. Когда я спрашивала Надежду, когда же все это закончилось, она датировала спад соседских социальных практик 1990-ми гг., когда стали умирать ее родители, поколение моих бабушек и дедушек. Столы во дворах домов все еще стоят в некоторых дворах. Часть из них совсем небольшого размера, неподходящие для застолий. За некоторыми еще в моем детстве, в 2010-е гг., собиралась немногочисленная компания мужчин для игр в лото и домино, но практику уличных дружных застолий я уже не могла себе представить возможной.

Однако в 2010-е гг. ее представил себе возможной один из местных жителей, Олег, с которым я проводила интервью в 2021 г. Он помнил, что раньше его родители собирались вместе с соседями за одним столом во дворе. Ему захотелось, чтобы было «как раньше», и он смастерил стол и поставил его во двор. Чуда не случилось, а социальные практики в ландшафт не вернулись. Вместо этого за столом стали употреблять алкоголь, ломать лавки и разносить мусор. Тогда Олегу пришлось срубить стол. Эта история интересна как показательная: хотя материальность ландшафта осталась такой же (многоэтажные дома, лавочки, стол), его социальность

изменилась, а значит, и ландшафт (в терминологии Т. Ингольда) стал другим.

Для новоселов строительство сараев, дворов и уличные застолья были частью обустройства и обживания (dwelling) пространства, сараи не были частью городского плана застройки, о них не упоминалось в местных газетах, они не были частью ландшафта, представленного в городском нарративе газеты.

По воспоминаниям Надежды, отдельного здания для детского сада в 1960-х гг. тоже еще не было. Детский сад организовали в одной из жилых квартир на первом этаже. Авторы газетного нарратива тоже были местными жителями и легко видели, какой ландшафт создается в районе. Видимо, они не ставили целью создать референциальный нарратив, отсылающий к реальным объектам и описывающий их. Для них было важно создать «городской» нарратив, подтверждающий факт существования города Фокино, а также факт его стремительного развития и дальнейшей урбанизации.

В газете освещались инициативы жителей по обустройству территории, которые были частью официального плана застройки: озеленение дворов, помощь в строительстве школы. Но практики строительства сараев или самоиницированные практики уличных застолий оставались вне внимания репортеров.

Воспоминания Надежды хранят примеры, в которых присвоение территории выходит за рамки участия в строительстве. Жители становятся проектировщиками пространства, они решают, где будут располагаться конкретные материальные объекты: лавочки, столы и сараи, — и для чего они будут им нужны. Так они не только присваивают территорию, но и создают место для «своих».

Например, когда мы обсуждали уличные застолья и я просила Надежду рассказать об этой практике подробнее, Надежда уточнила, что столы выносили в основном те, кого выселили «с Балдыжа», с тех барачков, в которых Надежда родилась. Их заселили в соседние два подъезда. Жители других подъездов переехали из другой части поселения и работали на других предприятиях. Надежда их участия в уличных застольях не помнит. Они были где-то в стороне, не с ними. Они были другими. Таким образом, хотя все так или иначе были жителями одного города и даже жителями одного дома, выделялись и более локальные «свои» — выселенные «с Балдыжа», соседи двух подъездов, которые манифестировали «своечество» через сбор за общим столом во дворе.

Ритм уличных застолий также отличался от ритма производства и стройки городского района. Он задавался общими событиями коллек-

тивной жизни и праздниками, по-видимому, даже религиозными. Жители упоминают о праздновании Троицы летом за столами с соседями. Можно сказать, что дворы многоквартирного дома с лавочками и столами составляли отдельную зону внутри городского ландшафта.

Сарай, который строил отец Надежды, как и сараи других жителей, также были значимой частью ландшафта переселенцев первых домов, новоселов городского района. Они также создают свою отдельную зону. У этой зоны своя логика организации территории, своя социальность и темпоральность. В отличие от домов, сараи стоят вплотную друг к другу. Между ними нет выдержанных расстояний. Очертания территории, которые они собой представляют, — не линия или прямоугольник (как у домов), а выпуклое множество с причудливыми границами. Они создают кривые улицы из деревянных сооружений.

Сараи представляют собой все проявления деревенского ландшафта, которые в газетной заметке 1957 г.¹ были описаны как ушедшие в прошлое. Они не поддаются современной логике рационального устройства района с четкой планировкой ни с точки зрения советских градостроителей, ни с точки зрения теоретиков модерна, осмысляющих в том числе архитектуру (Скотт 2005).

Когда жители рассказывают о постройке сараев, они постоянно говорят о взаимопомощи: «Все друг другу помогали». Строительство сараев было еще одним способом поддержки соседских связей. В то же время для того чтобы построить сарай, нужно было найти материалы. Хотя Шибенец строился в сосновом лесу, доски для сараев нужны были обработанные, а для этого необходимо было использовать заводские инструменты. Некоторые сараи построены не из дерева, а из самодельных кирпичей, которые жители мастерили из отходов производств промышленных предприятий (шифер, цемент, песок). Хотя практика строительства сараев была нелегальной, она не была запрещена. Жители не получали штрафы, сараи не заставляли сносить.

Они строили сараи, поскольку, по их представлениям, согласно их навыкам, закрепленным в теле, это то, что должна в себя включать среда, в которой они живут. Как и практика организации уличных застолий, строительство сараев — уникальный пример для кейсов изучения позднесоветского урбанизма. Можно сказать, что это такое «соучастие» в создании ландшафта района, в котором жители участвуют не только ручным трудом, присваивая себе план, но и сами становятся планировщиками местности.

¹ Прошлое и настоящее цемзавода // Брянский цементник. 1957. № 1.

Зона сараев задавала свою темпоральность, свой ритм. Нужно было следить за живностью, кормить ее, собирать яйца у кур, следить за курами и петухами. Они встречались там утром, перед тем как пойти на основную работу. Жители первых домов жили в городской квартире, работали на промышленных предприятиях и одновременно содержали небольшое хозяйство в сарае.

Темпоральность жителей первых домов также была множественна, и ландшафт жилой зоны состоял из нескольких зон: многоквартирный дом, двор и сарай. Все это происходило в контексте общей темпоральности в СССР, заданной курсом на урбанизацию территории. Строительство новостроек, в которых участвовали жители деревни Шибенец, было частью общесоветской темпоральности, устремленности в будущее, амбиций советского правительства создать «новые нормы» жизни и сделать СССР городским. Новостройки стали символом изменений, прогресса и частью общесоветского, а также глобального процесса урбанизации.

Соседство разных логик контакта с территорией — строительство согласно плану и строительство как стратегии обустройства местности — создает уникальный ландшафт места, где границы между деревенским и городским оказываются проницаемыми, и именно симбиоз разных логик создает живой ландшафт позднесоветского урбанизма.

Кейс 3. Лариса и «личная» детская площадка

Еще одна история обживания пространства вокруг многоэтажного дома представлена в истории Ларисы уже в 1970-е гг. Лариса родилась в деревне Доманово в 1955 г. Все детство провела в родной деревне, в начальной школе училась в Березино, в среднюю школу ходила в соседнюю деревню Пупково, старшие классы заканчивала в фокинской школе. До всех мест ходила пешком из своего дома. Поступила в фокинский техникум, встретила в Фокино будущего мужа и переехала жить к нему в старую часть города. Вместе с его семьей жила в отдельном деревянном доме со своим хозяйством. Лариса работала на предприятии, которое занималось ремонтом заводского оборудования. Ее муж работал на цементном заводе. Помимо работы, молодые помогали родителям управляться с небольшим хозяйством. В начале 1970-х у Ларисы родился первый ребенок. В 1978 г. семья получила отдельную квартиру в микрорайоне Шибенец.

Переезд случился под Новый год. Встретили Новый год сначала в новой квартире, а на следующий день поехали к родителям Ларисы в деревенский дом в Доманово, и все выходные провели в деревне. Пока родители не умерли в 1990-х гг., Лариса продолжала навещать их в родном доме

в Доманово, а также семья навещала родителей мужа, которые продолжали жить в своем доме в старой части города Фокино.

В 1970-х после переезда стали ремонтировать квартиру, клеить обои. Несмотря на городские удобства в виде туалета и ванной, в квартире не хватало места для сушки белья. Кроме того, в семье уже был маленький ребенок, и для него не хватало детской площадки. В доме, куда въехала семья Ларисы, двор не был обустроен. Рядом строилось еще несколько жилых домов.

Детскую площадку и придомовую территорию обустроивали сами новоселы, участвовало несколько соседских семей.

Грязь тут всю поносили, проходили, дорожки эти вот делали и асфальт сами, и площадку эту заливали. Тут же строили соседний дом, а мы ведрами носили [бетон], у кого коляска была. Теперь жалко, что там машины стоят. Это наша личная площадка. Мужики столбы принесли. Это мы ставили, мужики нам натянули веревки. Были натянуты веревки. Мы белье сушили, выносили. Сами заливали бетон. Асфальтная машина приехала, мы попросили. Там площадку всю залили, тоже бетон все залили, чтоб детям играть. Стол стоял, и ворота, и волейбольная [площадка]. Тут же игровая площадка была. Зимой тут заливали каток, дети катались на коньках. Деревья, это все мы сажали, ходили. И рябину, и кустарники, все наши ребята волочили.

Другую часть площадки, по словам Ларисы, стали достраивать жители другого, соседнего дома. Постепенно весь район застраивался, появлялись асфальтированные дороги до детского сада и школы, автобусные остановки и транспортное сообщение. Лариса всю жизнь проработала на разных предприятиях в Фокино и в момент нашего разговора была на пенсии, продолжая жить в той квартире, которую получила в 1970-е гг. Мы говорили, сидя у нее дома, и когда она выглядывала в окно, то видела детскую площадку. Ей было жалко смотреть на машины, которые занимают место «их собственной» детской площадки, которую они строили своими руками.

Обустрояясь на новом месте, в городском ландшафте Лариса и ее семья включались в практики строительства и достраивали городской ландшафт, а также добавляли туда элементы, необходимые для их хозяйского комфорта, например веревки для сушки белья. При этом сама Лариса повторяла, что считает себя Домановской, она из Доманово. Для Ларисы категория «своих» была многоступенчатой и связь с территорией

стала ключевой. «Свои» — это жители одного дома, а также «свои» — это те, кто родились в Доманово.

«Своей» была и детская площадка. Лариса говорит: «Это наша личная площадка». Хотя практика строительства площадки из асфальта, бетона, труб, турников, качелей и песочницы соотносится с представлениями о городском ландшафте, Лариса не мыслит ее частью общей социалистической собственности. Она мыслит ее как дело рук конкретных семей и так присваивает ее себе *лично*, через труд. Я бы сказала, что, обустривая вместе с мужем и другими соседями свой двор, она действует скорее не как новосел-горожанин, но как жительница Доманово, обустривая *свое личное* хозяйство для своих и соседских детей. «Свои» — не те, которые разделяют общее семантическое поле, а те, кто обустривает «свое» место.

Заключение

С помощью трех кейсов я стремилась показать многообразие процесса позднесоветской урбанизации, которое включало в себя изменение разных ландшафтов: деревни Шибенец, первых домов на Шибенце, зоны 20-го дома микрорайона Шибенец.

Вопреки нарративам местной газеты, деревня Шибенец с ее деревянными постройками и земельными участками оставалась значимой средой для части населения города. Она задавала отдельную траекторию восприятия «своих» как тех, кто «с деревни», «со Старого Шибенца», кто живет в среде со своей особой материальностью и своим ритмом, заданным ведением своего хозяйства.

Комплексный ландшафт «первых домов» содержит разные зоны: многоэтажные дома, дворы и сараи. Ритм семейной жизни в отдельной квартире сочетался с соседскими встречами во дворах на скамейках и за общими столами, а также с присмотром за животными в сарайчиках рядом с домом. Весь ландшафт создавался семьями новоселов, переехавшими в первые дома из фокинских бараков, коммунальных квартир и по распределению из других поселений.

Зона 20-го дома микрорайона Шибенец — только один из примеров участия новоселов в обустройстве дворов. Жители не просто своими руками строили дом по плану, но и проектировали детскую площадку. Наполняли ее теми объектами, которые считали нужными. Туда включались не только турники и песочница, типичные для советских дворовых площадок, но и, например, веревки для сушки белья. Каждая площадка во дворах домов в Шибенце уникальна, на ней есть свои горки, турникеты, песочницы, веревки, столы, по-видимому, спроектированные и созданные новоселами конкретных домов.

Для жителей, старожилов и новоселов в интенсивно меняющейся среде была важна соотнесенность со «своей» средой и со «своими» через среду и с помощью совместных практик строительства: из Старого Шибенца, Балдыжа, Березино, Пупково, с 20-го дома, дома-китайки, 30-го дома, 4-го дома, из школы 2, школы 3, детского сада. Важным способом определить «своих» была соотнесенность с материальными объектами и средой, которыми они создавались.

В осмыслении советского урбанизма редко указывается на симбиоз деревенских и городских ландшафтов, их скорее осмысляют через напряжение и противоречие (Богданова 2013; Зубаревич 2016). На примере строительства микрорайона Шибенец мы видим, что в контексте советского урбанизма были возможны и другие отношения между деревней и городом. Например, первые годы строительства района деревня помогала городу: новоселы ходили в школу в деревню, жители деревни делились или продавали новоселам яйца, мясо и молоко, которых пока не было в местном магазине. Для жителей цементного городка границы между деревней и городом были проницаемыми. Деревня — Старый Шибенец — всегда была общей частью жилой среды города. Жители могли мигрировать из жизни в отдельном доме к жизни в квартире и обратно, покупать и продавать дачу в деревне, ходить в гости, купаться на речку. Также можно сказать, что город стал частью деревни. Новоселы, привыкшие к жизни в деревенской среде, въехали в многоэтажные городские дома. Они сочли их своими, стали обустраивать их так же, как обустраивали бы свой деревенский дом. Они вносили в ландшафт города соседский быт, к которому привыкли, проживая в деревенской среде. Город стал частью их быта, который осмыслялся как симбиоз деревенского и городского.

Жители могли соотносить себя с конкретными ландшафтами, но при этом все осознавали себя частью большой административной единицы, и шире — советскими гражданами. Интенсивная урбанизация для местных жителей была одновременно «внешним» и «своим» процессом.

Помимо своей самоценности, критическое осмысление исторических процессов может быть полезно и при взгляде на современность. В современной постсоветской России становится популярной тема «соучаствующего проектирования». Отдельные люди и архитектурные бюро реализуют соучаствующие градостроительные проекты в российских регионах. Кейсы строительства Шибенца стоят в одном ряду с другими примерами «соучаствующего проектирования» при советском социализме. Такого, при котором жители ощущали свою причастность к местности, считали ее своей, видели себя ответственными за территорию. Доступны ли жителям стратегии или тактики (Де Серто 2013)? Как происходит при-

своение плана, придуманного профессионалами? За счет чего у жителей появляется ощущение своего места? Эти вопросы актуальны как для изучения кейсов советского строительства, так и для осмысления современных архитектурных процессов, в которых может проявиться многообразие способов создания территорий и ощущение себя на *своем месте*.

Литература / References

Богданова Е. (2013) Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества. Богданова Е., Бредникова О. (ред.) *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*. СПб.: Алетейя: 105–126.

Bogdanova E. (2013) Anthropology of a Rural Two-Storey House: From the Study of Dwelling to the Study of Community. In: Bogdanova E., Brednikova O. (eds) *Far from Cities: The Life of the Post-Soviet Village*. St. Petersburg: Aleteya: 105–126 (in Russian).

Бон Т. (2013) *Минский феномен: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН.

Bohn T. (2013) *The Minsk Phenomenon: Urban Planning and Urbanization in the Soviet Union after the Second World War*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Гололобов И. (2005) Деревня как не-политическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 8(2): 40–54.

Gololobov I. (2005) The Village as a Non-Political Community: The Social (Dis)organization of the World of Proper Names. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 8(2): 40–54 (in Russian).

Димке Д., Корюхина И. (2013) Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества. *Социология власти*, 3: 73–93.

Dimke D., Koryukhina I. (2013) Urban-Type Settlement: Temporal Rhythms of a De-Urbanized Community. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 3: 73–93 (in Russian).

Зубаревич Н. (2016) Страна городов: теория и практика российской урбанизации. В: Аузан В. (ред.) *Стимулы, парадоксы, провалы. Город глазами экономистов*. М.: Strelka Press: 12–19.

Zubarevich N. (2016) A Country of Cities: Theory and Practice of Russian Urbanization. In: Auzan V. (ed.) *Incentives, Paradoxes, Failures: The City through the Eyes of Economists*. Moscow: Strelka Press: 12–19 (in Russian).

Касаткина А. (2022) К поэтике и практике современного урбанизма: «городсад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 1: 30–59.

Kasatkina A. (2022) Toward the Poetics and Practice of Modern Urbanism: The “Garden City” as a Technology of Social Integration in Obninsk in the 1960s. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 1: 30–59 (in Russian).

Кудюкин П. (2012) Производственная квазиобщина как центр жизненного мира. В: Глущенко И.В., Кагарлицкий Б.Ю., Куренной В.А. (ред.) СССР: Жизнь после смерти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики: 44–55.

Kudyukin P. (2012) The Production Quasi-Community as the Center of the Lifeworld. In: Glushchenko I.V., Kagarlitsky B.Yu., Kurennoy V.A. (eds.) *The USSR: Life after Death*. Moscow: HSE Publishing House: 44–55 (in Russian).

Меерович М.Г. (2008) Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН.

Meerovich M.G. (2008) *Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People, 1917–1937*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Меерович М.Г. (2018) Советские моногорода: история возникновения и специфика. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 1: 53–65.

Meerovich M.G. (2018) Soviet Single-Industry Towns: The History of Their Emergence and Specific Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 1: 53–65 (in Russian).

Островляничик В., Хрипач В. (1999) На рубежах веков. Акционерное общество «Мальцовский портландцемент». Историко-документальный очерк. М.: Новый Ключ.

Ostrovlyanchik V., Khripach V. (1999) *At the Turn of the Centuries: The Joint-Stock Company "Maltsovsky Portland Cement". A Historical and Documentary Essay*. Moscow: Novyy Klyuch (in Russian).

Рожанский М. (2012) Навстречу утренней заре: Странствия в поисках настоящего. *Ab Imperio*, 2: 112–144.

Rozhansky M. (2012) Toward the Morning Dawn: Wanderings in Search of the Present. *Ab Imperio*, 2: 112–144 (in Russian).

Серто М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб.

de Certeau M. (2013) *The Practice of Everyday Life. Vol. 1: The Art of Doing*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press (in Russian).

Скотт Д. (2005) Благими намерениями государства. М.: Университетская книга.

Scott J.C. (2005) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Юрчак А. (2016) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

Yurchak A. (2016) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Arnstein S. (1969) A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 35: 216–224.

Bocharnikova D., Harris S.E. (2017) Second World Urbanity: Infrastructures of Utopia and Really Existing Socialism. *Journal of Urban History*, 44: 1–6.

Bolotova A. (2012) Loving and Conquering Nature: Shifting Perceptions of the Environment in the Industrialised Russian North. *Europe-Asia Studies*, 64: 645–671.

- Friedmann J. (1973) *Retracking America: A Theory of Transactive Planning*. New York: Doubleday.
- Heidegger M. (1978) *Building, Dwelling, Thinking*. In: Krell F.D. (ed.) *Basic Writings: Martin Heidegger*. London: Routledge.
- Harris S. (2013) *Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life After Stalin*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Ingold T. (2021) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
- Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Oakes T. (1997) Place and the Paradox of Modernity. *Annals of the Association of American Geographers*, 87(3): 510–532.
- Reid S. (2014) Makeshift Modernity. DIY, Craft and the Virtuous Homemaker in New Soviet Housing of the 1960s. *International Journal for History, Culture and Modernity*, 2: 87–124.
- Wiederhold A. (2015) Conducting fieldwork at and away from home: Shifting researcher positionality with mobile interviewing methods. *Qualitative Research*, 15(5): 600–615.
- Zakirova M. (2018) The city as genuine place. The paradoxes of Soviet urbanization: the search for the genuine Soviet city. In: Lyssakov P., Norris S. (eds) *The City in Russian Culture*. London: Routledge: 141–165.

**“HOUSES AND SHEDS BUILT WITH OUR OWN HANDS”:
STORIES OF APPROPRIATING A DEVELOPING
INDUSTRIAL MONOTOWN (FOKINO, BRYANSK REGION)
IN THE 1960S–1970S¹**

Albina A. Zavertkina (albazav213@gmail.com)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Zavertkina A. (2026) “Houses and sheds built with our own hands”: Stories of appropriating a developing industrial monotown (Fokino, Bryansk Region) in the 1960s–1970s. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 179–211 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.7> EDN: EBTTFH

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-18-00962, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>.

Abstract. Soviet Studies and, more specifically, studies of Soviet urbanization in the second half of the twentieth century have paid relatively little attention to the uniqueness of local territorial processes. Conceptualizing spatial transformation through the village–city dichotomy often entails implicit value judgments and obscures the realities of “actually existing socialism” behind them. Drawing on three stories of dwelling (T. Ingold) in a newly built residential district of an industrial monotown (a single-industry town), this article explores what the process of urbanization meant for local residents. How did inhabitants make a changing landscape their own? What enabled them to feel at home and rooted in place? The article is based primarily on biographical interviews with local residents conducted between 2019 and 2024. These interviews are contextualized through materials from the local newspaper *Bryanskii Tsementnik* (Bryansk Cement Worker). The analysis employs Alexei Yurchak’s concept of “one’s own people” (*svoi*) together with Tim Ingold’s ideas on dwelling and landscape-making. Using a local case study, the article demonstrates, first, that urbanization can be understood as a multifaceted process of transforming heterogeneous landscapes that extends beyond the rigid village–city dichotomy. Second, it shows that under late socialism residents had access to various means of participation in shaping their living environment. They were involved in the production of landscapes not only as creative users of space employing “tactics” (de Certeau), or as those who implemented plans through manual labor while constructing residential buildings, but also as planners in their own right. In this capacity, they were able to employ “strategies” by introducing new material objects into space, such as storage sheds, thereby actively contributing to the formation of the local landscape.

Keywords: village, city, urbanization, Soviet, place, landscape, dwelling.

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТВЕТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АНКЕТЫ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРРАТИВОВ О ЖИЗНЕННЫХ ТРУДНОСТЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ, ВЫСКАЗАННЫХ РЕСПОНДЕНТАМИ В МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОПРОСАХ

Владимир Борисович Звоновский¹ (zvb@socio-fond.com),
Александр Владимирович Ходыкин² (a.khodykin@socio-fond.com)

¹ Фонд социальных исследований, Самара, Россия

² Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Цитирование: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2026) Ответы за пределами анкеты: опыт качественной реконструкции нарративов о жизненных трудностях военного времени, высказанных респондентами в массовых политических опросах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 212–243.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.8> EDN: FRKCEK

Аннотация. Восприятие респондентами вопросов анкеты всегда шире, чем поле измеряемых ею признаков, поэтому ответы участников опросов часто выходят за пределы выбора из предложенной шкалы вариантов, в особенности когда изучаемая тема непосредственно затрагивает жизненные ситуации респондентов. Некоторые респонденты дают подробные ответы, позволяющие точнее описать восприятие людьми экономической и политической ситуации, однако в итоговых массивах количественных данных остаются только распределения ответов. Поэтому для более полного описания восприятия россиянами условий жизни в связи с экономическими и политическими событиями последних лет в данной статье мы проанализировали высказанные респондентами в опросах на политическую тематику нарративы, содержащие описания тех сложностей, с которыми они столкнулись в последние годы. Эмпирическую базу исследования составили 474 аудиозаписи интервью, отобранных из трех общероссийских телефонных опросов (2024–2025) по специальной отметке интервьюера о наличии важных нарративов по теме опроса, выходящих за пределы измеряемых анкетой признаков. Исследование позволило прийти к следующим выводам. 1. Для респондентов, в ближайшем окружении которых есть убитые, раненые или столкнувшиеся с особыми трудностями участники военного противостояния с Украиной, оно стало событием их биографии и воспринимается как лично переживаемая травма. 2. Среди россиян, особенно среди тех, чью семью непосредственно затронули военные действия, силен запрос на большее равенство с представителями власти в распределении благ, тягот и лишений военного времени. 3. Опыт воевавших зна-

комых воздействует на мнение респондентов сильнее, чем информация из СМИ. 4. Наибольшие экономические трудности возникают у россиян, которые столкнулись с сочетанием низких доходов и высоких расходов, например, когда маленькая пенсия сочетается с наличием на иждивении нетрудоспособных родственников. Неработающие пенсионеры оказываются наиболее уязвимой социальной группой. 5. Особые трудности создает ситуация, когда низкий уровень достатка сопряжен с плохим состоянием здоровья: в таком случае экономическая депривация усугубляется утратой социальных связей, на поддержание которых у человека не остается ресурсов.

Ключевые слова: нарративы, качественные методы, жизненные трудности, российский-украинский конфликт, анализ документов, телефонные опросы, респонденты.

Введение

Любое количественное социологическое исследование строится на предположении, что вопросы анкеты и категории ответов соответствуют восприятию реальности респондентами. Однако интерпретация людьми событий, повлиявших на их жизнь, всегда оказывается шире, чем может измерить любой количественный инструментарий. Поэтому при ответах на вопросы анкеты респонденты иногда высказываются о событиях гораздо шире и противоречивее, чем того требуют вопросы, создавая тем самым бунт объекта против метода в духе Пола Фейерабенда — когда метод оказывается недостаточным, чтобы достаточно полно описать объект исследования (Фейерабэнд 2007). Поэтому для более точного описания жизни россиян в условиях военного времени следует дополнять количественный анализ опросных данных качественным исследованием высказанных респондентами нарративов, выходящих за пределы опросника. Их спонтанные высказывания — это ценный материал, позволяющий увидеть то, что А. Шютц, опираясь на феноменологию Э. Гуссерля, называл «жизненным миром» (*Lebenswelt*) (Шютц 2004): дотеоретическую, самоочевидную респондентам реальность исследуемых событий, интерпретация которых определяется социальным запасом знания по П. Бергеру и Т. Лукману, которым обладает респондент как представитель конкретной социальной группы и обладатель особого жизненного опыта (Бергер, Лукман 1995).

Такие высказывания респондентов представляют собой человеческие документы, в которых субъективный опыт становится объектом социологического анализа, проводящегося с помощью разработанной У. Томасом и Ф. Знанецким методологии экспликации личных свидетельств из коллективных представлений об исторических событиях. Томас и Знанецкий настаивали на том, что нельзя понять социальные процессы,

игнорируя «человеческий коэффициент», то есть то, как сами участники определяют ситуацию, в которой находятся (Thomas, Znaniecki 1927). Такое определение ситуации, даже если оно расходится с объективными историческими или экономическими данными, становится реальной основой для действий и переживаний людей. Поэтому знаменитая теорема Томаса гласит: если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях — если люди переживают даже объективно благоприятную ситуацию как неблагоприятную или оскорбительную для себя, они и действовать будут в соответствии с такой интерпретацией (Thomas, Thomas 1928; Мертон 2006). Поэтому еще М. Вебер писал о необходимости для понимания действия экспликации его субъективно полагаемого смысла, связываемого с ним действующим актором (Вебер 2016).

Кроме того, для социологического анализа важно не только, что говорят респонденты, но и то, как они это говорят, как они производят свое присутствие в ситуации и высказывании о ней. Когда сбивается речь, дрожит голос, человек замолкает или повторяет одни и те же слова, волнуемое его событие переживается им в процессе опросной коммуникации, трансформируя ее. Использование в феноменологической социологии предложенного Х. У. Гумбрехтом для описания экзистенциальных переживаний концепта «производство присутствия» позволяет дать социологическую интерпретацию вербальным и невербальным проявлениям воспроизводства травматического переживания в интервью на чувствительную тематику (Гумбрехт 2006).

В России социологические опросы стали относительно распространенными во времена позднего СССР, когда они проводились только государственными организациями. Это сформировало возникшую еще в 1990-е гг. и сохраняющуюся по сей день специфику восприятия россиянами опросов как способа коммуникации с властями, в результате чего значимая часть респондентов при ответах на вопросы стремится высказать информацию, которую хочет донести до руководителей различного уровня (Братерский, Кулешова 2021). Среди респондентов, лично затронутых проблемами, исследуемыми в опросе, такие ответы встречаются стабильно чаще. Поэтому в проанализированных в данной статье нарративах встречаются если не прямые обращения к интервьюеру как к представителю власти, то описания проблем в форме адресуемых руководством жалоб или претензий. Такая особенность российских респондентов дополняет их естественное желание поделиться переживаниями и стимулирует развернутые высказывания о преломлении актуальных событий в их судьбе. Наша статья дает слово этим респондентам и, систематизируя их narra-

тивы, описывает не поддающиеся количественному измерению оттенки специфики восприятия россиянами жизненной, экономической и политической ситуации.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — реконструировать и описать на качественном материале нарративы, в которых россияне осмысливают жизненные трудности военного времени, выходящие за пределы измеряемых анкетой признаков и недоступные стандартным инструментам количественных опросов.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать, каким образом военный конфликт преломляется в личном опыте респондентов, чье ближайшее окружение непосредственно затронуто военными действиями.
2. Охарактеризовать восприятие респондентами специфики распределения между различными социальными группами тягот и благ времени внешнеполитического противостояния.
3. Описать на материале нарративов, с какими сочетаниями жизненных обстоятельств респонденты связывают наиболее острую экономическую депривацию в условиях внешних трудностей.
4. Охарактеризовать специфику восприятия респондентами опросной ситуации как коммуникационной процедуры.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования являются аудиозаписи успешно завершенных интервью из трех телефонных опросов, репрезентирующих взрослое население России (CATI) на политическую тематику (в каждом опросе были вопросы об отношении к действующей российской власти и СВО). Опросы проведены Фондом социальных исследований при участии авторов этих строк 1) в июле 2024 года (N = 2500), 2) в июле–августе 2025 года (N = 1608) и 3) в августе–сентябре 2025 года (N = 1007). Все опросы проводились по разным анкетам и не связаны друг с другом, но при проведении качественного анализа высказанных нарративов этими различиями можно пренебречь, поскольку ответы респондентов содержат описание различных аспектов проживания ситуации военного времени без привязки к заданным вопросам. Интервью с нарративами для анализа выявлены нами с помощью специального вопроса для интервьюеров, на который нужно было ответить после завершения опроса респондента: *«Как Вы полагаете, высказал ли респондент во время интервью какую-то важную для понимания ситуации в регионе или стране информацию,*

которая не попала в вопросы анкеты (например, попытался обратиться к властям через интервьюера или рассказал о своей жизни, жалобах, трудностях или радостях и т.п.)?» Аудиозаписи интервью, в которых оператор отметил вариант «да» при ответе на этот вопрос, прослушаны и проанализированы. Всего проанализировано 474 аудиозаписи: 201 из опроса 2024 года, 173 из опроса за июль-август 2025 года и 100 случаев из опроса за август-сентябрь 2025 года. Перед проведением каждого из опросов интервьюеры получили инструкцию обращать внимание на все высказывания респондентов, которые выходят за пределы вопросов или вариантов ответа из анкеты. Доли интервью с важными нарративами в каждом из опросов представлены в таблице 1; ее данные показывают устойчивость доли респондентов, пожелавших высказать что-то важное, что выходит за пределы анкеты — такие нарративы выявлены примерно в каждом десятом интервью.

Таблица 1

**Доли выявленных в интервью нарративов
о жизни респондентов**

	Июль 2024	Июль-август 2025	Август-сентябрь 2025
Отмечены нарративы	8%	11%	10%
Не отмечено нарративов	92%	89%	90%

Для сравнения социально-демографического и политического профиля респондентов, высказавших дополнительную вопросы анкеты информацию и не высказавших таковой, сопоставим ответы представителей данных групп по социально-демографическим характеристикам и ответам на вопрос об отношении к СВО, который задавался в двух опросах в идентичной формулировке. Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что по полу значимых различий не выявлено; по возрасту дополнительными высказываниями значительно чаще отмечались старшие респонденты; по доходу такие высказывания характерны для менее финансово обеспеченных групп. По политическим установкам оставшие нарративы респонденты несколько более критично настроены к действующей власти и ее решениям: они немного чаще не поддерживают СВО (14% против 10%), реже затруднились ответить (11% против 19%) и чаще не желали отвечать на этот вопрос (27% против 18%). Как видим, чаще склонны высказывать дополнительную информацию более пожилые, низкодоходные и несколько более критически относящиеся к решениям властей респонденты.

Таблица 2

**Различия между группами респондентов,
высказавших и не высказавших нарративы о своей жизни***

	Отмечены нарративы (n=474)	Не отмечено нарративов (n=4641)
Пол респондента		
Мужчины	56%	58%
Женщины	44%	42%
Возрастные группы		
18-29	9%	13%
30-39	22%	24%
40-49	21%	25%
50-59	15%	15%
60 лет и старше	33%	23%
Укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?		
12 000 руб. и менее	8%	6%
12 001–30 000 руб.	42%	39%
30 001–70 000 руб.	29%	30%
свыше 70 000 руб.	8%	14%
Не имею дохода	2%	1%
Затрудняюсь ответить	8%	6%
Отказ	4%	4%
Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?¹		
База расчета процентов, n	301	3206
Да, поддерживаю	49%	52%
Нет, не поддерживаю	14%	10%
Затрудняюсь ответить	11%	19%
Не хочу отвечать на этот вопрос	27%	18%

* Проценты везде округлены до целых значений; вследствие округления суммы могут отличаться от 100 %. Данные представлены по невзвешенным массивам.

¹ Вопрос в такой формулировке задавался только в двух опросах: в июле 2024 и августе-сентябре 2025.

При отборе высказываний для включения в статью использовались следующие критерии. Для детального анализа отбирались нарративы, отвечающие хотя бы одному из двух условий: (1) содержательная конкретность и неочевидность — преимущество отдавалось высказываниям, в которых респондент описывал собственную жизненную ситуацию в конкретных деталях, а не излагал общие суждения, пусть даже и актуальные, и выходящие за пределы анкеты; (2) наличие описания изменений в жизни респондентов, произошедших в последние годы: финансовых изменений, последствий участия близких в военных действиях, перемен в занятости или доходах и т. п. Это позволяло отбирать нарративы, важные именно для изучения преломления актуальной социальной ситуации в судьбах и повседневной жизни людей, а не устойчивые биографические обстоятельства, характерные для разных времен и эпох. Отобранные нарративы группировались по тематическим блокам в процессе последовательного прослушивания аудиозаписей; состав тематических блоков уточнялся по мере накопления материала до достижения аналитической полноты описания каждой выделенной темы. Хотя данные таблицы 2 показывают, что различия по социально-демографическим характеристикам и политическим взглядам между респондентами, оставившими нарративы о жизненной ситуации и не оставившими таковых, значимы¹, но не слишком велики, значительно более существенными оказались различия по готовности говорить о собственной жизни: если более довольные ситуацией в стране и собственной жизнью респонденты чаще предпочитают высказывать похвалу руководителям различного уровня или говорить о достижениях или собственных важных, но все же довольно типичных радостных событиях, то столкнувшиеся с проблемами люди чаще имеют потребность подробно высказаться о конкретных трудностях своей жизни и поделиться своими переживаниями либо достучаться до руководства. Поэтому мы понимаем, что проанализированные интервью с высказанными нарративами смещены в сторону негативных оценок происходящих событий, и представленные в данной работе интервью нельзя считать репрезентативными для населения России, хотя они и отобраны из опросов, репрезентирующих взрослое население России. Однако качественный анализ и не претендует на репрезентативность полученных результатов, он проводится для описания и анализа специфики конкретных трудностей людей, с которыми они столкнулись в последние годы.

¹ Значимость различий между группами проверена с помощью z-теста для независимых выборок. Уровень значимости равен 95%.

Работа с аудиозаписями проводилась следующим образом. В ходе прослушивания всех 474 аудиозаписей фиксировались высказывания, представляющие аналитический интерес согласно критериям отбора, представленным в предыдущем абзаце. Такие фрагменты были транскрибированы и включены в корпус данных для последующего анализа. Аудиозаписи, не содержавшие высказываний, удовлетворяющих критериям отбора, в дальнейший анализ не включались. После чистки массива итоговый корпус интервью, представляющих аналитический интерес, составил 385 интервью.

Тематические блоки анализа формировались индуктивно: на основе содержания самих отобранных высказываний. По мере транскрибирования фрагменты группировались по содержательной близости: в качестве отдельных тем выделялись те предметные области, которые оказались достаточно представлены в корпусе для развернутого аналитического описания. Такой подход соответствует логике индуктивного тематического анализа, при котором категории формируются из эмпирического материала (Braun, Clarke 2006).

При интерпретации высказываний мы исходим из принципа ситуативности (контекстуальности, индексичности) смысла. Значение ответов респондентов каждый раз доопределяется ситуацией: с одной стороны, ситуацией самого интервью (тем, кому, как и в каких условиях адресован ответ), а с другой — жизненной ситуацией респондента, той биографической и социальной позицией, из которой он говорит. Согласно феноменологической социологии, повседневное действие и высказывание укоренены в конкретной ситуации и осмысляются в ее горизонте (Шютц 2004), а согласно теореме Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям (Thomas, Thomas 1928). Поэтому один и тот же вопрос массового опроса побуждает респондентов в разных жизненных ситуациях высказывать разные нарративы. Эта ситуативная привязка реконструируемых смыслов является предметом качественного анализа.

Совокупность из 385 интервью, прошедших отбор для итогового анализа, мы рассматриваем как корпус качественных данных (высказываний), поддающихся типологизации. Как показано в таблице 2, оставившие нарративы респонденты по социально-демографическому и политическому профилю несколько смещены относительно остальных опрошенных: среди них больше пожилых и низкодоходных, а также несколько более критично настроенных к решениям властей. Поэтому корпус не репрезентирует распределение мнений среди россиян в целом, но позволяет реконструировать содержание и логику тех жизненных трудностей, о которых россияне говорят по собственной инициативе.

По содержанию высказываний выделяются четыре тематические группы нарративов, различающиеся видом высказываемой жизненной ситуации и спецификой высказавших ее респондентов (таблица 3).

Таблица 3

Тематическая структура корпуса проанализированных нарративов

Тематическая группа нарративов	Типичные носители нарративов	Качественные отличительные признаки
Нарративы о смертях и личных утратах	Родственники и знакомые погибших или раненых участников боевых действий	Конфликт переживается как биографическая травма и личная утрата; разрушаются привычные схемы доверия и ожиданий; в фокусе — смерть, горе и его невыразимость
Проблемы участников СВО и их семей	Жены и близкие воюющих, раненые участники боевых действий	Запрос на справедливое, симметричное распределение тягот военного времени; ситуации «бедности по лишениям» даже при формально высоком доходе; трудности адаптации
Экономические трудности военного времени	Неработающие пенсионеры, работающие бедные, сезонно занятые, многодетные семьи	Бедность по доходам и по лишениям; рост цен и сужение потребления; наиболее острые проблемы — на пересечении нескольких видов проблем: сочетания экономической и социальной депривации
Опасения и тревоги респондентов	Респонденты, опасющиеся высказываться о политике и утрачивающие связь с эмигрировавшими близкими	Страх мошенничества и преследований; ощущение незащищенности; разрыв или ослабление связей с уехавшими близкими

**Участие в опросе как способ поделить горем:
нарративы о смертях**

Начнем с анализа высказываний респондентов о непосредственном вторжении в их судьбы военного противостояния и превращении его в событие их биографии. Военные действия на чужой территории неодинаково влияют на жизнь семей участников боев и остальных их соотечественников, в меньшей степени затронутых экзистенциальной угрозой собственной жизни и жизни близких людей. Для людей, столкнувшихся с военными потерями или тяжелыми ранениями среди близких друзей

или родственников, военный конфликт из исторического события превращается в событие их личной биографии, которое воспринимается по-новому. Ранее мы количественно показали, что появление военных потерь в ближнем кругу значительно снижает уровень поддержки решения начать военные действия (Звоновский, Ходыкин 2023б).

Личные потери воспринимаются более важными, чем декларируемые цели военного противостояния, которые уходят на второй план для людей, столкнувшихся с утратой. Поэтому некоторые респонденты возлагают вину за гибель близкого человека на руководство страны, которое не уберегло их родственника. Респондентка на вопрос о доверии В. Путину (Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Президенту России Владимиру Путину?) ответила: *«нет, не доверяю (Путину). Я доверила своего брата, которого схоронила. Пусть там идет и сам воюет»* (ж., 45 лет, Москва). Это высказывание фиксирует крушение типизированной схемы доверия по А. Шютцу, на которой строится жизненный мир респондентки. Нормальными отношениями с государством она считает такие, когда власть заботится о тех, кого отправляет воевать. Для респондентки эти типизации рухнули в момент гибели брата. Глагол «доверила» указывает на то, что отношения с властью мыслились как личный контракт, нарушенный военным и политическим руководством, которое не уберегло близкого ей человека. Шютцевское различие мотивов «потому что» и «для того чтобы» позволяет объяснить утрату респонденткой доверия к главе государства: ее недоверие имеет причину в прошлом (*«потому что я схоронила брата»*), но одновременно оно ориентировано в будущее в контексте требования восстановления справедливого порядка (*«пусть сам воюет»*), в котором риски должны быть распределены симметрично между принимающими политические решения и исполняющими их подобно тому, как древнегреческие граждане совместно принимали решение об участии в войне и совместно же шли воевать. К утрате доверия привело переопределение ситуации: власть, которая посылает на смерть, но не разделяет риск, лишается легитимности. При этом ускоренный темп речи и раздраженно-горестная интонация высказывания показывают прорыв травмы, которая говорит сама за себя, не нуждаясь в оправданиях. Смерть брата присутствует в этом высказывании не как тема, а как субстрат речи.

На вопрос о том, как военные действия повлияли на ее жизнь (вопрос для респондентов, которые ответили, что СВО повлияла на их повседневную жизнь — как спецоперация повлияла на Вашу повседневную жизнь: скорее положительно или скорее отрицательно?), одна из респонденток ответила: *«Вы знаете, у меня брат погиб на СВО, поэтому этот вопрос*

не истинный (для меня сейчас). Извините» (ж., 56 лет, Московская область). Для этой респондентки переживание личной утраты сделало нерелевантным разговор о принесшем горе в ее жизнь событии в контексте обсуждения повседневных последствий — гибель брата на СВО наделяет это событие экзистенциальным статусом, не позволяющим говорить о нем во фрейме повседневности, названной М. Вебером «выхолощенной», т.е. лишенной трансцендентного измерения. Столкнувшейся с гибелью близкого человека респондентке рассуждения о связанных с военными действиями повседневных изменениях сами по себе представляются кощунственными, обесценивающими утрату — по сравнению с экзистенциальной травмой смерти близкого человека бытовые неурядицы или приобретения воспринимаются незначимыми, а их обсуждение в разговорах о принесшем утрату событии трактуется как оскверняющее память о погибшем и социально порицается. Неистинностью она называет неуместность этого вопроса в таком контексте — переживание военной потери не позволяет говорить о последствиях военных действий в повседневном фрейме, поэтому такое обсуждение блокируется.

В приведенной нами сегментации выделена особая группа противников СВО, критикующая не само решение о военной интервенции, а то, как ведутся боевые действия (Звоновский, Ходыкин 2024). Ее представители не против целей СВО, они лояльны объясняющему ее официальному нарративу, но они недовольны недостаточными, по их мнению, успехами и избыточными военными издержками. В эту группу переходят бывшие сторонники военного противостояния, когда их лично затрагивают военные потери — они начинают говорить об ошибках командования, плохой подготовке, коррупции на местах и других проблемах. Один из таких респондентов в ответ на вопрос об одобрении деятельности Госдумы (Вы в целом скорее одобряете или скорее не одобряете работу Государственной Думы?) высказывает крайнее недовольство политической действующей власти и возлагает на ее представителей вину за гибель молодежи из его окружения: *«При “Единой России” это все бардак! Я Вам открытым текстом говорю... Предатели! Потому что это боль. Моего сына одноклассник погиб. На mine подорвался. 19 лет парню. Представляете? Он отслужил, подписал контракт. И в первом бою погиб. Спасибо, остался сын у него... Ну, я Вам говорю, как отец... Война пользы никому не принесла, только вред. Прежде чем воевать, надо подготовиться. У нас (в селе) хоронят, в моем селе 40 человек воюют. Из 40 уже 10 погибли»* (м., 64 года, Астраханская область). Респондент приводит локальную статистику («из 40 человек уже 10 погибли»), которую он сам видит и противопоставляет ее официальным данным, в результате чего срав-

нение оказывается не в пользу последних, что подрывает его доверие к власти и ее заявлениям. Это типичный для человеческих документов случай, когда субъективный опыт, противореча официальным высказываниям, претендует на статус объективного свидетельства, поскольку он дается человеку непосредственно, то есть без посредников в виде СМИ или госорганов.

Причиной гибели солдат респондент считает недостаточную подготовку российской армии, за состояние которой отвечает партия власти, руководство которой он называет «предателями», т.е. действующими на благо тех, кого респондент считает врагами — недостаточная подготовка армии в военное время трактуется им как помощь врагам и расценивается как обман доверия. Это вызывает эмоционально окрашенное обвинение в предательстве, с одной стороны, интересов страны, а с другой — ожиданий людей, доверивших властям свою жизнь и жизни близких. Как и другие сторонники официального государственного нарратива, респондент понимает, что столь жесткое суждение о власти в воюющей стране социально неодобряемо, поэтому для его произнесения нужна определенная смелость говорить прямо и открыто («я Вам открытым текстом говорю») и легитимация такой позиции, которую респондент берет в своем отцовском статусе («я Вам говорю, как отец»), т.е. человек, который много сил и ресурсов вложил в воспитание ребенка, лучше понимает горе других родителей, теряющих детей, поэтому он имеет право нарушать табу на жесткую критику власти и предъявлять ей претензии за гибель молодежи. Травматический опыт проявляется в некоторой сбивчивости повествования: респондент перескакивает с политических суждений на высказывание о гибели солдата, потом снова на политику. В этом травматическом нарративе конкретное человеческое горе — смерть 19-летнего парня — присутствует в каждом суждении, даже когда он говорит о «Единой России»: он судит эту партию через и на основании горя утраты, которое в сочетании с его отцовским статусом дает ему право судить руководство страны за недостаточную подготовку к военному противостоянию, с целями которого он в целом согласен, ведь проблема только в том, что «*надо подготовиться*», чего, по его мнению, сделано не было, — отсюда и горе; поэтому руководители для него «предатели».

Мы уже писали о том, что военное противостояние в его начале воспринято россиянами как чрезвычайное событие (Звоновский, Ходыкин 2023в). Однако в чрезвычайном состоянии долго пребывать нельзя, поскольку у людей истощаются и физические, и психические ресурсы, поэтому стратегией адаптации к затянувшемуся военному конфликту

становится рутинизация восприятия военных тягот, в том числе и потерь, если они напрямую не затрагивают членов семьи. Высказывание одного из респондентов при ответе на вопрос о последствиях СВО для России (как бы Вы оценили, по состоянию на сегодняшний день спецоперация принесла больше пользы или больше вреда для нашей страны?) показывает, как со временем люди адаптируются к гибели на фронте знакомых и постепенно перестают воспринимать эти случаи как нечто исключительное: *«Да ну, вреда (принесла спецоперация), узнаешь, кто тут подорвался, кто тут подорвался... Ну, полчаса (настроение)... И так, и так. Да ну, адаптируемся, что ж делать...»* (м., 64 года, Ульяновская область). С безысходностью в голосе пожилой респондент буднично говорит о потерях среди своих знакомых, поскольку изменить положение дел он не в силах, а переживать из-за них у респондента уже не хватает моральных сил, поэтому стратегией его адаптации стало встраивание трагических событий в рутинные типизации повседневности по А. Шютцу. Смерти постепенно начинают восприниматься как некое трагичное, но привычное событие, повлиять на которое нет никакой возможности. В проведенном Лабораторией публичной социологии этнографическом исследовании восприятия военных действий жителями прифронтовой Курской области также показано преобладание отстраненных высказываний об их последствиях, как если бы это были последствия стихийного бедствия или другой подобной неизбежности непреодолимой силы, которую нужно не оценивать и не обсуждать как политическое событие, а принять как данность и адаптироваться к ней (Ничто не предвещало 2024). Определение ситуации как трагической неизбежности, вроде стихийного бедствия, снижает тяготу переживаний: *«да ну, адаптируемся, что ж делать...»* — это фаталистическое принятие чрезвычайной ситуации, позволяющее продолжать жить в ее условиях и не потерять психическое здоровье.

Когда потеря близких, особенно детей, сочетается с пожилым возрастом и проблемами со здоровьем, социальная депривация становится особенно тяжелой. Одна из респонденток при ответе на вопрос о выборе между адаптацией и изменениями обстоятельств (если говорить в целом, Вы чаще стараетесь изменить жизненные обстоятельства, которые Вас не устраивают, или чаще адаптируетесь к ним?) ответила: *«Ой, Боже мой... (с глубокой печалью в голосе) Вы знаете, дело-то в том, что у меня вот два года (как) сына похоронила... Ну 76 лет, ну что я могу делать? У меня ноги уже не ходят, я с костылем хожу»* (ж., 76 лет, Ростовская область). В данном случае мы не знаем, связана ли потеря сына с участием в боевых действиях, но для пережившего утрату пожилого человека это ситуацию не меняет: военные потери неизбежно увеличивают число таких пожилых

людей, остающихся без поддержки детей. Респондентка тяжело переживает утрату («Ой, Боже мой...») в условиях социальной изоляции и отсутствия возможностей не только для передвижения («у меня ноги уже не ходят, я с костылем хожу»), но и для полноценной жизни в целом («ну что я могу делать?»). В ее нарративе нет упоминания поддерживающей группы, институтов помощи, государства — есть только она, ее горе и подорванное здоровье. В этом ее высказывании зафиксировано не мнение, а состояние, в котором присутствие утраты и немощи сливаются.

О проблемах участников СВО и их семей

Важной группой, недовольной действиями властей, являются близкие (чаще всего жены) воюющих, столкнувшиеся с проблемами снабжения, ошибками руководителей на местах и необходимостью больших трат на обмундирование. Позиция представителей этой группы выражена в протестах жен мобилизованных. Жена участника СВО говорит о финансовых проблемах обеспечения военнослужащих и при ответе на вопрос о доходах (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) в отчаянии обращается с претензией к интервьюеру как к представителю власти: «невозможно жить в семье с ипотекой в 60 тысяч! При том, сколько нужно туда (на фронт). Я продала все, что можно было продать в своей квартире. Я купила мужу в обмундировании больше, чем на 1,5 миллиона рублей. Только благодаря этому он живой. Пули уже встрелили в зашитую и в БР-5... Сколько я на своем горбу лично (перевезла), я маленькая, худенькая девочка, я последний раз отвезла полторы тонны... (сбивчивым голосом) А Вы только отчеты “дяде Вове” отправляете! А “дядя Вова” даже читать не хочет о проблемах! Кто Вы?! (с раздражением) Это мы по копейкам собираем и возим...» (ж., 30 лет, Ленинградская область). Военное противостояние актуализировало различие между доходом и достатком, при котором даже высокий доход в условиях необходимости больших затрат приводит к низкому достатку. Русскоязычному читателю это различие известно из разделения «бедности по доходам» и «бедности по лишениям», описанного в крупном исследовании проблемы бедности россиян, проведенном под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой: человек может получать довольно высокую зарплату и испытывать при этом значительные материальные трудности из-за больших трат на лекарства, наличия родственников с зависимостями, жизни в труднодоступных местах или большого числа иждивенцев (Бедность и неравенства 2013). Таким образом, для определения уровня достатка знать расходы человека не менее важно, чем доходы.

Материальные трудности семей военнослужащих также создают для них угрозу столкнуться с бедностью по лишениям: с одной стороны, участники СВО получают крупные выплаты и имеют высокие доходы, но с другой — в случае отсутствия необходимого обмундирования затраты на него нивелируют высокий уровень выплат. Более того, необходимость и объемы таких затрат широко не обсуждаются и поэтому остаются неизвестными и неожиданными для семей военных. В описанном случае респондентка рассчитывала, что военные выплаты облегчат для ее семьи ипотечное бремя, но полуторамиллионные жизненно необходимые траты (*«только благодаря этому он (муж) живой»*) на амуницию неожиданно сделали ее финансовое положение крайне тяжелым (*«продала все, что можно было продать в своей квартире»*). Еще тяжелее ей становится из-за невозможности рассчитывать на помощь воюющего мужа в решении сложных проблем снабжения. Отсюда ее отчаянная апелляция к несоразмерности ее физических возможностей (*«я маленькая, худенькая девочка»*) и задач, которые она вынуждена решать в одиночку (*«я последний раз отвезла полторы тонны»*). Столь сложные и неожиданные проблемы подорвали доверие респондентки к власти. Ее насмешливо-осуждающее высказывание о военно-политическом руководстве страны (*«А “дядя Вова” даже читать не хочет о проблемах!»*) и его представителях, к которым она относит и проводящих опрос социологов (*«А Вы только отчеты “дяде Вове” отправляете!»*), показывает ее отчаяние и утрату доверия к власти и официальным заявлениям.

В высказывании респондентки также звучит требование симметричного распределения военных тягот и проблем между властью имущими и семьями военных, отсутствие которого трактуется как попрание базового принципа справедливости, разрушает доверие к военно-политическому руководству и при официально декларируемом народном единении создает разобщенность между семьями военных и властями, между «нами» и «ними»: «мы воюем и терпим все тяготы и лишения, а они пишут отчеты и не хотят слышать о проблемах». Респондентка обвиняет В. Путина, олигетворящего для нее российскую власть, в нарушении негласного контракта между семьями военных и командованием: мы воюем, а вы нас обеспечиваете всем необходимым и решаете наши финансовые проблемы (Звоновский, Ходыкин 2025). Она не видит возможностей влиять на решения властей, поэтому использует хотя бы участие в опросе как способ высказать свою обиду и поделиться трудностями, приводящими в отчаяние, проявляющееся в сбивчивом голосе, раздраженных и экспрессивных высказываниях.

Другим вариантом запроса на симметричное распределение тягот и благ является указание на различия в льготах и выплатах между во-

енными с разным статусом. Респондентка на вопрос об изменениях ее материального положения (за последний год Ваше материальное положение улучшилось, ухудшилось или в целом не изменилось?) ответила: *«Я являюсь госслужащим. У меня супруг находится на СВО. Я сейчас в положении. Подаю на пособие... Мне сказано, что у меня превышает доход. У меня, вот, просто такой вопрос: почему каким-то некоторым гражданам всем дают, а мне не дают? Мы живем в кредитах... Просто мобилизованным почему-то все... У меня супруг, понятно, он сам подписывал контракт... а нам ничего»* (ж., 30 лет, Приморский край). У людей, столкнувшихся с ограниченностью ресурсов, обостряется ощущение несправедливости их распределения. Испытывающим финансовые трудности свойственно ощущать себя обделенными и указывать на то, что другие в схожем положении получают незаслуженное, по их мнению, преимущество. Имеющая долги респондентка возмущается не столько своими финансовыми трудностями, сколько преимуществами мобилизованных сослуживцев мужа, считая такую ситуацию несправедливой. Это вариант горизонтально ориентированной линии разобщения, при которой ощущаемая асимметрия между «нами» и «ними» проходит не между более и менее статусными группами, а между людьми со сходной деятельностью и статусом.

Реабилитация вернувшихся домой и в особенности переживших ранения участников военных действий является сложной и затратной задачей для воевавших государств. Если такой работы не проводится, раненые военные оказываются в сложной ситуации и ощущают брошенность государством. Один из раненых, чьи родственники умерли, пока он воевал, в ответ на вопрос о доходе (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) рассказывает о своем тяжелом положении: *«Никакой (доход), я сейчас инвалид... У меня все умерли, пока я воевал. Вот, я один остался. Это первое. А второе, доход — это пенсия моя. И то, которую уменьшили. У меня выходит 21 тысяча военной пенсии и плюс за ранение 6–7»* (м., 48 лет, Астраханская область). За время военных действий этот участник столкнулся с тройной утратой: во-первых, он утратил здоровье и стал инвалидом, во-вторых, он потерял умерших близких, в-третьих, он потерял доходы и получает маленькую военную пенсию, не дотягивающую до 30 000 рублей, прожить на которую очень сложно. Респондент попал в «зону дезаффилиации» по Р. Кастелю, когда отсутствие работы и достойного дохода, сочетаясь с социальной изоляцией, постепенно исключает человека из полноценной общественной жизни и провоцирует его попадание в трудную жизненную ситуацию (Castel 2000).

Н.П. Щукина отнесла бедность и одиночество к главным источникам социальных проблем пожилых людей (Щукина 2004). Можно утверждать, что и для более молодых эти источники проблем остаются актуальными. Когда к ним добавляются еще и проблемы со здоровьем, человек оказывается в сильной социальной депривации, риск которой для участников войн выше из-за распространенности у них посттравматического стрессового расстройства (ПТСР): в частности, по оценкам врачей, среди советских военных, участвовавших в войне в Афганистане, более 30% страдали от ПТСР (Стрельников 2000).

Об экономических трудностях военного времени

По данным исследования ВЦИОМ, к концу 2025 года уровень внутреннего напряжения среди россиян вырос: четверо из десяти респондентов часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями, и этот показатель увеличился почти в полтора раза с 2022 года. Индекс стресса составил 50,6 пункта из 100 (+8,8 п. к 2022 г.) (Стресс... 2025). В число наиболее популярных стрессогенных факторов вошли экономические трудности и проблемы в трудовой деятельности. В количественных исследованиях крайне низкие доходы выражаются выбором вариантов «12 000 и менее рублей на члена семьи в месяц» или «денег не хватает даже на питание» и являются только статистической единицей. Но когда респондентка говорит: «Вы смеяться будете» перед тем, как назвать свой доход, она демонстрирует восприятие собственного дохода как связанного не только с экономической, но и с социальной депривацией, с ощущением социальной эксклюзии, недостаточности общественного признания. Бедность и социальная изоляция, как показал О. Льюис, усиливают негативный эффект воздействия друг друга (Lewis 1969).

По данным наших телефонных опросов, наиболее уязвимыми по уровню достатка являются пенсионеры: более четверти неработающих пенсионеров (27%) испытывают трудности с покупкой еды или одежды и обуви. Особые опасения вызывает группа неработающих пенсионеров, составляющая 27% взрослых россиян. Среди них 27% не могут удовлетворить самых базовых потребностей, еще для 28% большой проблемой станет необходимость покупки бытовой техники (Ходыкин 2025). Большинство неработающих пенсионеров уже нетрудоспособны и могут рассчитывать только на повышение пенсий или помощь близких. То есть их нынешние доходы не зависят от них самих. По данным нашего исследования восприятия россиянами произошедших и предполагаемых в будущем изменений их финансового положения, пенсионеры чаще других не ожидали изменений в будущем (70%) и полагали, что их экономическое

положение хуже, чем у других россиян, т.е. ощущали себя экономически депривированной группой (Звоновский, Ходыкин 2023а). В то же время данные различных опросов сходятся в том, что россияне пенсионного возраста чаще всех поддерживают руководство страны и все его решения, т.е. осознание собственной экономической обделенности не вызывает у большинства из них роста протестных настроений и претензий к власти, которые в большинстве случаев ограничиваются недовольством абстрактными «чиновниками» (Звоновский, Ходыкин 2024).

Большие трудности у пенсионеров вызывают неожиданные затраты, связанные с нередкими для пожилого возраста болезнями или смертью близких. Респондентка, столкнувшаяся с чередой смертей родственников и большими затратами на похороны, оказалась в трудной финансовой ситуации, несмотря на помощь семьи. На вопрос о доходах (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) она отвечает: *«за шестнадцать тысяч пенсия... Обычай такой. Сестру хоронила, дядю хоронила, золовку хоронила. Я мужа три года (назад), уже скоро третий год, похоронила. Все нам и дают (в долг), а мы... Теперь я должна всем... Одному 2 500, другому 3 500»* (ж., 69 лет, Дагестан). В обычной ситуации долги пожилой женщины не кажутся крупными, но при пенсии в 16 000 рублей они становятся большой финансовой проблемой, а необходимость обращаться за помощью к близким увеличивает долговую нагрузку. Исследования экономической депривации показывают, что главная опасность жизни на грани бедности состоит в «финансовой хрупкости» обладателей таких доходов, т.е. постоянной угрозе для них оказаться за этой гранью в случае неожиданных финансовых потерь или затрат (Lusardi, Schneider, Tufano 2011; Maury et al. 2023; Despard et al. 2018). В данном случае финансовые проблемы усугубились личным горем потери близких людей, сделав восприятие ситуации еще более тяжелым психологически.

Когда размер пенсий остается близким к прожиточному минимуму, несмотря на большой трудовой стаж и опыт работы на вредном производстве, это вызывает возмущение, которое осложняет восприятие и переживание объективных финансовых проблем. Ощущение несправедливости, исправить которую нет возможности, порождает фрустрацию и снижение удовлетворенности жизнью. Одна из респонденток в ответ на тот же вопрос о доходах жалуется не столько на финансовые проблемы, сколько на несправедливость и невнимание к ней со стороны государства, во благо которого она работала всю жизнь: *«я одна пенсионерка, сын у меня уже 3 года находится на СВО... Пенсия 24 тысячи. Это какие деньги?! (с возмущением) А всю жизнь отработала. Тридцать девять лет стажу!*

И вот не знаю, куда обратиться. У меня есть и медаль, а все равно никакого внимания на нас нет. Нашу (надбавку) снимать начали. Кто ни дня не работал, они почти такую же пенсию получают. А я вот 16 лет работала на вредном (производстве). Я все здоровье угробила...» (ж., 75 лет, Бурятия).

В ответе на вопрос о доходах на каждого члена семьи респондентка приводит стройную систему аргументов, показывающую несправедливость нынешнего размера ее пенсии. Во-первых, она апеллирует к стажу, показывающему, что его обладатель всю жизнь трудился и платил отчисления в Пенсионный фонд: *«39 лет»*. Во-вторых, она ссылается на особые заслуги перед государством: *«сын на СВО», «у меня есть и медаль»*. Если респондентка отправила сына на опасное для жизни выполнение решения государственной власти и получила признание своих заслуг в виде государственной награды (медали), то она считает справедливым получать достойную оплату, показывающую признание государством ее заслуг перед ним, а отсутствие такой оплаты воспринимается как неуважение и непризнание заслуг (*«все равно никакого внимания на нас нет»*), т.е. претензия респондентки к государству не столько в том, что оно мало платит, сколько в том, что оно не замечает ее заслуг, ее жертв, оскорбляя отсутствием символического признания. В-третьих, респондентка указывает на вредность производства, апеллируя к телесному ущербу, понесенному ради работы во благо государства, которое теперь должно компенсировать ей эту жертву: *«16 лет работала на вредном», «все здоровье угробила»*.

Риторический вопрос *«это какие деньги?»* фиксирует несоответствие между вкладом и вознаграждением, а противопоставление *«тем, кто ни дня не работал»* показывает несоответствие труда и его оплаты: когда «неработавшие» получают почти столько же, сколько человек, получивший 39 лет стажа и подорванное здоровье, это воспринимается как грубейшее нарушение справедливости. При этом респондентка не просто сообщает факты — она предъявляет их как доказательство, как свидетельства своей правоты. Ее труд, здоровье, сын, медаль — все это присутствует в речи как аргументы, легитимирующие требование к государству повысить размер пенсии и вернуть полагающуюся ей надбавку, снятие которой воспринимается как отъем кровно заработанных денег.

Примечательно, что о наиболее острых финансовых проблемах говорят пенсионеры, живущие в регионах из нижней части рейтинга по уровню оплаты труда и размерам бюджетов: Дагестана, Бурятии. Таким образом, в условиях высокого уровня межрегионального неравенства (Зубаревич, Сафронов 2024), при котором межрегиональная покупатель-

ная способность различается почти в четыре раза (Бобков и др. 2024), высказывания представителей экономически наиболее уязвимой группы неработающих пенсионеров о самых острых финансовых проблемах концентрируются в отстающих по уровню жизни населения регионах.

По данным всероссийского телефонного опроса, проведенного компанией «Хроники» в сентябре–октябре 2025 года (N = 1603), у 3% работающих россиян доход на каждого члена семьи составляет 12 000 рублей и менее. В сумме у 30% работающих россиян доход на члена семьи менее 30 000 рублей. Такие респонденты входят в группу так называемых работающих бедных, т.е. людей, чьи заработки не позволяют преодолеть экономическую депривацию, несмотря на участие в трудовой деятельности. Расчеты экономистов показывают сходную с опросными данными долю работающих бедных (25%) (Селиванова, Разумов 2023). Таким образом, около четверти работающих россиян испытывают экономическую депривацию. Исследования бедности работающих россиян показывают, что она устойчива во времени и приводит к утрате профессиональной идентичности, ощущению низкого статуса и выбору стратегий выживания в ущерб профессиональному развитию (Каримов, Ахметова 2025).

Прекаризация и в целом нестабильность занятости работников создают условия для их социально-экономической депривации (Кученкова 2021). Если занятость зависит от сезона и значительную часть года приходится получать доход меньше прожиточного минимума, да еще и в условиях маленького города, в котором закрылось некогда градообразующее предприятие, работники сталкиваются с финансовыми проблемами, связанными с неполной занятостью. Такую ситуацию при ответе на представленный выше вопрос о доходах описывает один из респондентов: *«Я зарабатываю 2700 рублей в день (сейчас). Зимой я зарабатываю 10 (тысяч) рублей в месяц, но я на полном обеспечении начальства. У нас пока летом все на полях работают. У нас нет работы. Нет работы... У нас завод еще развалили, все пострадали... А мы, кто в Ленинске живем, мы ездим вот сейчас на поля, а зимой — кто где пристроится»* (м., 48 лет, Волгоградская область). Сезонный характер занятости респондента и отсутствие работы в течение всего зимнего периода создают экономическую нестабильность и вызывают неудовлетворенность работой. Повтором слов *«нет работы»* респондент акцентирует внимание на отсутствии у него возможности изменить собственную занятость: он, может быть, и хотел бы иметь другое рабочее место, но его просто нет, поэтому приходится соглашаться на имеющиеся условия. В таком положении дел он винит местные власти, нынешние или прежние, обвиняя их в закрытии градообразующего предприятия (*«завод развалили»*), что сделало его небольшой

промышленный город местом социального неблагополучия. В данном случае прослеживается проблема периферийной экономики: когда промышленность разрушена, население вынуждено перебиваться сезонными заработками в аграрном секторе. При этом зимой проблема неполной занятости усугубляется, воспроизводя экономическую депрессивность территории: нет работы — низкие доходы — низкая покупательная способность населения — недостаточное потребление неплатежеспособным населением товаров и услуг — невозможность создать новые рабочие места.

Экономические исследования показывают сильную прямую связь между ростом иждивенческой нагрузки и уровнем бедности работающих семей; при этом специфика российской ситуации в том, что наличие детей в разы повышает для семьи работающего человека вероятность попасть в категорию малообеспеченных (Разумов, Селиванова 2022). В качестве примера такой ситуации приведем ответ на представленный выше вопрос о доходах респондентки, вынужденной оплачивать обучение в техникуме двоих детей: *«у меня в семье 6 человек. Муж зарабатывает 30 тысяч, я зарабатываю 21 тысячу... Двое у меня учащихся детей, которые учатся в техникуме, на платной основе. Оплачиваю все это государственным (пособием), то, что мне дали на детей»* (ж., 40 лет, Хабаровский край). Государственное пособие (скорее всего, речь идет о материнском капитале) позволяет оплачивать обучение детей, но материальное положение семьи все равно остается тяжелым из-за низких доходов родителей. В данном случае также можно отметить, что эта семья столкнулась с бедностью одновременно и «по доходам», и «по лишениям»: сочетание низких доходов с высокими расходами выталкивает ее за черту бедности.

Одна из проблем низких доходов в том, что для их обладателей финансовые трудности усугубляются структурной стигматизацией, последствия которой воспринимаются как снижение самооценки, возникновение ощущения тревожности, неблагополучия и унижения (Шаповал 2014). Исследования показывают, что воспринимаемая структурная стигма связана с тревожностью, депрессией и психическим благополучием, и эти взаимосвязи сохраняются после учета социально-экономических показателей (Inglis et al. 2025). Восприятие низких доходов как стигмы проявилось в кратком высказывании респондентки в ответ на вопрос о доходах в изложенной выше формулировке: *«Вы смеяться будете... 9-10 тысяч (рублей доход)»* (ж., 53 года, Курганская область). Прежде чем назвать цифру, она определяет ситуацию как потенциально унижительную, ожидая насмешки и защищаясь от нее предупреждающим указанием на ее возможность — *«Вы смеяться будете»*. Когда недостаток становится маркером

социального статуса, низкие доходы переживаются как указание на ее общую жизненную неуспешность.

Опасения респондентов

По данным наших исследований, опасения столкнуться с мошенничеством и преследованиями за высказанную позицию побуждают часть респондентов отказываться от участия в опросах на социально-политическую тематику: угроза потери денег и прямая инструкция ЦБ РФ, доводимая до населения через рекламную кампанию «Положи трубку!», не способствует готовности россиян проходить опросы, в большей степени воздействуя на женщин (Звоновский, Ходыкин, Раскевич 2026). Растущее в последние годы число случаев мошенничества (в том числе телефонного) и его широкое обсуждение в СМИ делают людей более подозрительными и настороженными (Раскевич 2025). Это отразилось и в ответах респондентов, в первую очередь пожилых женщин: *«У меня как раз соседка попала в мошенникам. Женщину прямо вот остановили у банкомата. Она уже, в общем, как под гипнозом была. Мы все напуганы»* (ж., 66 лет). Респондентка, с одной стороны, опасается мошенников, но с другой — испытывает потребность высказать свои опасения, в том числе и в рамках прохождения опроса. Таким образом, недоверие сочетается с желанием обсудить актуальную проблему.

Иногда опасаящиеся мошенников респонденты в целом готовы проходить опрос, но не готовы отвечать на некоторые вопросы, кажущиеся им раскрывающими личную информацию. Респондентка отказалась отвечать на вопрос о доходе в предложенной выше формулировке из-за опасения мошенников: *«Я не буду отвечать на этот вопрос (о доходе), потому что, а вдруг вы мошенники... Да, хотя у нас собрать (информацию)»* (ж., 55 лет, Московская область).

Некоторые родственники запрещают пожилым респондентам разговаривать по телефону с незнакомыми людьми, опасаясь, что близкий человек столкнется с мошенниками. Одна из респонденток при получении согласия на интервью так описывала свои сомнения: *«Я не знаю, вообще мне не разрешают дети ни с кем ничего разговаривать»* (ж., 91 год, Москва). Но все же интерес к опросу взял верх, и она согласилась на интервью.

Другим источником нежелания проходить опросы являются опасения столкнуться с преследованиями за высказанную при ответах на вопросы анкеты позицию. После принятия законов, криминализующих критику действий российской армии, несогласные с военным противостоянием респонденты стали высказывать опасения получить наказание за участие в опросах (Vyrskaia, Tkachenko, Martynova 2025). В нарративах наших

респондентов также присутствовали высказывания, выражающие такие опасения. Один из респондентов в ответ на предложение поучаствовать в опросе сказал: *«Только смотря какие вопросы будут. А то сейчас будут у вас какие-нибудь вопросы, за которые потом меня в тюрьму посадят на лет 10. Я не могу быть уверен на сто процентов...»* (м., 47 лет, Омская область). Но все же он согласился на участие в политическом опросе. Другой респондент после окончания опроса попрощался с интервьюером словами: *«Я надеюсь, Вы не отправите мой разговор в ФСБ... Дело-то не в том, как Вы работаете, а дело в том, как с Вами могут поработать (спецслужбы). Ладно, Вам доброго дня. Просто джекпот от меня, что я ответил. Обычно я трубку вешаю»* (м., 36 лет, ХМАО). В данном случае, возможно, респондент вспомнил о рискованности темы опроса только после его окончания или же ответил не вполне серьезно. Однако тот факт, что люди держат в уме возможность столкнуться с уголовным преследованием в связи с высказанным в опросе мнением, показывает распространение среди россиян тревожности из-за возможных преследований за политические взгляды.

После начала военных действий между их сторонниками и противниками произошло множество конфликтов из-за политических взглядов. Многие из этих конфликтов усилились разделением между эмигрировавшими и оставшимися в России родственниками и друзьями: когда политическое разделение подкрепляется государственными границами, отношения между близкими людьми рискуют быть разрушенными (Борусяк 2024). Физическая дистанция и государственные границы затрудняют общение между разделенными семьями, что способствует разрыву социальных связей и атомизации людей. Один из респондентов так пояснил свой ответ, что СВО отрицательно повлияла на его повседневную жизнь (как спецоперация повлияла на Вашу повседневную жизнь: скорее положительно или скорее отрицательно?): *«в силу того, что у меня семья за границей, и у нас вообще сейчас никакие отношения, только SMS-ки остались в телефоне»* (м., 61 год, Саратовская область).

Выводы и обсуждение результатов

По данным всероссийского телефонного опроса, проведенного компанией «Хроники» в сентябре–октябре 2025 года ($N = 1603$), 2% респондентов сами участвовали в военных действиях в Украине и еще у 35% в них участвовал кто-то из семьи. Опыт участия в боевых действиях самого респондента или кого-то из его близких кардинально меняет восприятие военного противостояния, вторгшегося в судьбу человека и ставшего для него биографическим событием. Разговор на военную тематику может

быть дискомфортным для таких респондентов, но потребность высказаться и донести свою позицию часто побуждает участвовать в опросах, отвечать более подробно и рассказывать о переживаниях, связанных с чрезвычайностью вовлеченности в военные события. Нарративы близких к фронту респондентов содержат несколько специфических черт:

Во-первых, военное противостояние воспринимается ими как конкретная, телесно переживаемая травма. Высказывания фиксируют момент крушения привычных типизаций: когда смерть близкого, необходимость самим собирать деньги на обмундирование или полученные ранения разрушают привычный ход жизни. Жизненный мир дает трещину, в которую проваливаются привычные схемы доверия, прежние акценты релевантности событий и понимания справедливости и безопасности.

Во-вторых, в своих высказываниях респонденты производят работу по определению ситуации, в которую они попали. В соответствии с этим определением меняются не только оценки власти и военных действий, но и сами основания суждения: легитимность начинает измеряться не соответствием официальным целям и аргументам, а тем, насколько власть, по мнению человека, выполнила подразумеваемые обязательства защиты, снабжения и справедливого распределения риска. Именно поэтому в нарративах родственников погибших и жен воюющих так часто звучит мотив нарушенного доверия как личного «контракта» («доверила», «только благодаря этому он живой»), а язык претензий легко переходит в моральный регистр, где ошибки и дефициты снабжения интерпретируются как обман и предательство. При этом принципиальное значение приобретает даже не реальная ситуация, а ее определение респондентами: важен не объективный уровень потерь или выплат, а то, как участники воспринимают, переживают и описывают ситуацию, потому что именно эта интерпретация становится реальной по последствиям — в разрыве доверия, в изменении отношения к власти и в переупорядочивании жизненных приоритетов.

В-третьих, высказывания показывают специфический источник недоверия, который можно описать как столкновение официальной картины с «народной статистикой», доступной респонденту непосредственно: число погибших в родном селе вызывает больше доверия, поскольку воспринимается непосредственно, а не из СМИ. В условиях разочарования в действиях власти формируется конкурирующий фрейм реальности, в котором официальные отчеты и заявления воспринимаются как трансляция идеологической позиции государства, которую правильно разделять, но ей не нужно верить при принятии конкретных жизненно важных решений — это переопределение ситуации само по себе становится меха-

низмом подрыва доверия. Важно, что критика при этом направлена не на сами декларируемые цели СВО, а на то, как ведутся боевые действия и почему, по мнению говорящих, потери оказываются избыточными из-за неподготовленности, организационных ошибок и проблем управления.

И наконец, для семей участников СВО существует экономическое измерение травмы, которое нельзя свести к вопросу о доходах: у жен возникают неожиданные и жизненно необходимые расходы на обмундирование и снабжение, способные нивелировать эффект от выплат и породить переживание бедности «по лишениям» при формально высоком доходе. Этот опыт структурируется как чувство несправедливости и асимметрии тягот, в результате чего появляется социальная дистанция между семьями военных и властью, переживаемая как разобщение.

Принципиально важно и то, как близкие участников СВО высказывают свои переживания: сбивчивость, ускорение темпа, раздражение, паузы и повторы оказываются симптомами вторжения переживания в речь, т.е. производством присутствия травмы. Поэтому опрос работает как канал, через который часть респондентов пытается проговорить опыт, не имеющий приемлемого повседневного языка или считающийся неуместным для повседневного обсуждения.

Экономические трудности военного времени актуализировали проблему «бедности по лишениям», когда даже относительно высокий доход (например, у участников СВО) нивелируется большими расходами, или когда работающие люди с зарплатой чуть выше МРОТ оказываются за гранью бедности из-за иждивенцев или долгов. В высказываниях пенсионеров экономическая депривация сопряжена с социальной: низкий уровень достатка прямо связан с социальной дезаффилиацией и невозможностью поддерживать социальные связи. Наличие проблем со здоровьем еще сильнее усугубляет данную ситуацию. Субъективное восприятие своего положения как несправедливого (например, сравнение человеком с большим трудовым стажем своей пенсии с пенсией тех, «кто ни дня не работал») усугубляет фрустрацию от низких доходов и ощущение брошенности государством, на которое возникает обида.

Особую уязвимость демонстрирует группа неработающих пенсионеров, в первую очередь проживающих в экономически депрессивных регионах: для них даже небольшие, но неожиданные расходы — похороны, болезни, помощь родственникам — превращаются в финансовую катастрофу из-за финансовой хрупкости, то есть постоянной близости к черте бедности при отсутствии резервов. Когда к экономической депривации добавляются проблемы со здоровьем, возникает синергетический эффект: невозможность поддерживать социальные связи усиливает изоляцию,

а изоляция, в свою очередь, делает невозможным преодоление финансовой депривации.

Отдельного внимания заслуживает психологическое измерение бедности, зафиксированное в нарративах: низкие доходы переживаются не только как материальная нехватка, но и как социальная стигма. Восприятие собственного дохода как потенциально унижительного маркера социального статуса усугубляет объективную экономическую депривацию субъективным ощущением социальной дезаффилиации и жизненной неспешности.

В условиях внешних трудностей процедура опроса выполняет не только измерительную, но также коммуникативную и экспрессивную функции. Для части респондентов участие в опросе становится редкой возможностью быть услышанными, донести свою боль или претензию до символического начальства. Парадоксальным образом, настороженность из-за мошенников и страх преследований за мнение иногда не блокируют желание высказаться, а создают фон, на котором согласие на интервью воспринимается самими респондентами как акт определенной смелости или исключение из обычного поведения в таких ситуациях.

Источники

Ничто не предвещало. Этнография «внезапной» войны в приграничном регионе. Курская область, осень 2024 // Отчет Лаборатории публичной социологии. URL: https://publicsociologylab.com/assets/reports/Ps-Lab_09.25_0.8_final.pdf (дата обращения: 24.06.2026).

Стресс и как с ним бороться // Аналитический отчет ВЦИОМ от 1.12.2025. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya?ysclid=mm79tm3yn4887363741> (дата обращения: 07.03.2026).

Литература / References

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя (2013) Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН.

Poverty and Inequality in Contemporary Russia: Ten Years Later (2013) *Analytical Report*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум.

Berger P.L., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Trans. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium (in Russian).

Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. (2024) Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(5): 55–73. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.3>

Bobkov V.N., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Fayzullin F.S. (2024) Assessment of Interregional Inequality in the Russian Federation by the Index of Social Well-Being of the Population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17(5): 55–73. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.3> (in Russian).

Борусяк Л.Ф. (2024) Новая волна эмиграции: что она дает людям, чего лишает и что в них меняет. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1(135): 52–69.

Borusyak L.F. (2024) A New Wave of Emigration: What It Gives People, What It Deprives Them of, and How It Changes Them. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 1(135): 52–69 (in Russian).

Братерский А.В., Кулешова А.В. (2021) *Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной истории России*. Т. 1. М.: ВЦИОМ.

Bratersky A.V., Kuleshova A.V. (2021) *Open Question/Poll: Public Opinion in the Contemporary History of Russia*. Vol. 1. Moscow: VCIOM (in Russian).

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология*. Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Weber M. (2016) *Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology*. Vol. I: *Sociology*. Trans. from German; comp., ed. and foreword by L.G. Ionin. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Гумбрехт Х.У. (2006) *Производство присутствия: Чего не может передать значение*. Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение.

Gumbrecht H.U. (2006) *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Trans. from English by S. Zenkin. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023a) Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023a) Perception of Economic Changes by Russian Public Opinion after the Start of the Russian-Ukrainian Conflict. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023b) Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? *Социодиггер*, 4(1/24): 38–48.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023b) A State Event and Personal Tragedies: Is the “Special Operation” Becoming a Collective Trauma for Russians? *Sotsiodigger* [Sociodigger], 4(1/24): 38–48 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023с) Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области). *Социологический журнал*, 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023c) Strategies for Adapting Supporters and Opponents of the “Special Military Operation” to Life under Its Conditions: The Case of Residents of the Samara Region. *Sotsiologicheskiiy zhurnal* [Sociological Journal], 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2024) *Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022–2023*. Chişinău: Historical Expertise. 340 с.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2024) *Russian Public Opinion under the Conditions of the 2022–2023 Military Conflict*. Chişinău: Historical Expertise (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2025) Отражение в российском общественном мнении соотношения идеологического и финансового мотивов участия в «спецоперации». *Историческая перспектива*, 3: 141–158. <https://doi.org/10.64737/2410-1419-2025-3-6>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2025) The Relationship between Ideological and Financial Motives for Participation in the “Special Military Operation” as Reflected in Russian Public Opinion. *Istoricheskaya perspektiva* [Historical Perspective], 3: 141–158. <https://doi.org/10.64737/2410-1419-2025-3-6> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В. (2026) *В свете опросов. Методические проблемы измерения общественного мнения о российско-украинском конфликте: монография*. Самара: Стандарт.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Raskevich A.V. (2026) *In the Light of Surveys: Methodological Problems of Measuring Public Opinion on the Russian-Ukrainian Conflict*. Samara: Standart (in Russian).

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024) Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке. *Региональные исследования*, 1(83): 4–18. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1>

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Interregional Inequality in Russia and Post-Soviet Countries in the Twenty-First Century. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 1(83): 4–18. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1> (in Russian).

Каримов А.Г., Ахметова Э.И. (2025) Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(4): 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

Karimov A.G., Akhmetova E.I. (2025) The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public-Sector Employees in the Republic of Bashkortostan. *Uroven' zhizni naseleniya*

regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 21(4): 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 (in Russian).

Кученкова А.В. (2021) Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 21(1): 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96>

Kuchenkova A.V. (2021) Precarization of Employment as a Factor of Wage Differentiation and Employees' Social Well-Being. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 21(1): 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> (in Russian).

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Merton R.K. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Разумов А.А., Селиванова О.В. (2022) Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(2): 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8>

Razumov A.A., Selivanova O.V. (2022) Households at Risk of Poverty: A Regional Perspective. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(2): 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> (in Russian).

Раскевич А.В. (2025) Уровень доверия россиян социологическим опросам на социально-политическую тематику: на примере г. Самары. *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*, 1(26): 156–162.

Raskevich A.V. (2025) Russians' Trust in Sociological Surveys on Sociopolitical Issues: The Case of Samara. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo universiteta* [Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University], 1(26): 156–162 (in Russian).

Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023) Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня. *Экономика труда*, 10(2): 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385>

Selivanova O.V., Razumov A.A. (2023) Poverty among the Working Population: Analysis of the Main Trends and Regional Experience in Reducing Its Level. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 10(2): 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> (in Russian).

Стрельников А.А. (2000) *Патогенез посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов локальных военных конфликтов*: дис. ... д-ра мед. наук. СПб.

Strelnikov A.A. (2000) *Pathogenesis of Post-Traumatic Stress Disorders in Veterans of Local Military Conflicts*. Doctoral Dissertation in Medical Sciences. St. Petersburg (in Russian).

Фейерабенд П. (2007) *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Хранитель.

Feyerabend P. (2007) *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. Trans. from English by A.L. Nikiforov. Moscow: Khranitel (in Russian).

Ходыкин А.В. (2025) Динамика восприятия неработающими россиянами собственных потребительских возможностей. В: Ярашева А.В. (отв. ред.) *Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2024 г.)*. М.: ФНИСЦ РАН: 332–336.

Khodykin A.V. (2025) Dynamics of Unemployed Russians' Perceptions of Their Own Consumption Opportunities. In: Yarasheva A.V. (ed.) *Income, Expenditure, and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 29, 2024)*. Moscow: FCTAS RAS: 332–336 (in Russian).

Шаповал И.А. (2014) Субъективное качество жизни в психологии бедности. *Психолого-педагогические исследования*, 6(4): 207–218. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060418>

Shapoval I.A. (2014) Subjective Quality of Life in the Psychology of Poverty. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 6(4): 207–218. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060418> (in Russian).

Шукина Н.П. (2004) *Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей*. М.: Дашков и К°.

Shchukina N.P. (2004) *The Institution of Mutual Assistance in the System of Social Support for Older People*. Moscow: Dashkov i K° (in Russian).

Шютц А. (2004) *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Schutz A. (2004) *Selected Works: A World Glowing with Meaning*. Trans. from German and English. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>

Castel R. (2000) The Roads to Disaffiliation: Insecure Work and Vulnerable Relationships. *International Journal of Urban and Regional Research*, 24(3): 519–535. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00262>

Despard M.R., Guo S., Grinstein-Weiss M., Russell B., Oliphant J.E., deRuyter A. (2018) The Mediating Role of Assets in Explaining Hardship Risk among Households Experiencing Financial Shocks. *Social Work Research*, 42(3): 147–158. <https://doi.org/10.1093/swr/svy012>

Inglis G., Sosu E., McHardy F., Witteveen I., Jenkins P., Knifton L. (2025) Testing the Associations between Poverty Stigma and Mental Health: The Role of Received Stigma and Perceived Structural Stigma. *International Journal of Social Psychiatry*, 71(3): 554–563. <https://doi.org/10.1177/00207640241296055>

Lewis O. (1969) Culture of Poverty. In: Moynihan D.P. (ed.) *On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences*. New York: Basic Books: 187–220.

Lusardi A., Schneider D.J., Tufano P. (2011) Financially Fragile Households: Evidence and Implications. *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring 2011: 83–134. <https://doi.org/10.1353/eca.2011.0002>

Maury M., Collyer S., Glasner B., Jia Y., Wimer C., Yera C. (2023) *Spotlight On: Liquid Assets, Financial Shocks, and Entrances into Material Hardship*. New York: Center on Poverty and Social Policy, Columbia University.

Thomas W.I., Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf.

Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Alfred A. Knopf.

Vyrskaiia M., Tkachenko A., Martynova N. (2025) Want to Be Heard: Survey Participation in Russia before and during the War. *Post-Soviet Affairs*, 41(6): 593–610. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2025.2548622>

BEYOND THE QUESTIONNAIRE: A QUALITATIVE RECONSTRUCTION OF RESPONDENTS' NARRATIVES OF WARTIME HARDSHIPS IN MASS POLITICAL SURVEYS

Vladimir B. Zvonovsky¹ (zvb@socio-fond.com)

Alexander V. Khodykin² (a.khodykin@socio-fond.com)

¹ Foundation for Social Research, Samara, Russia

² Samara State University of Economics, Samara, Russia

Citation: Zvonovsky V., Khodykin A. (2026) Beyond the Questionnaire: A Qualitative Reconstruction of Respondents' Narratives of Wartime Hardships in Mass Political Surveys. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 212–243 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.8> EDN: FRKCEK

Abstract. Respondents' interpretations of survey questions are always broader than the set of attributes measured by a questionnaire. Their answers therefore often extend beyond the offered response scale, especially when a topic directly affects their lives. Some respondents provide detailed accounts that illuminate how people perceive economic and political conditions, whereas quantitative datasets retain only answer distributions. To describe more fully how Russians perceive their living conditions in relation to recent economic and political events, we analyzed narratives offered by respondents during surveys on political topics, focusing on the hardships they had faced in recent years. The empirical material comprises 474 audio recordings selected from three nationwide

telephone surveys conducted in 2024–2025. Interviewers flagged recordings that contained important narratives relevant to the survey topic but extending beyond the attributes measured by the questionnaire. The analysis produced five main findings. First, for respondents whose immediate circle includes participants in the military confrontation with Ukraine who were killed, wounded, or faced severe hardship, the conflict has become a biographical event experienced as personal trauma. Second, Russians—especially those whose families have been directly affected by hostilities—express a strong demand for a more equal distribution of wartime benefits, burdens, and deprivation between citizens and representatives of power. Third, the experiences of acquaintances who have fought shape respondents' opinions more strongly than media reports. Fourth, the greatest economic hardship arises when low income coincides with high expenses, for example when a small pension must also support dependents who are unable to work; non-working pensioners are therefore particularly vulnerable. Fifth, low income combined with poor health compounds economic deprivation through the loss of social ties that a person lacks the resources to maintain.

Keywords: narratives, qualitative methods, life difficulties, Russian-Ukrainian conflict, document analysis, telephone surveys, respondents.

АНТРОПОЛОГИЯ ПАМЯТИ

ВЫШЕЛЕЙСКИЕ ЭПИФАНИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПЕРЕСБОРКА СЛУЧАЙНОЙ ЭТНОГРАФИИ¹

Роман Николаевич Абрамов^{1,2} (rabramov@hse.ru),
Елена Юрьевна Рождественская^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

²Институт социологии РАН (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

Цитирование: Абрамов Р.Н., Рождественская Е.Ю. (2026) Вышелейские эпифании: концептуальная пересборка случайной этнографии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 244–274. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.9> EDN: FSTRQ0

Аннотация. Статья представляет экспериментальное исследование на стыке социальной антропологии и качественной социологии. Авторы ставят перед собой основную цель — развить и концептуально пересобрать подходы «случайной этнографии» и «этнографии второго порядка», рассматривая краткие биографические тексты как источник по социальной истории женского труда в XX веке и как локальный перформанс памяти. Методология сочетает ретроспективное осмысление непреднамеренного полевого опыта, работу с материалом, собранным другим исследователем, и контролируемое использование нейросетей (ChatGPT) для первичной структуризации просопографического корпуса. Эмпирическая иллюстрация состоит из 18 кратких биографических очерков колхозных крестьянок с. Вышелей Пензенской области, созданных в конце советского периода школьными краеведами и обнаруженных одним из авторов на локальном празднике мордовской культуры. Теоретической основой статьи стали концепция краткого гражданского сторителлинга Ф. Фукса и понятие эпифании — простого и поразительного интуитивного понимания реальности. Анализ показывает, что при формальной лапидарности нарративов (крестьянское происхождение, отсутствие образования, тотальный труд в годы войны, помощь фронту) они формируют устойчивый эмоциональный режим терпения, долга и молчаливого героизма. Сама коллекция выступает нарративным агентом, конструирующим локальную идентичность. Авторы рефлексиируют эпистемологические и этические границы привлечения нейросетей в качественных исследованиях, обсуждая потенциал и риски для «живой» полевой работы. Полифония голосов (этнографов, нейросети, школьных авторов и героинь) проблематизирует жанровые и авторские режимы письма в современной социальной антропологии.

Ключевые слова: случайная этнография, эпифании, нейросети, крестьянство, социальная история, краеведение, эго-документы.

¹Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Эта работа является экспериментальной по своей концепции, структуре, жанру, методике и иллюстративному материалу. Точкой входа в исследование оказался материал, который не был собран специальным образом в ходе планового полевого исследования, но стал объектом аналитического внимания *post factum*, что позволило говорить об использовании подхода случайной этнографии. К тому же сам материал — короткие биографические очерки жизни колхозных крестьянок (18 историй) — собирался много лет назад неизвестными школьными краеведами из села Вышелей Пензенской области, и эти очерки — единственное, что известно об их героинях. Таким образом, эти краткие биографии жительниц Вышелея в контексте перформанса сельского праздника стали триггером для избранной инвентаризации и пересборки этнографических подходов, которые позволили бы сконструировать концептуальную рамку для такого объекта.

Учитывая специфику материала и обстоятельств его включения в аналитический оборот, было решено расширить границы эксперимента. Помимо автора этой находки (Р. Абрамов), ставшего случайным этнографом, к работе с материалом был привлечен этнограф второго порядка (Е. Рождественская)¹, для которой качественная социология, биографический метод и женские истории составляют сферу многолетней профессиональной специализации. Авторы статьи задаются вопросом: является ли различие в опыте вовлечения в материал проблемой для построения общей исследовательской позиции? Или возможно разделение труда при сохранении, а не размывании этих различий?

Научные и прикладные исследования в области социальных наук находятся в центре «идеального шторма», связанного с бурным ростом потенциала и разнообразия доступных нейросетевых моделей (ИИ). Оценка их реальных возможностей для проведения исследований сама по себе является фронтиром активного экспериментаторства, где алармизм исчезновения профессии исследователя соседствует с преувеличенным технооптимизмом, связанным с ожиданием «аналитического чуда» от нейросетей. Распространение нейросетей влечет за собой этические вызовы, касающиеся авторства идей, текстов, публикаций, и академические издательские дома прорабатывают новые политики, регулирующие применение данной технологии. Вновь возникает вопрос о том, где проложить границу между соавторством исследователей и нейросетей.

¹ Подобный метод «этнографии второго порядка» был использован при подготовке статьи (см.: Абрамов 2022).

Мы решили не игнорировать потенциал ИИ, а поэтому один из фрагментов работы основан на экспериментальной работе нейросети с имеющимся массивом данных биографических очерков женщин-колхозниц. Мы отдельно оговариваем границы применения нейросетей для структурирования материала с выявлением перспективных векторов анализа и узловых дискурсивных моментов. Результаты этого эксперимента представлены в статье.

В статье выражено и обосновано отчетливое намерение не смешивать голоса, но выстроить партии многоголосия. Авторы статьи надеются, что этот небольшой эксперимент позволит проблематизировать процесс создания текста в жанрах социальной антропологии, качественной социологии и случайной этнографии, а также проблему сложносоставного авторства и продемонстрировать, как может работать лирическая социология в понимании Э. Эбботта (Abbott 2007).

Этнографический и социально-исторический контекст кейса

В начале августа 2024 года, почти случайно, я, Роман Абрамов, оказался на празднике мордовской культуры «Эряк, веле, эряк» («Живи, село, живи!») в селе Вышелей Городищенского района Пензенской области. Вышелей находится примерно в восьмидесяти километрах от Пензы, однако добраться туда не так легко — к селу ведет только грунтовая дорога после съезда с трассы. Когда-то Вышелей был крупным сельским поселением с населением в 4000 человек в 1930 году и 900 человек накануне распада СССР, но сейчас здесь зарегистрировано не более 300 жителей, и их число продолжает снижаться, хотя в селе действует крупное фермерское хозяйство, где занята часть населения.

Мордовский сельский праздник в Вышелее проводится уже около двадцати лет и является ключевым событием для мордовского населения района и области. По меркам села (и всего района) — это значительное событие, куда съезжается 300–400 гостей, в основном из Городищенского и соседних районов. Программа включает концерт мордовской песни и танца, небольшой маркет с товарами народных промыслов и блюдами мордовской кухни, соревнования сельских борцов и другие активности. Поприветствовать участников прибывают чиновники из района и областного правительства.

Праздник шел своим чередом под открытым небом, чему благоприятствовала солнечная и в меру жаркая погода — музыкальные номера, поздравления и награждения местных лучших работников, короткие речи о мордовской и русской культуре, о локальном и общенациональном патриотизме. На одной из площадок была устроена краеведческая экспо-

зиция — размещено несколько предметов традиционной деревенской утвари и инсталляция, включающая картонные раскладные планшеты (стенды) и советский фотоальбом со страницами из толстого серого картона, куда были вклеены фотографии. Краеведческий уголок не вызывал интереса у жителей Вышелея и гостей праздника, но заинтересовал меня, подробно изучившего альбом и выставленные планшеты.

На планшетах разместились рукописные очерки истории села и Вышелейской школы в советский период — вероятно, планшеты делались усилиями учителей и учеников школы где-то между 1988 и 1991 годами, поскольку на одном из них упоминалась встреча выпускников местной школы начала 1991 года. Подобные раскладные планшеты нередко использовались в школьных музеях, пионерских комнатах и военных частях как типовая и доступная форма наглядной агитации и любительских краеведческих экспозиций. Из практики советской пропаганды форматы альбомов и планшетов (стендов) были заимствованы московскими концептуалистами — И. Кабаковым и В. Пивоваровым, создававшими свои произведения — бытописания воображаемого «маленького человека» периода Застоя (Лазебникова 2009: 170–177; Кабаков 2005a; Кабаков 2005b). Выставленный для ознакомления альбом на мордовском сельском празднике был посвящен женщинам-труженицам Вышелея, и на каждой странице помещалось небольшое любительское черно-белое фото с плохо различимыми чертами лица женщины и короткая биографическая справка о жительнице села. Эти лапидарные очерки (средний объем очерка 70–90 слов и 6–9 предложений) поразили своей трагичностью: все они повествовали о бесконечном тяжелом труде, непростой жизни в колхозе в 1930–1950-е годы, о напряжении сил в период войны. Биографии были написаны от руки тонким фломастером, аккуратным, скорее всего, девичьим почерком, а вместо заголовков — фамилии, имена и отчества жительниц, выведенные по трафарету, какие использовались в 1960–1980-е годы для оформления школьных стенгазет, конспектов, объявлений и т. п. В некоторые биографии синей ручкой и другим почерком добавлены сведения о смерти героини очерка. Вот примеры этих кратких биографических резюме:

«Кашкина А.И. родилась в 1919 году. Она росла в бедной крестьянской семье. Во время войны трудилась она в колхозе. Все работы выполнялись вручную. Рожь косили серпом и косой, молотили цепом. Анастасия Ильинична работала также птичницей. Во время войны вместе со всеми вязала варежки и носки, которые отправляли на фронт. После войны она работала дояркой, за хорошую работу ей подарены часы и похвальный лист».

«Ошкина Пелагея Евгеньевна родилась 13 ноября 1912 года. В годы войны она работала в колхозе: рожь молотила, шерсть пряла. На телегах возила домой дрова. Ошкина Пелагея Евгеньевна вырастила двоих детей».

«Алдаева Устинья Трофимовна родилась в 1928 году в крестьянской семье. Ей было 15 лет, когда умерли родители. Приходилось вставать рано, чтобы убраться дома и идти на колхозные работы. В поле хлеб убирали серпами, потом вязали снопы. Их носилками в одно место носили. А зимой ходили и молотили хлеб с помощью молотилки. Летом мололи просо. Копали колхозные огороды, сажали капусту, помидоры, огурцы. Машин, лошадей не было, поэтому с Нижнего Шкафта таскали семена овса на себе. Вечером вязали варежки и носки для фронта. Нужна была картошка, и ее сушили и посылали на фронт. Сейчас Устинья Трофимовна на заслуженном отдыхе».

Я листал этот альбом, и советский, российский XX век разворачивался перед моими глазами без праздничных декораций, громких достижений, победных фанфар: в нем не было гигантов социалистической индустрии, героики папанинской одиссеи, рекордных чкаловских перелетов, не было дворцовой роскоши московского метрополитена, «Коктейль-холла» на улице Горького, имперских сталинских высоток, Братской ГЭС, первого спутника и полета Гагарина в космос, БАМа и Атоммаша. В нем был изнурительный беспросветный тяжелый физический труд, отсутствие или дефицит электричества, полуголодное существование, материальная скудость и вечная борьба с жизненными невзгодами. Невольно эти краткие биографические очерки, написанные школьниками для краеведческого уголка, отражали чудовищный разрыв между действительно эпохальными достижениями СССР и архаичными условиями жизни колхозного крестьянства, прежде всего женщин, которые находились на периферии этой системы, зарабатывали трудодни, в том числе в тяжкие военные годы, и одновременно занимались домашним хозяйством. Они получали грамоты за свой труд, их награждали штапельными отрезами на платье, но все их бытие, подобно жизни средневекового французского крестьянина (Дюби 1994), ограничивалось Вышелеем и окружающими поселениями, чей вид долго оставался тем, что был в XIX веке.

«Ермошкина Матрена Ивановна родилась 22 ноября 1920 года. С 8 лет начала работать. До войны работала: полола, ходила на заготовку дров. Во время войны работала в колхозе: косила, кормила овец на ферме, работала пастухом. Возили на завод дрова

на быках. Она награждена грамотами и медалями. Сейчас Матрена Ивановна на заслуженном отдыхе».

Осмысление жизненного мира и биографических перипетий крестьянок на протяжении сложного XX века поначалу происходило в литературном контексте в традициях «деревенской прозы», одним из основателей которой был А. Солженицын с его «Матрениным двором». Затем появились «Деревянные кони» Ф. Абрамова с историей бабушки Милентьевны («у нее была тяжелая жизнь, как, впрочем, у всех деревенских женщин, юность которых пала на военную страду») (Абрамов 1970) и, конечно, «Прощание с Матерой» В. Распутина (Распутин 1976). Писатели-деревенщики были антимодернистами (Разувалова 2015) и, говоря о тяжелой судьбе крестьянок в советское время, наивно полагали, что сама по себе социалистическая модернизация принесла им дополнительные страдания, а ушедший в прошлое «традиционный уклад» русской деревни был бы лучшим уделом для селянок, что сомнительно, зная о ситуации в русском селе накануне революции. Эскапистская ностальгическая ухрония (Шацкий 1990) в духе Генри Торо, которой увлекались «писатели-деревенщики», имела мало общего с реалиями жизни в пореформенной русской деревне, в которой у женщины было так же мало выбора для достойной жизни, как и в колхозе 1930–1950-х годов, где оставался путь партийного активизма и ударного труда. Конечно, не только писатели, но и исследователи российского крестьянства — Т. Шанин (Shanin 1972) и А.М. Никулин — показали жизнь советского села в период его советизации и постсоветских трансформаций (Никулин 2010).

Отчасти так выглядела и жизнь моих родных — деревенских бабушек и прабабушек, чьи семьи покинули свои села в период коллективизации и голода на рубеже 1920–1930-х годов, и эти аллюзии еще сильнее привлекали мое внимание к альбому. Очевидно, личная вовлеченность здесь сыграла свою роль в выборе пристального взгляда. Я почти автоматически и бегло фотографировал содержание альбома и окружающую обстановку, не предполагая в тот момент делать из этой находки объект исследования, и только потом, много позже, пересматривая снимки на смартфоне, подумал, что эти истории жизни должны не только остаться на полузабытых антресолях сельской школы: их эмоциональный импульс и смыслы посланий могут оказать воздействие на кого-то еще. Для меня пронзительность историй жизни вышелейских женщин связана с их концентрацией в одном альбоме, что создает почти монотонный ритм повествования о судьбах колхозниц. Кроме того, сходство биографических траекторий и сухой, почти канцелярский язык усилили эмоциональное воздействие — подобно социальной рекламе, облеченной в форму официального бюро-

кратического бланка, которую описывает У. Эко в работе «Отсутствующая структура» (Эко 1998).

Альбом женских биографий был частью школьно-краеведческой инсталляции, развернутой под открытым небом. Помимо альбома, я сделал фотоснимки планшетов с историей колхоза, базировавшегося в Вышелее, и местной средней школы. История колхоза «Гигант» начинается с рубежа 1929–1930 годов — начала «массовой коллективизации», которая отмечена кадровой чехардой — в период до 1937 года (sic!) сменилось четыре руководителя хозяйства, и все они были мужчинами. В очерке колхозной истории отсутствует упоминание женщин — есть руководители, первые комсомольцы, первые трактористы (первый трактор «Фордзон» появился в колхозе в 1929 году) и водитель первого грузового автомобиля «ГАЗ-37-28» (примечание — такой модели автомобиля в то время не существовало, и, скорее всего, колхоз получил ГАЗ-АА — «полуторку»), полученного колхозом осенью 1935 года. Учитывая техническую отсталость российской деревни предреволюционного и постреволюционного времени, упоминание о мужчинах, имевших дело со сложной автотехникой, подчеркивает их относительно высокий статус в Вышелее того периода. Гендеризованная история в ее официальном изводе выносит на авансцену мужчин-героев, но, по контрасту, школьно-краеведческая инициатива много времени спустя выносит из небытия женские фигуры. В историческом очерке о колхозе «Гигант» техника становится не менее важным актором, чем люди, ее освоившие. Стоит вспомнить тезис исследователей советского периода о том, что механизация и машинизация сельского хозяйства (Kotkin 1995) в период и после начала коллективизации стали частью мобилизационной идеологии и своего рода фетишем радикального модернистского проекта «околхозивания» крестьянства, ставшего новой формой крепостничества (см. Никулин 1999; Scott 1998).

История вышелейской школы разбита на периоды («20-30-е годы», «40-50-е годы», «60-70-е годы», «80-е годы»). До революции в Вышелее работала четырехклассная церковно-приходская школа, для которой в 1914 году было построено новое здание и до 1937 года сохранялось четырехклассное образование с преподаванием на мордовском языке. В 1937 году открылась семилетняя школа («семилетка») с «увеличением контингента учителей» и переходом на преподавание на русском языке. В части очерка, посвященной военному и послевоенному времени, перечислены ФИО учителей без детализации их вклада в деятельность школы. По итогам оттепельной модернизации школа стала восьмилетней в 1967 году и уже спустя два года — средней школой с десятилетним образованием. В очерке констатируется расширение педагогического кол-

лектива, а с начала 1980-х годов отмечается смена поколений — пожилые учителя выходили на пенсию и покидали школу. В очерке можно найти много упоминаний о женщинах-учителях, и на короткий период середины шестидесятых годов директором школы стала А.С. Гладкова, остальные же директора (нашлось упоминание о семи руководителях вышелейской школы) — мужчины.

Очерки истории школы и колхоза «Гигант» чуть более насыщены, чем истории жизни женщин, хотя довольно скупы и ограничены сухой констатацией ключевых вех развития инфраструктуры (здания, машинно-тракторный парк) и датами смены административно-управленческих работников. Колхоз «Гигант» — главная институциональная ячейка государства на этой территории; в ее технических и бюрократических процессах видимыми оказываются прежде всего мужчины, тогда как женщины остаются на периферии. Идея Н. Ссориной-Чайкова о социальной жизни государства, воплощенной в практиках повседневности местного населения, оказывается дискуссионной, поскольку между планшетами с маскулинизированной и технотизированной историей колхоза и очерками жизни крестьянок заметен очевидный разрыв, так как в быте и судьбах колхозниц государство (как и война) выступает внешним Другим, чаще привносящим дополнительные тяготы, чтобы лишь изредка почти символически вознаградить их дарами в виде почетных грамот и наградных часов (Ssorin-Chaikov 2003). Несколько иная ситуация со школой — феминизация учительства, начавшаяся с земских и сельских школ в XIX веке, в полной мере раскрылась в советский период, когда школьными учителями все чаще становились женщины.

Как стало возможно, что даже в таком телеграфном стиле истории колхозных крестьянок были собраны, сохранены и помещены в отдельный альбом наравне с очерками о мужчинах-ветеранах и погибших во время ВОВ, историями становления колхоза и развития местной школы — основных организационных единиц, включавших эту местность в полотно государственной ткани? В 1960–1980-е годы, при кураторской поддержке партийных органов, началось активное движение малого краеведения, решавшее задачи патриотического воспитания подрастающего поколения и сбора исторического материала о советском периоде, включая его основные вехи — революцию и Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, ВОВ, послевоенное восстановление и т. п. (Шмидт 2004). Школы, пионерские, комсомольские организации, ПТУ и техникумы, вузы были вовлечены в эту деятельность (Желтоухова 2022): «концепция краеведения была в редуцированном виде апроприирована советской системой культурного воспроизводства и оказалась встроена

в образовательную и музейную практики» (Степанов, Максимова, Хлевнюк 2021). В Пензенской области краеведческую тематику курировал второй секретарь Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясников, который увлекался локальной историей и был близок к «почвенникам» в среде советской номенклатуры (Мясников 2008; Желтоухова 2024). В своей книге, обобщавшей многолетний опыт пропаганды и наглядной агитации, Г. Мясников рассказал о важности технологии «школьного краеведения», активно продвигаемой в области: «не случайно на первое место поставлено развитие школьного краеведения. Для юных Родина, ее история должны начинаться у порога своего дома, встречей с замечательными людьми своего города, села, улицы. И музей, уголок трудовой и боевой славы может очень образно, ярко рассказать вступающему в жизнь юному гражданину об истории родного края» (Мясников 1986: 81). Для этого была разработана методика, внедренная в школьное образование: «родилась новая идея — создавать летопись села как основу, на которой может и должна строиться методика изучения прошлого. При институте усовершенствования учителей был создан областной комитет по краеведению» (Мясников 1986: 82). Таким образом, заинтересовавшие меня материалы краеведческого уголка, очевидно, были результатом этой работы по сохранению локальной истории.

Формы случайной этнографии: пересборка подходов

На факультетах социологии и антропологии учат последовательному и системному подходу к организации и проведению своего исследования как цепочки взаимосвязанных действий — от замысла к публикациям. Сюда входит программа исследования с постановкой целей и задач, разработка методологии и техники сбора эмпирических данных, выбор способов их обработки, анализа и представления в академическом и научно-популярном контекстах. Конечно, при проведении включенного наблюдения и интервью в этнографическом и антропологическом исследовании предусматривается гибкий и открытый подход к полевой работе, однако все же обычно исследователь едет в экспедицию, выходит на городскую улицу или приходит на завод с исходной интенцией что-то или кого-то изучить, описать, проанализировать. У нас иной случай.

Я приехал в Вышелей «за компанию», сопровождая своих друзей-пензенцев, которые были официально приглашены на праздник. Я не ставил перед собой исследовательских задач, рассматривая поездку как рекреационную, не занимался включенным наблюдением и этнографией, был зрителем, «зевакой», которому интересно это событие, не более. Безусловно, в той или иной степени я оставался социологом и обладал настроен-

ным профессиональным зрением (Сорокин 1921; Goodwin 1994), но не вел полевых заметок, не брал интервью, хотя активно пользовался камерой смартфона, на всякий случай снимая и праздник, и село, но съемка не выходила за пределы обычной туристической активности, за исключением альбома с женскими биографиями. Намного позже, разбирая отпускные фотографии, я отдельно сохранил подборку из Вышегея, а когда Н. Скорин-Чайков объявил анонс первой конференции «Майский сбор» в 2025 году, то я понял, что этот взволновавший меня материал может быть объектом ретроспективного анализа и являет собой феномен случайной (Poulos 2009; Levitan, Carr-Chellman, Carr-Chellman 2020), неловкой (Sløk-Andersen, Persson 2021; Wästerfors 2023), забывчивой (Elliott 2025) этнографии.

Ключевой работой по теме случайной этнографии является книга К. Паулоса (Poulos 2009), в которой он раскрывает возможности этого методологического подхода на основе собственного опыта автоэтнографии и работы с теньевыми сторонами прошлого своей семьи. Это исследование началось спонтанно, непреднамеренно и выросло не из предварительной программы, а стало следствием жизненного события, семейных обстоятельств. Поскольку для К. Паулоса эти обстоятельства были связаны с семейными «скелетами в шкафу», то в центре его рассмотрения оказалась рефлексия относительно собственной экспертной и этической позиции, а также проблематизация форм амнезии, умолчаний, «белых пятен», пауз и разрывов в нарративах о прошлом. Автор обращает внимание на то, что материальный артефакт — вещь, фотография, эфемер в понимании Х. Любартович¹, может стать катализатором случайной этнографии, как это произошло в моем случае, когда краеведческий альбом с биографиями колхозниц Вышегея запустил этнографическую рефлексию. Для К. Паулоса случайная этнография предполагает «готовность отдаться творческим, воображаемым, спонтанным, случайным знакам и импульсам», «принять силу воображения» и «блуждающий след случайности» (Poulos 2009: 47), а сам случайный этнограф, «блуждая по миру, учится замечать знаки, следы, воспоминания, сны и размышления», чувствуя зов сердца и стремясь объединить прошлое, настоящее и будущее посредством своего исследования (Poulos 2009: 47). Случайная этнография в интерпретации К. Паулоса требует некоторой смелости и от самого исследователя, так

¹ Р. Абрамов узнал о вкладе Х. Любартович в развитие работы с эфемерными материальными артефактами из лекции и мастер-класса «Эфемеры на окраине архива» на летней школе «Архивный импульс» (г. Дубна, ОИАИ, НИУ ВШЭ, июль 2025 года). См. <https://www.jinr.ru/posts/arhiv-xx-veka-likbez/>

как находится в непосредственной близости к автоэтнографии, связанной с раскрытием болезненных сторон семейной истории и личной биографии, и, добавим, граничит с другим исследовательским полем — клинической социологией с ее задачей поиска и рефлексии своего места в семейной истории и перевода латентных смыслов в манифестирующие. Эта близость к автоэтнографическому опыту подобна эпифаническому¹ переживанию, интуитивному пониманию реальности, одновременно простому и поразительному, с одной стороны, и абдукции, с другой. Оба понятия описывают специфический способ получения нового знания, но по-разному — через озарение (вспышку ясности) и через внезапный интеллектуальный скачок. Столь глубокое эмоциональное переживание прочтения альбома с краткими историями жизни колхозниц было вызвано резонансом с биографиями моих предков, в частности, родной бабушки, которая всю жизнь была колхозной крестьянкой, и ее биографическая траектория схожа с описаниями женских судеб из вышелейского альбома. Тут можно сказать словами Н. Козловой, что «теоретическое усилие и работа памяти начинают стимулировать друг друга, рождая возможность нового взгляда. Теоретическая работа превращается в род автобиографии. “Чужие” истории встраиваются в твою собственную» (Козлова 2005: 19).

В более поздней версии случайной этнографии предусматривается «систематическое внимание к непредвиденным моментам, возникающим за пределами интервью, опросов или других структурированных методов» (Fujii 2015). Другое дело, что в ситуации, когда исследователь «не на работе», это систематическое внимание проявляется неосознанно как интерпретированное практическое профессиональное знание, фроне́зис (Абрамов 2015), что делает возможным ретроспективно обратиться к своим впечатлениям как к источнику материала для анализа. Метод случайной этнографии применяется в различных ситуациях — от разговора с попутчиком в самолете, который привел исследователя в уникальное поле, до сбоев и гарфинкелевских поломок в беседах, когда речь касается травматичных, замалчиваемых событий или аспектов жизни общества (Fujii 2015). Случайную этнографию как методическую ориентацию в процессе исследования использовали при изучении самодельных музеев на Бали (Suryawan, Khoo 2025), жизни Кении в автопутешествиях по стране с местными жителями (Lynch 2025), доступа к образованию девочек из отдаленных районов Перу (Levitan, Carr-Chellman, Carr-Chellman 2020) и т.д.

¹ Эпифания — проявление божества, откровение, а также христианский праздник Богоявления, в литературе — внезапное, озаряющее понимание сути вещей.

Близкой к случайной этнографии является неловкая этнография (*awkward ethnography*) (Sløk-Andersen, Persson 2021) — ситуации, когда исследователь непреднамеренно попадает в некомфортные, неловкие ситуации в ходе полевой работы, которые могут вызывать смущение и даже стыд у участников взаимодействия, хотя этот исповедальный жанр в этнографии иногда является формой романтизации профессиональных промахов (Wästerfors 2023). Обычно эти моменты не становятся частью готового исследования, публикации, оставаясь на исследовательской кухне, однако они могут стать продуктивными с точки зрения получения дополнительного знания об объекте изучения (Sløk-Andersen, Persson 2021). Неловкая этнография требует быть готовым к непредвиденному ходу событий — возникающая неловкость и дискомфорт являются частью профессиональной практики (Wästerfors 2023). Неловкость в этнографическом поле часто возникает в контексте ситуации обмена, ожидания взаимности от исследователя со стороны участников или гейткиперов (Koning, Ooi 2013), которые считают нужным «отблагодарить» чем-то значимым этнографа за интерес к ним и их сообществу, либо полагают, что этнограф станет своего рода «даром» для сообщества — например, купит сувениры у местных торговцев или воспользуется другими услугами. В случае с альбомом Вышелея такого не было, однако сама ситуация посещения порожидала некоторую неловкость относительно роли и статуса. Праздник открыт для всех и анонсируется в региональных медиа, но из-за удаленности от автострад и «домашнего» формата, ориентированного на свое сообщество, внешние гости воспринимаются с некоторой осторожностью, особенно если они были привезены областным официальным лицом (как это было в моем случае), приехавшим засвидетельствовать уважение к событию и сообществу. Иными словами, местные не находили для меня какой-то определенной устоявшейся ячейки в привычной классификации гостей и визитеров: «обычные туристы» туда не заглядывают, а знакомство с областным официальным лицом отбрасывает тень статуса и на меня. В общении это никак не выражалось, поскольку все участники и гости праздника в первую очередь были рады событию и возможности пообщаться друг с другом, обменяться местными новостями.

Я вернулся к кейсу Вышелея по прошествии времени — где-то через полгода после поездки. У меня не было оперативных полевых заметок, кроме подборки фотографий и пары коротких видеозаписок с выступлениями народных коллективов. Поэтому я полагался на собственную память и несколько потускневшие впечатления от посещения села. Д. Эллиот проблематизирует подобную ситуацию как «забывчивую этнографию» и «психотическую антропологию», когда исследователь в значи-

тельной степени полагается на собственную память и объективно неполные полевые записи, которые служат «протезами памяти» (Elliott 2025). Д. Эллиот предлагает эксплицировать пробелы в воспоминаниях как неотъемлемый элемент аналитической работы, принять во внимание конфабуляции, сопровождающие этнографическую ретроспекцию, согласиться с незавершенностью любого этнографического проекта и признать его эпистемологическую уязвимость, связанную с природой такого рода исследований (Elliott 2025). В случае Вышелея все это присутствует и к тому же дополнено тем, что один из авторов данной статьи не являлся свидетелем праздника, воспринимая его опосредованно — через оптику воспоминаний и документальные свидетельства, собранные другим.

В России случайная этнография как способ осмысления пережитого распространена слабо. Конечно, в этнографических исследованиях и работах, издаваемых при поддержке Фонда «Хамовники», присутствуют элементы непредвиденной этнографии и антропологии, однако в основном все эти тексты основаны на результатах продуманной программы участвующего наблюдения и интервьюирования. В 2007–2010 годах И.А. Климов на базе ФОМа разрабатывал концепцию «микроэкспедиций» с быстрым входом в поле и оперативным выходом из него, когда нужно было собрать первичную информацию. «Встреча с полем» всегда несла в себе элемент неожиданности и открытия новых направлений интерпретации. Такие микроэкспедиции предпринимались в Сочи в 2008 году, в Иркутске и других местах (Климов 2008). К сожалению, в основном их материалы, как и их концептуализация, остались во внутренних архивах участников, и автор знаком с ними на основе личной коммуникации. Тем не менее медиапроект ФОМа «Заповедник» во многом опирался на эту методическую идеологию. Близким по духу и организации стал многолетний проект студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», в котором есть место для случайной, спонтанной, непредсказуемой этнографии, синхронизированной с институциональными ограничениями учебного процесса и отчетности, и просто для этнографического удивления при соответствующей организации поездки.

Материальный след женских историй: эго-тексты как композиция

Прежде чем приступить к анализу этнографического материала, я, вторая автор статьи Елена Рождественская, не имевшая опыта первичного этнографического озарения, приняла решение об эксперименте с привлечением ИИ для первичной структуриации кратких биографий. Такое решение было вызвано не столько трудностями тематического анализа

этой небольшой коллекции, сколько увлеченностью новой эрой внедрения ИИ. Но дискурс использования генеративных моделей в социальных науках, этнографии и качественном анализе, в частности, требует позиционирования.

Намереваясь использовать ИИ для узкой задачи структуризации, мы тем не менее вступаем в гораздо более широкий контекст нарастающего и слабо упорядоченного вовлечения ИИ в исследовательскую практику, но уже предъявляющего разнообразные позиции в этом поле. Поэтому, прежде чем описать результаты работы привлеченного третьего, «нечеловеческого», участника, я представляю это актуальное поляризованное поле позиций. Обзорные исследования (Paulus et al. 2026; Avnoon, Oliver 2023) показывают, что дискуссия о внедрении ИИ напоминает риторический танец — исследователи признают неизбежность внедрения, которое нарушит, если не полностью преобразует, ландшафт социальных наук и поле научных публикаций. Преодолевая эту фаталистичность, Д. Хитч (Hitch 2024) признает, что «вопрос не в том, следует ли ИИ внедрять, а в том, как лучше его внедрить. Революция уже здесь, и она имеет потенциал значительно улучшить и преобразовать работу качественных исследователей из разных традиций и подходов» (Hitch 2024), а ИИ позиционируется как соисследователь и соавтор (Mollick 2024). Исследователи в области качественной социологии также размышляют, как ИИ повлияет на их работу (Christou 2023). Им есть о чем беспокоиться: качественные подходы сосредоточены на понимании того, как люди осмысляют контекст и ориентируются в социальных мирах (Paulus, Lester 2024). Методологические подходы исторически сложились как ориентированные на субъектов и исполняемые субъектами, вовлеченными в сбор, анализ и интерпретацию данных. ИИ привносит в эту схему упрощение и контроль за структуриацией: на уровне обобщения, категоризации и выявления общих закономерностей в данном наборе данных (Freeman 2016). Но М. Ван Манен (Van Manen 2023), один из немногих, кто выступает против внедрения ИИ, пишет, что ChatGPT «не может по-настоящему тематически, не говоря уже о теоретизировании, выстроить осмысленность. Вместо этого [он] предлагает иллюзию осмысленного чтения» (Van Manen 2023). То есть понимания человеческого опыта ChatGPT предложить не может. Но способен ли ИИ помочь упростить трудоемкий процесс качественного исследования?

Так, например, экспериментируя с ИИ, С. де Паоли (De Paoli 2024) провел шесть фаз тематического анализа корпуса статей с помощью ChatGPT и пришел к выводу, что модель может вывести большинство основных тем из предыдущих исследований, она жизнеспособна и обеспечивает адекватный уровень валидности. С. де Паоли при этом заклю-

чает: «Нельзя отрицать, что модель может выводить коды и темы и даже выявлять закономерности, которые исследователи не сочли релевантными, и способствовать улучшению качественного анализа» (De Paoli 2024: 1014). Вопрос лишь в том, как это интерпретировать — это преимущество модели или ограничение исследователя?

Более того, важный аргумент в пользу ИИ как инструмента, облегчающего кропотливый труд социолога-качественника, также оспаривается (Paulus et al. 2026): трудоемкость аналитического процесса реабилитируется и возводится в этическую норму. С. Трейси пишет, что не трудоемкость качественного исследования на самом деле является проблемой, скорее, трудоемкость качественного анализа данных является частью того, что необходимо для получения глубокого и детального понимания феномена человеческого опыта (Tracy 2010). Длительное и процедурно корректное взаимодействие с данными — это один из способов, с помощью которого исследователи обеспечивают достоверность и подлинность своих интерпретаций.

Какую же фигуру мы отыграем в этом риторическом танце? Разделяя фатализм неизбежного внедрения ИИ в исследовательскую практику качественных исследований, отметим необходимость прежде всего открытого декларирования его использования. Далее, мы определенно отклоним делегирование интерпретационной компетенции технологиям ИИ, но воспользуемся возможностью структурирования первичного эмпирического материала, задавая ChatGPT промпт с просьбой описать и выделить основные темы и сопоставить их с точки зрения общего и различного. Такова общая позиция авторов этой статьи.

Итак, перед нами компактный текстуальный объект из 18 отдельных фрагментов, каждый из которых посвящен одной из жительниц Вышелея. Приведем типичный пример ниже:

«Майорова Ольга Ивановна¹ родилась 9 августа 1908 года. Она работала в колхозе «Гигант». Косила и молотила пшеницу, в то время не было комбайнов и всю работу выполняли вручную. Еще трудилась на ферме, кормила свиней. Когда придет домой, уже вечер, а еще надо связать носки и варежки для солдат. Сейчас она на пенсии. За трудовые успехи награждена медалями и почетной грамотой».

И без привлечения ИИ можно сказать, что текст лапидарен и описателен. Доминирующий лейтмотив труда вытесняет все потенциально

¹ Имена не анонимизировались, будучи предъявленными публично.

возможные темы — частную жизнь, окружающих персонажей, контекст сельского труда, его виды и техническую оснащенность. Даже время вне основной работы отдано другому труду; фоновым событием при этом остается война. Совокупный труд получает признание, демонстрируя, в чем авторы очерков видят ценность жизни.

Тем не менее метрики по отношению к коллекции рассматриваемых текстов таковы: лексическая плотность равна 0,434. Это означает, что около 43,4 % всех слов текста составляют самостоятельные части речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия), а оставшаяся часть — служебные слова (предлоги, союзы, частицы), что указывает на средний уровень насыщенности текста содержательными словами. Индекс удобочитаемости как мера сложности восприятия текста читателем равен 11,074; такой текст будет понятен взрослому человеку с полным средним образованием¹. Среднее количество слов в предложении — 8,1. Самые часто встречающиеся слова в корпусе: году (21); работала (20); родилась (16); войны (13); сейчас (10).

Для структурирования корпуса текстов мы обратились к ChatGPT². Полученный результат дает следующую описательную картину:

Общее во всех историях касается социального статуса и уровня образования, режима труда во время ВОВ, помощи фронту (и это еще одна форма труда), наконец, признания этого труда:

Социальное происхождение и образование: все женщины происходили из крестьянских, чаще бедных семей. Образование: максимум — 4 класса. Некоторые не учились вовсе (например, А.Ф. Комбарова). Раннее включение в труд объясняется бедностью, ранней смертью родителей и условиями военного времени.

Труд в годы войны: все героини работали в годы ВОВ. Употребленные характеристики труда: физически тяжелый, мужская работа, ручной труд (отсутствие техники). Типичные виды работ: колхозные полевые работы (косили, молотили, убирали урожай), работа на фермах (доярки, пастухи,

¹ Анализ коллекции историй был проведен с помощью Автоматического индекса удобочитаемости (Automated Readability Index — ARI).

² Загружался полный корпус историй общим файлом. Промпт: «Проструктурируй и выдай общее и различное в этих историях, используй информацию только из файла» (https://chatgpt.com/s/t_6ac29bff33988191b03ee9cefb3c2646). Обращение к ИИ в данном случае — методический эксперимент с четко ограниченной задачей структуризации, то есть определением того, как элементы корпуса текстов упорядочены в общей структуре. Авторы не вменяли ИИ задачу анализа, подразумевая под ней исследование этой структуры, ее элементов и взаимосвязей между ними.

птичницы), трактористки, конюхи, работа на заводе, рытье окопов, строительство оборонительных линий. Рабочий день: до 12 часов, иногда за 100 грамм хлеба.

Помощь фронту: почти все вязали носки и варежки для солдат после основной работы, участвовали в общем сборе средств (деньги с населения). Здесь подчеркивается: чувство долга, самоотверженность, отсутствие отдыха.

Признание труда: многие награждены медалями «За доблестный труд», почетными грамотами, похвальными листами, памятными подарками (часы). Даже при отсутствии формального образования труд оценивался государством.

Основные различия между историями касаются характера непосредственного труда, специфики труда во время войны (ИИ не смог четко провести это различие, подведя различные виды труда под военный опыт), семейной судьбы, продолжительности жизни и послевоенного периода. Основные виды труда героинь — сельскохозяйственные и полевые работы в тылу, работа на винзаводе и газогенераторе, а также труд птичниц, трактористок и конюхов; некоторые женщины рыли окопы в системе обороны. Опыт работы в непосредственной близости от фронта упомянут лишь у одной героини, участвовавшей в рытье окопов. Семейная судьба тематизирована (но не у всех) наличием детей и достижением пенсионного возраста, а продолжительность жизни упомянута в связи с ранней смертью после родов либо сообщением о смерти в послевоенные годы, как у нескольких героинь. Послевоенная жизнь отмечена у части женщин тем, что они продолжили работать в сельском хозяйстве, либо были переселены, либо дожили до старости. Другие отличия связаны с тем, что они не дожили до пожилого возраста либо сведения о смерти добавлены позже другими людьми.

Таким образом, выделяются три главных содержательных компонента: историческое время (война), биографическое время (рождение — смерть) и труд. В историях выделяется типичный, но героический образ женщины военного тыла: минимум образования, максимум физического труда, совмещение работы, быта и помощи фронту, высокая ответственность и выносливость.

Общий эмоциональный режим всех историй — сдержанный, трудовой, без жалоб, с доминированием терпения, внутренней стойкости, чувства долга, молчаливого героизма. Тексты написаны спокойным, почти документальным языком, эмоции выражены не напрямую, а через описание условий жизни и труда. Основные эмоциональные состояния и их проявления: тяжесть и изнуренность, эмоция физической и мораль-

ной усталости, но без драматизации; терпение и смирение перед необходимостью, эмоциональный фон — принятие неизбежности; женский труд наравне с мужским, эмоция внутренней силы и скрытой гордости; забота и тихая самоотдача, эмоциональный режим — забота без слов, выраженная действием; скромная гордость и признание, эмоция сдержанного достоинства, выраженная через награды, а не чувства; потери и молчаливый трагизм, эмоция утраты передана максимально нейтрально, почти без слов. Эмоциональный режим женских историй характеризуется отсутствием жалоб, минимумом личных чувств и максимумом действия. Эмоции не проговариваются, а проживаются через труд, необходимость и молчание.

Краткие эго-тексты в контексте гражданского сторителлинга

Если соавтор статьи погрузил читателя в первичную рамку этнографии, то я предложила бы в режиме пересборки концептуальных подходов посмотреть на полученный и структурированный материал сквозь призму текстуальности. Поэтому здесь предложено рассуждение, позволяющее выстроить дополнительную позицию по отношению уже к анализируемой коллекции кратких биографических историй или микронарративов. Перформанс краеведческого праздника с необходимостью вместил краткие, контекстно уместные формы биографизации жительниц Вышелея. И этот краткий формат кажется нам здесь ключевым в контексте уплотнения смыслов и рассказывания историй. Но для этого необходимо прояснить культурный оборот краткого текста.

Какие аргументы мы здесь собираемся привлечь? В самом широком плане это ресурсы краткого гражданского сторителлинга (Fuchs 2023), невозможность в определенных контекстах использовать длинную развернутую историю, вследствие чего сами тексты становятся нарративными агентами, участниками общего смыслопроизводства, а с учетом этнографического действия — еще и перформативными жестами.

Продвигающий идеи краткого сторителлинга Ф. Фукс оценивает их социальный эффект: «Краткие формы [например, басни] вовлекают нас в свое силовое поле, требуя от нас реагировать на то, что они сигнализируют, и затем решать реальные проблемы от их имени» (Fuchs 2023). Но что такое эти краткие тексты? Это формы гражданской практики/дискурса и активности с социальными функциями: лаконичные вербально-текстуальные формы позволяют артикулировать проблемы общества и возможные способы их решения, напоминая нам о нашей способности к действию. Они адаптируют к реальному миру, к «здесь и сейчас» современников и влияют на него своими моральными итогами, условной осуждаемой

Стрекозой, пропевшей все лето, вместо того чтобы готовиться к суровой зиме. Краткие формы сторителлинга выступают своего рода микронарративными семантическими агентами, предлагая зафиксированный смысл как единственно правильный формальный ответ на несформированную или фрагментированную реальность, с которой возникает потребность идентифицироваться. Сжатые повествования избирательно включают говорящие детали индивидуальной жизни — «детальность повседневности» (например, варежки в наших женских историях). Эти детали усиливают жизнеутверждающий потенциал повествований и служат образными якорями, удерживающими историю в памяти. Краткая история становится увлекательной, цепляющей только тогда, когда мы, рассказчики, читатели, посетители краеведческого сельского праздника взаимодействуем с текстом, переводя его в разряд увиденного, прочитанного, выслушанного, что делает заключенный в нем мир неизбежно присутствующим.

Можно ли эти тексты представить себе как обладающие «субъектностью» и в какой момент она активизируется? Если обратиться к понятию аффорданса, материальная форма соединенных текстов женских историй предстает как склейка в виде гармошки, растянутая на экспозиционном столе. Не разделяющая весь массив на отдельные истории, но заставляющая помыслить их все совокупно, растягиваемая и складываемая, понуждающая представить способ обращения с ними всеми вместе и одновременно фреймирующая в виде гранд-нарратива общую историю жительниц Вышелея, эта гармошка историй — по сути новый объект с накопленной субъектностью и аккумулярованным значением коллективного опыта.

Новый объект подтягивает и новую форму его восприятия, которая отсылает к обозначению нередуцируемого реляционного характера. Вероятно, здесь следует привлечь идеи гештальтизма, первоначальный и основной тезис которого в работах М. Вертхаймера, Р. Арнхейма и других заключался в том, что восприятие стартует с опоры на артикулированные целые, сложные, но первичные ансамбли, для которых они использовали термин «гештальт» или «форма».

Риторические формы или темы ориентируют публику на развертывание общезначимого обсуждения и поиска аргументов. Так, в кратком гражданском сторителлинге ключевой узнаваемой фигурой является Аристотель с его «Топикой» (Аристотель 1978) — учением об общих местах и правилах построения силлогизма. В аристотелевской традиции темы также называются общеизвестными местами (словами, фразами, идеями, мемами). В греческой и римской риторике, следуя Аристотелю, одним из способов подготовки аргумента было представление его различных тем как мест, которые следует посетить по очереди. От *topos*, места, проис-

ходит *topoi*, что также означает общие места, — точки или пересечения хорошего аргумента, превращающиеся в клише, набор риторических ориентиров, по которым любой оратор может нас убедить. Но какие выводы мы сделаем из упоминания общеизвестного? Какую оценку подтянет условно тяжелый труд женщин в отсутствие мужчин? Если у Аристотеля подразумевалась узкая дискуссия между философами, если не монолог на взыскательную публику, то перспектива гражданского сторителлинга опирается на работу Х. Арендт «*Vita activa, или О деятельной жизни*» (Арендт 2000), в которой она утверждает необходимость вновь стать человеком, достижение, возможное «посредством формы нарратива или рассказывания историй, которую она называет «разыгранной историей»». «Разыгранная история» — это слияние «знания, убеждения, вымысла и телесного «здесь и сейчас» говорящего» (Арендт 2000: 215). Фотоальбом с биографиями жительниц Вышелея — это предъявленная история, дизайн которой отвечает ожиданиям лапидарности, понятности, уместности, степени мастерства исполнителей местной школы, а также запросам на краевую айдентику поддержавших фестиваль спонсоров.

Но литературный процесс, согласно Ф. Фуксу, шире: начиная с XVII века, классическая техника *ars topica* (тематическая аргументация), которая структурировала краткие аргументы для решения повседневных и интеллектуальных проблем, перестала использоваться писателями и мыслителями. На смену ей пришли риторические приемы более узнаваемых литературных форм, а краткие повествовательные формы стали симптомом роли литературы в жизни и обществе на рубеже XIX века: рассказывание историй возникло как современная форма гражданской активности. Прослеживая генеалогию кратких форм через богатые примеры (анализ сказок у В. Бенямина и В. Проппа, фабулические эксперименты Ф. Хельдерлина и Г. фон Клейста, переосмысление басни немецкими романтиками, новеллы Т. Шторма, пословицы Г. Флобера и эпифании Дж. Джойса), Фукс утверждает, что краткие повествования постоянно стремятся преодолеть кажущиеся различия между высокой и низкой культурой. По его словам, таким образом они возрождают классическую социальную функцию *ars topica* (литературного искусства). Если, как считала Х. Арендт, рассказывание историй было необходимо для «активной жизни», то эти краткие формы позволяют артикулировать проблемы гражданского общества и способы их решения, напоминая нам о нашей способности к действию.

Но все же почему краткий формат? В главе книги Ф. Фукса «Восприятие: сказка как тематический архив» прослеживаются научные исследования В. Бенямина в области сказок, который «заново пережил собствен-

ное детство, наблюдая и документируя своего сына Стефана, провел десятилетие, работая над различными версиями «Берлинского детства» — своего рода автобиографической книгой сказок, — изучал феноменологию младенцев, писал радиопередачи, загадки и рассказы для детей, а также рецензии на детские книги, куклы и игрушки» (Fuchs 2023). Исследования В. Беньямина заставили его рассматривать сказки с точки зрения ядра повествования, сгущая формат. В режиме ретрансляции сказка «схлопывается» до уместного контексту объема, сохраняя характеристики героев, основные сюжетные линии, итоговую мораль. Краткий формат vyšелейских историй характеризуется средним количеством слов в предложении — 8,1 — и наиболее употребительными словами в корпусе: году (21); работала (20); родилась (16); войны (13); сейчас (10). С устранением деталей и обстоятельств возникает жесткая конструкция доминирующего жизненного пути сельских женщин: они родились в сложное для страны время и работали, работали, работали... Сгущение темы труда, заполнившего практически все жизненное пространство, обнаруживает главный императив эпохи, снимавший всяческие гендерные различия.

Возвращаясь к «разыгранной» у Х. Арендт истории, следует остановиться на том, что подпитывает социальную функцию vyšелейских историй: они становятся инструментами выживания, моральными ориентирами, эмоциональными мостами. Нарративный эффект историй вызывает катарсис и обновленное чувство принадлежности, которое возникает благодаря общим историям и гражданскому участию (Shinn 2025). Что способствует развитию эмоционального вовлечения в гражданские истории? Прежде всего, убедительная сила истории зависит от того, насколько участники переживают погружение в повествование (Green, Brock 2000; Gerrig 2023). Когда слушатели глубоко погружены в историю, одновременное отключение реальности снижает вероятность контраргументации (Green, Appel 2024) и способствует взаимодействию с иными точками зрения, не ставя под угрозу их собственную идентичность (Bal, Veltkamp 2013). Тонкие изменения в описательном и эмоциональном языке могут усилить эффект погружения (Hibbin 2016; Van Krieken, Hoeken, Sanders 2017), и такие лингвистические изменения могут быть скорректированы в ответ на аффективное состояние слушателей в реальном времени. Во-вторых, идентификация слушателей/зрителей с персонажами истории способствует изменению отношения (Cohen, Klimmt 2021; De Graaf, Hoeken, Sanders, Beentjes 2012). Даже если персонаж придерживается иных политических убеждений, слушатели, которые идентифицируют себя с ним, могут косвенно переживать его борьбу и рост, что усиливает эмпатию и межпоколенное понимание (Polletta, Redman 2020;

Polletta 2015). Слушатели с большей вероятностью идентифицируют себя с персонажами, когда видят общие с ними характеристики (Huang, Fung, Sun 2024). В-третьих, взаимодействие с рассказчиком/автором истории может углубить вовлеченность слушателей в повествование (Nichols, Szapiro, Vasylikiv, Gomez 2022). Таким образом, вовлеченность в переживание истории может быть важной моделируемой задачей и предметом управления.

Так, например, исследователь нарративных практик Дж. Шинн (Shinn 2025), осмысляющий их эффект, упоминает о трех механизмах, метафорируя движущие силы нарратива:

Механизм № 1: история как «инфраструктура для общества и личности». Под этим подразумеваются система убеждений, ресурс для построения идентичности и развертываемые коллективные действия. Нарративная структура отражает то, как сообщества определяют лидерство, развивают доверие к институтам и управляют изменениями. Хорошо рассказанная история создает этос (если использовать терминологию из трактата Аристотеля «Риторика»), она повышает доверие к рассказчику и вызывает отклик у сообщества, от имени которого он говорит и к которому обращается.

Механизм № 2: история как моральная карта. Если история как инфраструктура объединяет и связывает акторов воедино, история как моральная карта показывает, куда идти, и дает обоснования, почему, а истории являются смыслопорождающими картами. Они переводят абстрактные ценности, такие как справедливость, мужество и самопожертвование, в жизненный опыт, помогают ориентироваться в моральных дилеммах и определять, как выглядит «добро» в конкретной истории жизни. Эта моральная функция истории согласуется с аристотелевским понятием логоса, или разума как убеждающей силы. История углубляет убеждающую силу логоса посредством воображаемой эмпатии, а в гражданской деятельности истории могут помочь заинтересованным сторонам преодолевать этические противоречия, например, как сбалансировать конкурирующие потребности или как сохранить достоинство в системах, работающих на пределе возможностей.

Механизм № 3: история как эмоциональный симулятор или тренажер. Если история как инфраструктура связывает нас, а история как моральная карта направляет нас, то история как эмоциональный симулятор учит отыгрывать чувства, страхи и надежды, которые формируют взаимодействие с миром. В этом смысле истории содержат возможность пафоса как убедительной силы эмоционального резонанса.

Таким образом, описанная Дж. Шинном инструментализация нарративов воспроизводит аристотелевскую связку логоса, этоса и пафоса:

обосновывает действия в конкретной социальной ситуации, переводит абстрактные ценности в морально осмысленный опыт и, наконец, затрагивает глубокие образы, воображение и перспективу, пробуждая эмпатию и чувство связи со значимыми другими.

Итак, чем нам полезна концепция краткого гражданского сторителлинга, примененная в контексте vyšелейских кратких женских историй жизни? Благодаря этой концептуальной оптике мы обнаруживаем акцент на том, что подобные лаконичные повествования выполняют свою функцию с определенной степенью автономии от рассказчиц, а также на том, что эффект этих историй носит гражданский характер, поскольку они сформированы внутри сообществ и несут общие выстраданные ценности. То, как и в каком общем сценарии сельского краеведческого праздника они предъявлены и какой обобщающий их дизайн изобретен, продлевает жизнь этим историям и знакомит с ними представителей иных поколений, что позволяет привлечь идеи Б. Латура об опосредованном социальном взаимодействии (Латур 2014).

Социальную жизнь Вышелея можно рассматривать через оптику праздника как процесс объединения жителей, формирования чувства принадлежности и производства локальной идентичности, несмотря на тяготы пережитого прошлого, включающего войну и тяжелый труд. Механизмы сплочения, в том числе нарративы, выполняют социальную работу по сшиванию группы и удержанию ее вместе и на месте, а также, возможно, обеспечивают ремонт и наладку сбоящих смыслов. Люди узнают себя как членов группы, когда могут рассказать истории о происхождении своей группы, о том, что она пережила, и о своих личных достижениях, ею оцененных и поддержанных. Краткие рассказы создаются путем передачи друг другу ощущения общей повседневности их жизни, тех же основных событий, похожих императивов действия и моральных оценок. Но когда истории звучат, они производят сближающий эффект узнавания, такая реакция и есть принадлежность к группе.

В завершение раздела приведем еще одно, литературное, обоснование использования термина «эпифания», богословского по происхождению и фигурирующего в литературной практике, начиная с Д'Аннунцио и Дж. Джойса. В 1901–1904 годах Дж. Джойс создавал краткие тексты, известные как «Эпифании» (Eiphanies) (Джойс 2011), некоторые из них он позднее включил в опубликованные произведения. Эпифании в записных книжках Джойса — это не внезапные озарения о повседневной жизни, в которых открывается суть вещей, а скорее моменты полного внимания к тому, что есть, что рассматривается как достаточное само по себе. У. Эко описывает переживание эпифании следующим образом:

«...художник строит свое эпифаническое видение, отбирая из объективного контекста событий пережитые им атомарные факты, которые он соединяет в новых отношениях благодаря вполне произвольному поэтическому катализу» (Эко 2015: 147). Для этого важна *ритмическая организация* текста. Так, Джойс пишет: «Ритм представляется мне первой, или формальной, связью различных частей в целом, или связью целого с его частью или частями, или связью части с целым, в которое эта часть входит составной частью. Части составляют единое целое, коль скоро они подчинены единой цели» (Жоусе 1959: 145). Наша эмпирическая иллюстрация — совокупность 18 историй, образующих целостный объект с общей судьбой экспонирования. Растягиваемая гармошка имеет физический и текстуально близкий ритм организации биографического материала. Эпифания привносит в него ясность фокуса на повседневность как на нечто, заслуживающее такого пристального внимания.

Заключение и дискуссия: время собрать разрозненное

Авторы предприняли, словами Умберто Эко, повествовательную прогулку с пересборкой концептуальных подходов к не совсем каноническому этнографическому исследованию, которое балансирует между случайностью вовлечения в наблюдаемый перформанс и фронетической предрасположенностью к неотчуждаемой рефлексии, между раздельностью аналитических этапов и совместностью реализуемого замысла, между общим интересом и ревностью к привлекаемому третьему участнику — ИИ. Нас, и мы уже можем позволить себе объединяющее «мы», увлекли размышления о том, как уместно использовать этнографическую концептуальную рамку, организующую биографические краткие тексты, которые рассматривались, с одной стороны, как источник по социальной истории сельского женского труда в XX веке, а с другой — как локальный перформанс памяти, встроенный в практики краеведения. Кроме того, наш объект оказался интересен и как лаконичный текст с ритмичной структурой, обнаруживаемой в масштабе множественности, и как коллекция для перформанса. Методологически мы построили нашу работу как сочетание пересобранной «случайной этнографии» (фиксация непреднамеренного полевого опыта и его ретроспективное осмысление), «этнографии второго порядка» (работа одного исследователя с материалом, собранным другим) и контролируемого использования нейросетей (ChatGPT) для первичной структуриации корпуса текстов с целью выявления общих дискурсивных узлов и векторов анализа. Рефлексия относительно применения ИИ привела к четкому разграничению делегированных задач: авторы статьи объединены позицией удерживать на своей стороне

интерпретацию структурированного с помощью ИИ эмпирического материала. Если размышлять о той роли, которую мы готовы отвести ИИ в нашем исследовании, то это, безусловно, нечеловеческий помощник, даже частичный соавтор, но все еще не соисследователь.

При этом данный отчасти экспериментальный текст, в котором исследователи и нейросеть вступают в диалог, в действительности представляет собой робкий шаг в новый мир работы с полевыми данными, собранными в соответствии с планом или ставшими опытом случайной этнографии и облеченными в форму академического текста, задающего жанровые границы, которые тоже находятся в подвижном состоянии.

Литература / References

Абрамов Р.Н. (2015) Обыденное и научное знание в исследованиях профессий и профессионализма: историко-теоретический анализ. В: Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция: 246–309.

Abramov R.N. (2015) Everyday and Scientific Knowledge in the Study of Professions and Professionalism: A Historical and Theoretical Analysis. In: Devyatko I.F., Abramov R.N., Katernyy I.V. (eds.) *Everyday and Scientific Knowledge about Society: Interactions and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya: 246–309 (in Russian).

Абрамов Р.Н. (2022) На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма. *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*. 14(3): 35–54.

Abramov R.N. (2022) At the Algorithm's Beck and Call, or Stories of a Day Laborer of Platform Capitalism. *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya* [INTERaction. INTERview. INTERpretation], 14(3): 35–54 (in Russian).

Абрамов Ф. (1970) Деревянные кони. *Новый мир*. 2: 73–90.

Abramov F. (1970) Wooden Horses. *Novyy mir* [New World], 2: 73–90 (in Russian).

Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; ред. Д.М. Носов. СПб.: Алетейя.

Arendt H. (2000) *The Human Condition*. Trans. from German and English by V.V. Bibikhin; ed. D.M. Nosov. St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Аристотель (1978) Топика. Пер. с др. греч. М.И. Иткина. Аристотель. *Сочинения*: в 4 т. М.: Мысль. Т. 2.

Aristotle (1978) Topics. Trans. from Ancient Greek by M.I. Itkin. In: Aristotle. *Works*: in 4 vols. Moscow: Mysl. Vol. 2. (in Russian).

Джойс Дж. (2011) *Собрание ранней прозы*. Пер. с англ. С.С. Хоружего. М.: Эксмо.

Joyce J. (2011) *Collected Early Prose*. Trans. from English by S.S. Khoruzhy. Moscow: Eksmo (in Russian).

- Дюби Ж. (1994) *Европа в Средние века*. Смоленск: Полиграмма.
- Duby G. (1994) *Europe in the Middle Ages*. Smolensk: Poligramma (in Russian).
- Желтоухова Д.В. (2022) «Музейный бум» 1960-х годов в краеведческих музеях Среднего Поволжья. *Исторический формат*. 2(30): 87–90.
- Zheltoukhova D.V. (2022) The “Museum Boom” of the 1960s in Local History Museums of the Middle Volga Region. *Istoricheskiy format* [Historical Format], 2(30): 87–90 (in Russian).
- Желтоухова Д.В. (2024) Мотивация в музейном деле Среднего Поволжья 1945–1991 годов. *Исторический формат*. 1(37): 93–99.
- Zheltoukhova D.V. (2024) Motivation in Museum Work in the Middle Volga Region, 1945–1991. *Istoricheskiy format* [Historical Format], 1(37): 93–99 (in Russian).
- Кабаков И. (2005a) Плакат и стенд. Импровизация. Деготь Е., Захаров В. (сост.) *Московский концептуализм*. WAM. 15–16: 349.
- Kabakov I. (2005a) Poster and Stand. Improvisation. In: Degot E., Zakharov V. (eds.) *Moscow Conceptualism*. WAM, 15–16: 349 (in Russian).
- Кабаков И. (2005b) Вся суть в перелистывании. Деготь Е., Захаров В. (сост.) *Московский концептуализм*. WAM. 15–16: 357.
- Kabakov I. (2005b) The Whole Point Is in Turning the Pages. In: Degot E., Zakharov V. (eds.) *Moscow Conceptualism*. WAM, 15–16: 357 (in Russian).
- Климов И. (2008) Размышления о полевом шоке. *Социальная реальность*. 3: 87–99.
- Klimov I. (2008) Reflections on Field Shock. *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 3: 87–99 (in Russian).
- Козлова Н. (2005) *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа.
- Kozlova N. (2005) *Soviet People: Scenes from History*. Moscow: Evropa (in Russian).
- Лазебникова И.В. (2009) Концептуальные альбомы 1970-х годов: Илья Кабаков и Виктор Пивоваров. *Вестник Челябинского государственного университета*. 22: 170–177.
- Lazebnikova I.V. (2009) Conceptual Albums of the 1970s: Ilya Kabakov and Viktor Pivovarov. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 22: 170–177 (in Russian).
- Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Trans. from English by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (in Russian).
- Мясников Г.В. (1986) *Отчизна в сердце нашем: Из опыта идейно-воспитательной работы Пензенской областной партийной организации*. М.: Плакат.

Myasnikov G.V. (1986) *The Fatherland in Our Hearts: From the Experience of Ideological and Educational Work of the Penza Regional Party Organization*. Moscow: Plakat (in Russian).

Мясников Г.В. (2008) *Страницы из дневника*. М.: Институт национальных проблем образования.

Myasnikov G.V. (2008) *Pages from a Diary*. Moscow: Institute of National Problems of Education (in Russian).

Никулин А.М. (1999) Рец. на: Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998. *Социологический журнал*. 3–4: 228–231.

Nikulin A.M. (1999) Review of: Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3–4: 228–231 (in Russian).

Никулин А.М. (2010) Олигархоз как преемник постколхоза. *Экономическая социология*. 11(1): 17–34.

Nikulin A.M. (2010) Oligarchkhoz as the Successor of the Post-Collective Farm. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 11(1): 17–34 (in Russian).

Разувалова А. (2015) *Писатели-«деревенщики»: Литература и консервативная идеология 1970-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.

Razuvalova A. (2015) *Village Prose Writers: Literature and Conservative Ideology of the 1970s*. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Распутин В. (1976) Прощание с Матерой. Распутин В. *Повести*. М.: Молодая гвардия: 13–196.

Rasputin V. (1976) Farewell to Matyora. In: Rasputin V. *Novellas*. Moscow: Molodaya gvardiya: 13–196 (in Russian).

Сорокин П. (1921) Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп. *Вопросы изучения и воспитания личности*. 3: 353–500.

Sorokin P. (1921) The Influence of Profession on Human Behavior and the Reflexology of Professional Groups. *Voprosy izucheniya i vospitaniya lichnosti* [Problems of Personality Study and Education], 3: 353–500 (in Russian).

Степанов Б., Максимова А., Хлевнюк Д. (2021) Краеведение. Завадский А., Дубина В. (ред.) *Все в прошлом: Теория и практика публичной истории*. М.: Новое издательство: 55–68.

Stepanov B., Maksimova A., Khlevnyuk D. (2021) Local History. In: Zavadskiy A., Dubina V. (eds.) *All in the Past: Theory and Practice of Public History*. Moscow: Novoe izdatel'stvo: 55–68 (in Russian).

Шацкий Е. (1990) *Утопия и традиция*. М.: Прогресс.

Shatskiy E. (1990) *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress (in Russian).

Шмидт С.О. (2004) Краеведение — это всегда краелюбие. *История*. 22(742).

Shmidt S.O. (2004) Local History Is Always Love for One's Native Land. *Istoriya [History]*, 22(742) (in Russian).

Эко У. (1998) *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Петрополис.

Eco U. (1998) *The Absent Structure: Introduction to Semiotics*. St. Petersburg: Petropolis (in Russian).

Эко У. (2015) *Поэтики Джойса*. Пер. с ит. А. Коваля. М.: Corpus.

Eco U. (2015) *The Poetics of Joyce*. Trans. from Italian by A. Koval. Moscow: Corpus (in Russian).

Abbott A. (2007) Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology. *Sociological Theory*, 25(1): 67–99. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00298.x>

Avnoon N., Oliver A.L. (2023) Nothing New under the Sun: Medical Professional Maintenance in the Face of Artificial Intelligence's Disruption. *Big Data & Society*. <https://doi.org/10.1177/20539517231210269>

Bal P.M., Veltkamp M. (2013) How Does Fiction Reading Influence Empathy? An Experimental Investigation on the Role of Emotional Transportation. *PLoS ONE*, 8(1): e55341. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0055341>

Christou P.A. (2023) How to Use Artificial Intelligence (AI) as a Resource, Methodological and Analysis Tool in Qualitative Research? *The Qualitative Report*, 28(7): 1968–1980. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6406>

Cohen J., Klimmt C. (2021) Stepping In and Out of Media Characters: Identification and Dynamic Shifts in Users' Positioning toward Entertainment Messages. In: Vorderer P., Klimmt C. (eds.) *The Oxford Handbook of Entertainment Theory*. Oxford: Oxford University Press: 266–284. <https://doi.org/10.1093/oxfordhdb/9780190072216.013.15>

De Graaf A., Hoeken H., Sanders J., Beentjes J.W.J. (2012) Identification as a Mechanism of Narrative Persuasion. *Communication Research*, 39(6): 802–823. <https://doi.org/10.1177/0093650211408594>

De Paoli S. (2024) Performing an Inductive Thematic Analysis of Semi-Structured Interviews with a Large Language Model: An Exploration and Provocation on the Limits of the Approach. *Social Science Computer Review*, 42(4): 997–1019. <https://doi.org/10.1177/08944393231220483>

Elliott D. (2025) A Forgetful Ethnography: Memory, Memoir, and Brain Injuries. *American Anthropologist*, 127(1): 168–175. <https://doi.org/10.1111/aman.28048>

Freeman M. (2016) *Modes of Thinking for Qualitative Data Analysis*. New York: Routledge.

Fuchs F. (2023) *Civic Storytelling: The Rise of Short Forms and the Agency of Literature*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Fujii L.A. (2015) Five Stories of Accidental Ethnography: Turning Unplanned Moments in the Field into Data. *Qualitative Research*, 15(4): 525–539. <https://doi.org/10.1177/1468794114548945>

Gerrig R.J. (2023) Processes and Products of Readers' Journeys to Narrative Worlds. *Discourse Processes*, 60(4–5): 226–243. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2023.2177457>

Goodwin C. (1994) Professional Vision. *American Anthropologist*, 96(3): 606–633. <https://doi.org/10.1525/aa.1994.96.3.02a00100>

Green M.C., Appel M. (2024) Narrative Transportation: How Stories Shape How We See Ourselves and the World. *Advances in Experimental Social Psychology*, 70: 1–82. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2024.03.002>

Green M., Brock T. (2000) The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79: 701–721. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.701>

Hibbin R. (2016) The Psychosocial Benefits of Oral Storytelling in School: Developing Identity and Empathy through Narrative. *Pastoral Care in Education*, 34(4): 218–231. <https://doi.org/10.1080/02643944.2016.1225315>

Hitch D. (2024) Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? *Qualitative Health Research*, 34(7): 595–606. <https://doi.org/10.1177/10497323231217392>

Huang K.Y., Fung H.H., Sun P. (2024) The Effect of Audience–Character Similarity on Identification with Narrative Characters: A Meta-Analysis. *Current Psychology*, 43(8): 7026–7043. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04842-4>

Joyce J. (1959) *Critical Writings of James Joyce*. Mason E., Ellmann R. (eds.) London: Faber and Faber.

Koning J., Ooi C.S. (2013) Awkward Encounters and Ethnography. *Qualitative Research in Organizations and Management*, 8(1): 16–32. <https://doi.org/10.1108/17465641311327496>

Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

Levitan J., Carr-Chellman D., Carr-Chellman A. (2020) Accidental Ethnography: A Method for Practitioner-Based Education Research. *Action Research*, 18(3): 336–352. <https://doi.org/10.1177/1476750317709078>

Lynch G. (2025) Driving Together: Shared Car Journeys as Research Space. *Qualitative Research*, 25(2): 436–455. <https://doi.org/10.1177/14687941241255251>

Mollick E. (2024) *Co-Intelligence: Living and Working with AI*. New York: Portfolio.

Nichols E., Szapiro D., Vasylyk Y., Gomez R. (2022) “I Can’t Believe That Happened!”: Exploring Expressivity in Collaborative Storytelling with the Tabletop Robot Haru. In: *2022 31st IEEE International Conference on Robot and Human Interactive Communication (RO-MAN)*: 59–66.

Paulus T.M., Lester J.N. (2024) Digital Qualitative Research Workflows: A Reflexivity Framework for Technological Consequences. *International Journal of Social Research Methodology*, 27(6): 621–634. <https://doi.org/10.1080/13645579.2023.2237359>.

Paulus T., Lester J.N., Davis C. (2026) The Construction of the Role of AI in Qualitative Data Analysis in the Social Sciences. *AI & Society*, 41: 1737–1748. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02488-3>

Polletta F. (2015) Characters in Political Storytelling. *Storytelling, Self, Society*, 11(1): 34–55. <https://doi.org/10.13110/storselfsoci.11.1.0034>

Polletta F., Redman N. (2020) When Do Stories Change Our Minds? Narrative Persuasion about Social Problems. *Sociology Compass*, 14(4): e12778. <https://doi.org/10.1111/soc4.12778>

Poulos C.N. (2009) *Accidental Ethnography: An Inquiry into Family Secrecy*. New York: Routledge.

Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Shanin T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.

Shinn J. (2025) Story as Strategy: Reframing Civic Engagement through the Narratives We Live. *National Civic Review*, 114(2): 28–34.

Sløk-Andersen B., Persson A. (2021) Awkward Ethnography: An Untapped Resource in Organizational Studies. *Journal of Organizational Ethnography*, 10(1): 65–78. <https://doi.org/10.1108/JOE-09-2020-0036>

Ssorin-Chaikov N. (2003) *The Social Life of the State in Sub-Arctic Siberia*. Stanford: Stanford University Press.

Suryawan T.G.A.W.K., Khoo C. (2025) A Pragmatic Approach to Understanding Sustainability Strategies of Small, Private Museums: Accidental Ethnography through Critical Realism. *Journal of Sustainable Tourism*: 1–28. <https://doi.org/10.1080/09669582.2025.2562433>

Tracy S.J. (2010) Qualitative Quality: Eight “Big-Tent” Criteria for Excellent Qualitative Research. *Qualitative Inquiry*, 16(10): 837–851. <https://doi.org/10.1177/1077800410383121>

Van Krieken K., Hoeken H., Sanders J. (2017) Evoking and Measuring Identification with Narrative Characters: A Linguistic Cues Framework. *Frontiers in Psychology*, 8: 1190. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01190>

Van Manen M. (2023) What Does ChatGPT Mean for Qualitative Health Research? *Qualitative Health Research*, 33(13): 1135–1139. <https://doi.org/10.1177/10497323231210816>

Wåsterfors D. (2023) My Face Turned Red, but It Led Me ... Nowhere: Notes on Epistemically Pointless Embarrassment in Ethnographic Practice. *Qualitative Research*, 23(4): 1078–1092. <https://doi.org/10.1177/14687941211072800>

VYSHELEY EPIPHANIES: CONCEPTUAL REASSEMBLY OF ACCIDENTAL ETHNOGRAPHY¹

Roman N. Abramov^{1,2} (rabramov@hse.ru),
Elena Yu. Rozhdestvenskaya^{1,2} (erozhdestvenskaya@hse.ru)

¹HSE University, Moscow, Russia

²Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Citation: Abramov R., Rozhdestvenskaya E. (2026) Vyshley Epiphanies: Conceptual Reassembly of Accidental Ethnography. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 244–274 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.9> EDN: FSTRQO

Abstract. The article presents an experimental study at the intersection of social anthropology and qualitative sociology. The empirical basis is a corpus of 18 short biographical sketches of collective farm peasant women from the village of Vyshley, Penza Region, created at the end of the Soviet period by school local historians and discovered by one of the authors during a local Mordovian culture festival. The authors develop the approaches of “accidental ethnography” and “second-order ethnography”, considering ego-texts as a source for the social history of women’s labour in the 20th century and as a local performance of memory. The methodology combines retrospective reflection on unintentional field experience, work with material collected by another researcher, and controlled use of neural networks (ChatGPT) for primary structuring of the corpus. The theoretical foundation of the article is F. Fuchs’ concept of short civic storytelling and the notion of epiphany. The analysis shows that despite the formal lapidarity of the narratives (peasant origin, lack of education, total labour during the war, help to the front), they form a stable emotional regime of patience, duty and silent heroism. The collection itself acts as a narrative agent constructing local identity. In the conclusion, the authors reflect on the epistemological and ethical boundaries of using AI in qualitative research, discussing the potential and risks for “live” fieldwork. The polyphony of voices (ethnographers, neural network, school authors and heroines) problematizes genre and authorial modes of writing in contemporary social anthropology.

Keywords: accidental ethnography, epiphanies, neural networks, peasantry, social history, local history, ego-documents.

¹The article was prepared as part of the Basic Research Program at HSE University.

РЕЦЕНЗИИ

УНЕСЕННЫЕ ПРИЗРАКАМИ.

Рецензия на книгу: САДЕН Э. (2025) *СРЕДИ ПРИЗРАКОВ: РАССУЖДЕНИЕ ОБ ЭПОХЕ МЕТАВСЕЛЕННОЙ И ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА*. Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. — 272 с. ISBN 978-5-89059-567-6¹

Мария Александровна Юдина (m.yudina@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия.

Цитирование: Юдина М.А. (2026) Рецензия на книгу: Саден Э. (2025) Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта. Пер. с фр. А. Захаревич. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. — 272 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 275–285.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.10> EDN: FUMNHW

Когда компания М. Цукерберга, деятельность которой запрещена в Российской Федерации, объявила о переименовании в «Meta»² и тем самым взяла курс на «Метавселенную», невольно задалась вопросом: куда еще дальше от реальности? Неужели мало многочисленных статей в медицинских журналах о новых заболеваниях и синдромах, связанных с проблемами чрезмерного цифрового потребления? Интернет-зависимость, разнообразные формы техностресса, объектуализация социальных отношений. Все это нарастает год от года, но несколько не останавливает технологические гиганты, продающие свои творения под лозунгами *верного — потому что очень удобного* — пути развития человечества. Работа Эрика Садена «Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта» показывает изнанку вездесущего программного обеспечения и технологий *доработанной* реальности.

¹ Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-001).

² Деятельность корпорации Meta Platforms Inc. по реализации соцсетей Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

В заголовок данной рецензии не случайно вынесена отсылка к анимационному фильму «Унесенные призраками» знаменитого японского аниматора Хаяо Миядзаки. Будучи руководителем собственной студии, он узнал от подмастерьев-аниматоров, что те ни разу в жизни (!) не видели живого пламени, и велел им посмотреть, как горит дерево *в реальном мире*. Он упоминал этот случай в интервью журналу Entertainment Weekly в 2005 г. (Daly 2005), сетуя, что компьютеры вытеснили определённый жизненный опыт, а без него нельзя стать аниматором. Этот пример из высокотехнологичной Японии иллюстрирует одну из затронутых Э. Саденом проблем. Погружаясь в метавселенные, люди вступают в эпоху, в которой реальное и виртуальное смешаны настолько, что становятся все менее различимыми между собой. Более того, искусственный мир делает все, чтобы казаться лучше настоящего. По мнению философа, в погоне за комфортом пользователей технологии увели человечество на опасную тропу *отказа от уникальности в пользу утилитарности*.

Сам Э. Саден начинает книгу с замка на горе и литературной отсылки к знаменитой трагедии принца Датского. Э. Саден утверждает, что человечество уподобляется миллионам «гамлетов»: так автор подчеркивает опасность происходящей цифровой трансформации. Гамлет внимает не живым людям — Горацио и Марцелло, — а привидению, фантастической тени убитого отца. Именно это *безусловное доверие призраку* станет основой мотивации главного героя, разрушившей его жизнь. Подчеркну, что во времена Уильяма Шекспира церковь осуждала веру в привидения как суеверие. Более того, теологи склонялись к версии о дьявольских уловках: душа отца не могла вернуться или «застрять» на Земле, следовательно, Гамлета искушает дьявол. На мой взгляд, это — удачная метафора, ведь технологии генеративного искусственного интеллекта действительно спроектированы таким образом, чтобы вызывать *доверие* пользователей. Все — во имя продолжения *использования* технологии, то есть ради достижения целей ее создателей-разработчиков.

Э. Саден начинает разбор призрачной эпохи с презентации iPhone (9 января 2007 г.). Он преподносит презентацию Стива Джобса как epochальное событие для массового цифрового консюмеризма: знаковый гаджет объединил телефон, геолокацию и приложения и к тому же, в отличие от компьютера, всегда находится при пользователе. Затем, в разделе «Откуда что взялось», он называет первой фазой массовый выход в интернет в 1990-е годы, второй — социальные сети (Веб 2.0), а iPhone обозначает как третью стадию: «с появлением айфона возникает совершенно новая технико-экономическая логика» (Саден 2025: 20). Не оспа-

ривая значимость данного события, позволю себе не согласиться с автором книги в отношении хронологии.

Обращаясь к проблеме *доверия пиксельным¹ призракам*, я считаю более обоснованным начать не с создания интернета и даже не с его массового внедрения в общество. В 1963 году, получив грант в размере 2,2 миллиона долларов от Министерства обороны США², Джозеф Вейценбаум занимался машинной имитацией естественного английского языка. По итогам работы он опубликовал статью об одном из первых чат-ботов в истории человечества (Weizenbaum 1966). Программу он назвал «Элиза» по имени героини пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Но если героиня пьесы притворялась леди, то творение Дж. Вейценбаума вызывало кажущуюся необъяснимой привязанность у пользователя. Простейшая имитация речи — программа переформулировала утверждения пользователя в вопросы — смогла создать иллюзию взаимопонимания. Ассистентка Дж. Вейценбаума даже просила его выйти, когда «общалась» с «Элизой» (Weizenbaum 1976). Так появился термин «эффект Элизы» — за четверть века до массового выхода миллионов людей в интернет и, если считать от даты публикации статьи Дж. Вейценбаума, за 56 лет до запуска ChatGPT (30 ноября 2022 года).

Считаю «эффект Элизы» естественным когнитивным искажением, а не новой болезнью ИИ-эпохи. Как социологу, мне близка гипотеза социального мозга Р. Данбара (Dunbar 1998): эволюция сделала наш мозг таким, какой он есть из-за потребности выживать коллективно, а не поодиночке. Слабость одного компенсируется способностью строить отношения с другими. Отсюда проистекает картина мира, в которой хорошие, взаимовыгодные отношения — залог индивидуального выживания. На мой взгляд, именно поэтому люди склонны строить отношения даже с материальными объектами. Но это лишь мнение, требующее дополнительных исследований для проверки.

Вернемся к хронологии, которой придерживается Э. Саден. В 1969 году военная сеть ARPANET связала два американских университета. Спустя 35 лет, 4 февраля 2004 года Марк Цукерберг запустил Facebook³, создав коммерческую компанию, основанную на человеческой потребности в об-

¹ По выражению Э. Садена в переводе А. Захаревич.

² На эти деньги MIT запустил проект MAC (Machine-Aided Cognition) — это аббревиатура для «машинно ориентированное познание».

³ Деятельность корпорации Meta Platforms Inc. по реализации соцсетей Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

щении. Стартовала эпоха социальных сетей, Веб 2.0. В этой череде событий iPhone 2007 года Э. Саден трактует как старт массового внедрения особой технико-экономической логики. Добавлю также, что годом ранее, в 2006 году, британский математик Клайв Хамби произнес ставшую сегодня общим местом фразу «Данные — это новая нефть» (Кузнецов, Константинов, Скворцов 2022). iPhone важен не просто как персональный компьютер компактных размеров. Гаджет преодолел географические границы — интернет стал доступен человеку со смартфоном откуда угодно. Подчеркну, что именно *география* стала камнем преткновения в вопросах государственного контроля: начали бить тревогу о сохранности личных данных граждан на *территории национальных государств*.

«Калифорнийская идеология объединяет левых и правых либертарианцев под эгидой технологического детерминизма и общей антипатии к государству. Калифорнийская идеология предполагала цифровое царство, неподвластное государству, одновременно являющееся свободным рынком идей и общественной агорой, построенной на рекламе» (Brady 2025: 550), — утверждает доцент географического факультета Университета Нью-Йорка Д. Брейди. Он подчеркивает, что в «калифорнийской идеологии» американские технологии рекламируются на весь мир как результат свободного рынка, будучи на деле результатом государственной поддержки на протяжении десятилетий. Несмотря на глобальность сети Интернет и современное распространение центров обработки данных за пределами США, историческое первенство в создании ряда ключевых информационно-коммуникационных технологий позволило с помощью мягкой силы распространять технологический детерминизм как историю успеха (следуйте примеру США) *под видом неизбежной логики научно-технологического прогресса*. Э. Саден в ответ на такую экспансию обыгрывает лозунг «запрещать запрещено», популярный во время майских волнений 1968 года во Франции, призывая «...забыть наконец мантру Силиконовой долины, клятвою обещающую лишь отказ от любых ограничений, и провозгласить, во имя нашего прошлого, настоящего и будущего, что нам морально запрещено не запрещать пересечение этого последнего рубежа» (Саден 2025: 261).

Но что именно автор «Среди призраков» понимает под последним рубежом? По его мнению, на наших глазах «происходит становление экономической и, шире, общественной модели: спешно ликвидируется разрыв, разделяющий любого человека и любую вещь, и устанавливается порядок всеобщего автоматического приведения к соответствию» (Саден 2025: 13). Пользователей ИИ и «метавселенной», на мой взгляд, можно назвать основными *потребителями рисков* в терминологии У. Бека

(Бек 2000). Таков закономерный итог «повсеместной компьютеризации» (Судас, Юдина 2021), которая в русском переводе книги Э. Садена обозначена как «убиквитарность» (от ubiquity — повсеместность, вездесущность). Суть в стирании границ реального и виртуального миров «волшебством» технологической коммуникации.

Далеко не единое в своих взглядах на *реальный* мир человечество в XXI веке пытается определить границы допустимого в новом, *виртуальном* пространстве. Риторика о границах и цифровом суверенитете набирает все большую популярность. Заявления технологических детерминистов о нейтральности технологий сталкиваются с критикой исследователей, оперирующих методами исследований науки и технологий (science and technology studies, далее — STS). Например, Чан пишет о *цифровой евгенике*, «прослеживает историческую преемственность идей, дискурсов и практик, выявляя связи между, казалось бы, разнородными явлениями — викторианской расовой антропологией и алгоритмами машинного обучения» (Беляев 2026). Но, несмотря на рост числа научных публикаций, разбирающих риски преодоления такого «последнего рубежа», управленческая практика прагматична. Никто не хочет проиграть в технологической гонке, поэтому прямые запреты и ограничения цифрового потребления чаще являются редкостью — исключением, подтверждающим правило.

По выражению социолога Л.Г. Ионина, изучавшего постмодерн и общество знания, «то, что считалось средством, то есть технология, стало самоцелью; в результате метанарративы лишились смысла» (Ионин 2007: 417). Утилитарная мощь технологий — эффективное средство в руках влиятельных социальных групп. Лица, принимающие решения, все чаще выбирают технологические нарративы. В «оцифровке» и «цифровизации» заметно стремление к учету и контролю: машинночитаемую информацию легче обрабатывать и отслеживать, чем бумажные документы. Ныне общеупотребимый термин «цифровая трансформация» позволил управленцам подчеркнуть глубину происходящих социальных изменений, не вдаваясь в подробности истории научно-технологического развития. Когда данные признали новой нефтью, появилось data-driven governance (Стырин 2024) — государственное управление, основанное на данных. В этой парадигме данные — актив, на основе которого принимаются решения, поэтому чем эффективнее они собираются, обрабатываются и применяются, тем лучше работает государство.

Э. Саден заявляет о «*становлении нового этоса*» (Саден 2025), связанного с уникальной констелляцией обстоятельств пандемии COVID-19,

которая привела человечество к новому уровню погружения всех форм взаимодействия в технологическое пространство. При этом он отсылает к своей работе 2009 года о глобальной слежке и заявляет, что позиция Ш. Зубофф ошибочна, а ее «надзорный капитализм» основан «на весьма устаревших позициях» (Саден 2025: 116). Подчеркну голословность этих обвинений. Во-первых, Э. Саден ограничился лишь кратким упоминанием ее знаковой монографии (Zuboff 2019), хотя Ш. Зубофф успешно развивает теорию, в том числе с учетом событий пандемии COVID-19 (Zuboff 2022). Во-вторых, самого Э. Садена также легко можно обвинить в опоре на устаревшие позиции. Он строит манифест против ИИ на ставших классическими работах М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра и Ж. Лакана, но не рассматривает актуальные работы о технологиях в социологии, антропологии и других общественных науках, ограничившись замечанием в адрес Ш. Зубофф.

Говоря о проблемах повсеместной компьютеризации («убиквитарности»), Э. Саден не упоминает акторно-сетевой подход, хотя многие исследователи успешно применяют его для анализа современной цифровой трансформации. Основы акторно-сетевой теории (АСТ) были разработаны Центром социологии инноваций Высшей национальной школы горного дела в Париже (Muniesa 2015). В 1979 году совместная работа Б. Латюра и С. Вулгара (приводится по Birkbak 2023) положила начало тому, что позже назовут *поворотом к вещам в социологии*. Если раньше материальным объектам отводились роли проекционных экранов и физических рамок социального взаимодействия, то развивавшие АСТ исследователи стерли тот самый последний рубеж Э. Садена. Они изучают *гетерогенные сети* людей и предметов, уравнивая их. Радикальность решения вызвала протест многих гуманитариев: ценность человечности и ее превосходство над материальными объектами многие считают своим долгом отстаивать. Возможно, в этом кроется причина того, что Э. Саден игнорирует результаты социологических исследований технологий, в которых он видит угрозу.

Современные «умные» алгоритмы «воспринимают» людей и объекты материального мира одинаково — как источники данных для принятия решений о собственном поведении. В этом смысле социология как научная дисциплина предвосхитила то, что технократы вроде М. Цукерберга постулируют в качестве цели — как свое видение будущего в виде всеобщего единства *сетевой* социальности. Это будущее создается на их условиях, на технологической *территории*, где они — авторы и владельцы алгоритмов — хозяева и законодатели. «Конечная цель в том, чтобы едва ли не все наши действия... осуществлялись теперь лишь посредством процес-

соров и пикселей» (Саден 2025: 17), — предупреждает Э. Саден. Так он подчеркивает своей книгой управленческую проблему: алгоритмы ИИ, как и прочие средства «метавселенных», скрытно корректируют поведение пользователей, «выступая носителем квазиистины» (там же: 145).

Юрист П.В. Васильев предлагает использовать приставку «квази-» тогда, «когда у базовых и квазиявлений есть общность только некоторых юридически значимых содержательных свойств с базовыми явлениями, но нет аналогичной общности свойств формальных» (Васильев 2021: 27). Приставка «квази-» в новых условиях набирает популярность. Трудно признать объекты, пусть даже «умные» алгоритмы, *равными* людям — их партнерам по социальному взаимодействию. Термин «квазисоциальные отношения» (Судас, Юдина 2021) для обозначения взаимодействия людей и технологий стал компромиссом, позволяющим включить технологии в социальный анализ, но при этом «приподнять» людей, подчеркнуть аналоговую, привычную, человеческую социальность в условиях, когда «эффект Элизы» становится *новой нормой*.

Развеять мрачный туман замка на горе у Э. Садена, рисующего читателям картину технологических корпораций, которые поработили миллионы людей пиксельными призраками, помогают результаты исследований антропологов. Как утверждает Н. Сивер, исследователи никогда не узнают точно, как устроен «черный ящик» ИИ из-за прав собственности разработчиков (Seaver 2017). Но он применил этнографию к корпоративной инфраструктуре и выяснил, что настоящая проблема не в глобальном заговоре технократов. Сами программисты и нанимающие их владельцы фирм не могут в полной мере осознать собственную разработку с точки зрения ее социального воздействия. Как такое возможно? В основе ИИ — самообучение; человеческие возможности контроля над технологией ограничены, общее не равно сумме отдельных элементов, заложенных программистами. Добавим к этому, что все чаще прорывные инновации создаются коллективами, где каждый вносит свою лепту, имея лишь смутное представление о работе коллег: настолько сложен путь от концепции до продукта.

Наконец, успех руководителя — достигнутый им уровень — сам по себе может создавать иллюзию правильности личного видения будущего, особенно когда иерархическая структура поддерживает такого лидера. Отсюда громкие лозунги и превращение технологий в самоцель: утилитаризм упрощает, экономит время и интеллектуальные ресурсы руководителей. Результаты технологических преобразований для социума трудно поддаются измерению, тогда как экономическая выгода просчитываема и позволяет быстро строить стратегии и принимать тактические решения.

Но выигрыш в технологической гонке, купленный ценой долгосрочного падения качества жизни населения, того не стоит.

В финале книги «Среди призраков» автор обращается к биополитике М. Фуко, понимая дивный новый мир алгоритмов как инструментальную рациональность, направленную на систематическое корректирование поведения (Саден 2025: 253–254). Э. Саден убежден: ИИ и прочие современные разработки блокируют человеческие способности и порывы в управленческих целях. Именно поэтому в своих призывах к читателям автор подчеркивает значимость уникальности и творчества, считая генеративную выдачу ИИ мертвой и опасной подделкой под жизнь. Коммюнике мировых лидеров технологического сообщества об опасностях технологий ИИ, сопоставимых с угрозой ядерной войны, Э. Саден комментирует саркастично: отчего не быть последовательными и не закрыть собственные корпорации, пока те не принесли еще больше вреда? «Для общества было бы весьма полезно, если бы мантра, которую вы твердите десятилетиями, утверждая, что хотите „сделать мир лучше“, стала бы наконец осязаемой реальностью» (Саден 2025: 249).

Могу понять желание Э. Садена обвинить во всех проблемах эпохи жадные технологические элиты, но считаю такой подход чрезмерным упрощением. Выход к устойчивому, человекоориентированному и гуманистическому будущему лежит не во взаимных обвинениях разных слоев общества. Востребованные инновации — это всегда результат диалога и сотрудничества специалистов разных областей. Э. Саден, опираясь преимущественно на французских философов и политические реалии Франции, игнорирует созданную в той же стране социологами акторно-сетевую теорию. Современные генеративные модели, равно как и нарождающиеся метавселенные, влекут за собой междисциплинарные вызовы. Ответы на них также требуют сотрудничества представителей разных научных дисциплин. При всех своих ограничениях книга Э. Садена ценна оригинальным видением и может служить источником идей для исследователей цифровой трансформации и почвой для интеллектуальной дискуссии.

Литература / References

Бек У. (2000) *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Беляев Д. (2026) Цифровая евгеника под маской нейтральных данных. Рецензия на книгу: Chan A.S. (2025) *Predatory Data: Eugenics in Big Tech and Our*

Fight for an Independent Future. Социологическое обозрение, 25(1): 356–363. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2026-1-356-363>

Belyaev D. (2026) Digital Eugenics under the Guise of Neutral Data. Book Review: Chan A.S. (2025) *Predatory Data: Eugenics in Big Tech and Our Fight for an Independent Future. Sotsiologicheskoe Obozrenie* [Russian Sociological Review], 25(1): 356–363. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2026-1-356-363> (in Russian).

Васильев П.В. (2021) Нетипичные, квази- и псевдоявления юридической реальности: отдельные проблемы и гипотезы их решения. *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*, 3(43): 17–30. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.02>

Vasilyev P.V. (2021) Atypical, Quasi- and Pseudo-Phenomena of Legal Reality: Some Problems and Hypotheses for Their Solution. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki* [MCU Journal of Legal Studies], 3(43): 17–30. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.02> (in Russian).

Ионин Л.Г. (2007) *Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Ionin L.G. (2007) *Sociology in the Knowledge Society: From the Modern Era to the Information Society*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Саден Э. (2025) *Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Sadin E. (2025) *Spectral Life: Rethinking the Age of the Metaverse and Generative AI*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House (in Russian).

Стырин Е.М. (2024) Барьеры внедрения датацентричного государственного управления: опыт России. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 21(1): 61–81. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-61-81>

Styrin E.M. (2024) Barriers to the Implementation of Data-Centric Public Administration: The Russian Experience. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration], 21(1): 61–81. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-61-81> (in Russian).

Судас Л.Г., Юдина М.А. (2021) *Управленческие императивы Индустрии 4.0*. М.: Издательство Московского университета.

Sudas L.G., Yudina M.A. (2021) *Management Imperatives of Industry 4.0*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Birkbak A. (2023) Actor-Network Theory. In: Spillman L. (ed.) *Oxford Bibliographies in Sociology*. New York: Oxford University Press.

Brady D. (2025) Toward a Geographical Stack: Reworking State-Less and Scale-Less Conceptions of the Digital in China and California. *Progress in Human Geography*, 49(6): 541–561. <https://doi.org/10.1177/03091325251356294>

Dunbar R.I.M. (1998) The Social Brain Hypothesis. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 6(5): 178–190. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6505\(1998\)6:5%3C178::AID-EVAN5%3E3.0.CO;2-8](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6505(1998)6:5%3C178::AID-EVAN5%3E3.0.CO;2-8)

Muniesa F. (2015) Actor-Network Theory. In: Wright J.D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Vol. 1. Oxford: Elsevier: 80–84.

Seaver N. (2017) Algorithms as Culture: Some Tactics for the Ethnography of Algorithmic Systems. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717738104>

Weizenbaum J. (1966) ELIZA — A Computer Program for the Study of Natural Language Communication between Man and Machine. *Communications of the ACM*, 9(1): 36–45. <https://doi.org/10.1145/365153.365168>

Weizenbaum J. (1976) *Computer power and human reason: from judgment to calculation*. San Francisco: W. H. Freeman.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs.

Zuboff S. (2022) Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization. *Organization Theory*, 3(3). <https://doi.org/10.1177/26317877221129290>

Источники

Кузнецов С., Константинов А., Скворцов Н. (2022) *Ценность ваших данных*. М.: Альпина ПРО.

Daly S. (2005) *Spotlight on anime director Hayao Miyazaki* (published June 17, 2005). URL: <https://ew.com/article/2005/06/17/spotlight-anime-director-hayao-miyazaki/> (дата обращения: 23.09.2026).

SPIRITED AWAY.

Book review: SADIN E. (2025) *SPECTRAL LIFE: RETHINKING THE AGE OF THE METAVERSE AND GENERATIVE AI*. TRANS. FROM FRENCH BY A. ZAKHAREVICH. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. — 272 p. ISBN 978-5-89059-567-6 (in Russian)¹.

Maria A. Yudina (m.yudina@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Yudina M. (2026) Spirited Away. Book review: Sadin E. (2025) *Spectral Life: Rethinking the Age of the Metaverse and Generative AI*. Trans. from French by A. Zakharevich. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. — 272 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 275–285 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.10> EDN: FUMNHW

Acknowledgements

This review is an output of a research project HSE-BR-2025-001 implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

¹ На момент написания рецензии у книги нет официального перевода на английский язык. Выходные данные оригинала на французском языке: Sadin E. (2023) *La vie spectrale: penser l'ère du métavers et des IA génératives*. Paris: Éditions Grasset & Fasquelle.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена: **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученую степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты; **ключевыми словами** (5–8 слов); подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы представляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

http://www.jourssa.ru

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian or English.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

Brief information about the author, including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания
производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2026 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 1, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2026. Том 29, № 3. Дата выхода в свет 27.09.2026.

Формат бумаги 60х84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40